

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ХХІ. 1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

П-22257

- Печора. Гидрографическія наблюденія на ней и на рѣкѣ Сыгъ К. Д. Носилова (рукопись). 146.
- Поговорки и пословицы, сборникъ г. Олѣсова. 146.
- Потанинъ, Г. Н. Вѣсти о его экспедиціи. 86, 242, 357, 444 и 576. — Помянки по Чингисъ-хану. 303.
- Пржевальскій, Н. М. Третье путешествіе въ центральной Азіи. Одобрение этой книги для средне-учебныхъ заведеній. 150. — Вѣсти о его экспедиціи. 235, 241, 558. — Изданіе описанія его коллекцій. 432.
- Пругавинъ, А. С. Духовные стихи молokane-пригунской секты Новоузенскаго уѣзда (рукопись). 155.
- Пыпинъ, А. Н. О задачахъ русской этнографіи. 480.
- Пѣсни русскія. О собраніи ихъ съ нѣльями. 551. — Таранчинскія, см. Пантусовъ.
- Риттихъ, А. О. Этнографическая карта Европейской Россіи, одобрение ея для средне-учебныхъ заведеній. 150.
- Рунгебергъ, Р. И. Экспедиція на рѣку Ангарту (рукопись). 146.
- Рабинскій, К. Н. Матеріалы для этнографіи научной жизни дѣтей въ гор. Лашевъ (рукопись). 147. — Отзывъ о ней г. Хрушова. 540.
- Савельевъ, Р. Н. * Сообщение о барометрѣ Туреттени. 316. * Сообщение о термометрахъ Капеллера. 339.
- Сарыкамыши, какъ озерной бассейны, см. Кошницъ. 202.
- Сахара. Антропологическая экскурсія туда, см. Елизьевъ. 361.
- Сеймъ, рѣка. О вскрытіи его и замерзаніи въ 1884 г. (рукопись), см. Зеленинъ. 325.
- Сибирь западная. Обмеленіе озеръ западно-сибирской низменности, г. Ядринцева. 147.
- Смирновъ, Д. В. Отзывъ о рукописи г. Пантусова «Пѣсни Таранчей». 428.
- Смирновъ, Н. А. Метеорологическій дневникъ за 1884 г. (рукопись). 325.
- Солычегоск. Метеорологическій дневникъ оттуда, см. Смирновъ. 325.
- Сорокинъ, Н. Н. Путешествіе по русскому Тянь-Шаню. 113.
- Станица образованія на Новой Землѣ. Форма образованія результатовъ ея дѣятельности. 149.
- Стародубъ, рукопись г. Выворова. 146.
- Сыгъ. Гидрографическія наблюденія на ней и на Печорѣ К. Д. Носилова (рукопись). 146.
- Таранчи. О музыкѣ и пѣніи Таранчей г. Пантусова (рукопись). 147.
- Тарасовъ, Л. И. Премія за описаніе Вышняго Волочка, см. приложеніа.
- Тарусскій уѣздъ. Народные обычаи оттуда, см. Нелтвостскій. 432.
- Тезавровскій, С. Д. свѣд. Наблюденія надъ періодическими явленіями природы въ г. Ливнахъ (рукопись). 325.
- Течения морскія. Сообщенія о нихъ, см. Макаровъ. 427.
- Тягло, А. А. * Сообщение о силѣ земного магнетизма въ Россіи. 154. — Абсолютная высота озеръ Ладожскаго, Онежскаго и Пяльмена. 537.
- Трусманъ, Ю. А. Физическіе элементы въ Гдовскомъ уѣздѣ. 199. — О работахъ его въ 1885 г. 330.
- Туркмени юго-западные, см. Лессаръ. 1.
- Тускери рѣка. О вскрытіи и замерзаніи ея (рукопись), см. Зеленинъ. 325.
- Тянь-Шань. Путешествіе туда Н. Н. Сорокина. 113.
- Уваровъ, гр. А. С. Объ ученыхъ его заслугахъ, см. Майковъ. 80.
- Узбой западный, см. Кошницъ. 202.
- Ураль. Исслѣдованіе его проходовъ. 337.
- Фалингинъ, А. С. Рефератъ о книгѣ его «Религія древнихъ Славянъ», см. Миллеръ. 335.
- Хина. Антропологическія опредѣленія тамъ, кап. Геденова. 199.
- Хрушова, И. П. Отзывъ о рукописи г. Рабинскаго «Матеріалы для этнографіи научной жизни дѣтей въ гор. Лашевъ». 540.
- Черемисы. Остатки язычества у нихъ, см. Кушелевъ. 449.
- Чингисъ-Ханъ. Помянки по нему. 303.
- Цѣны метеорологическихъ инструментовъ, см. Воейковъ. 316.
- Шокальскій, Ю. М. Свободное государство Конго. 501.
- Шиндлеръ, Л. В. * Сообщение о вѣтрахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. 317.
- Югорскій Шаръ. Метеорологическія наблюденія на пути между Югорскія Шаръ и Обдорскъ, П. Гренбека (рукопись). 146.
- Юргенскъ, Н. Д. Экспедиція къ устью р. Лены. 249.
- Ядринцевъ, Н. М. Обмеленіе озеръ западно-сибирской низменности (рукопись). 147. — О женской одеждѣ Алтайскихъ (рукопись). 147. — * Сообщение о началахъ осѣлости. 350.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНИЯ.

(ЗЕМЛИ САРЫКОВЪ И САЛОРОВЪ).

П. М. Лессара.

(Читано на общемъ собраніи И. Р. Г. О. 7 декабря 1884 г.)

Годъ тому назадъ я имѣлъ честь доложить Географическому Обществу результаты моихъ путешествій въ 1882 и 1883 гг. по Кара-кумамъ¹⁾.

Говоря о мѣрахъ для развитія торговли и благосостоянія среди туркменскихъ племенъ, я указывалъ, что первое мѣсто среди такихъ мѣръ должно занимать полное умиротвореніе края; жители всѣхъ окрестныхъ странъ въ одинъ голосъ признавали, что это можетъ быть достигнуто лишь однимъ способомъ: „пусть русскіе займутъ Мервъ, безъ этого спокойствія не будетъ“. Даже среди мертвецъ большинство, понимая, что прежній строй жизни невозможенъ, пришло къ тому же убѣжденію. Необходимость водворенія порядка въ Мервѣ и невозможность это исполнить безъ помощи русскихъ властей сознавались все болѣе и болѣе и въ началѣ настоящаго года присоединеніе Мервскаго оазиса къ Россіи стало совершившимся фактомъ.

Мнѣ пришлось быть въ числѣ лицъ сопровождавшихъ командующаго войсками Закаспійской области при занятіи Мерва. Обстоятельства, при которыхъ произошло это событіе, весьма мало извѣстны и я скажу объ нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что непосредственнымъ послѣдствіемъ принятія мервцевъ въ русское под-

¹⁾ Извѣстія И. Р. Г. О., т. XX, стр. 113.

данство были сношения съ оставшимися независимыми туркменами, живущими между Мервомъ и Афганистаномъ, именно сариками и салорами; сношения же эти позволяли мнѣ посѣтить постоичную часть югозападной Туркменіи. Результаты этой поѣздки вмѣстѣ съ добытыми ранее, при изслѣдованіяхъ западной части междурѣчья, дали матеріалъ для выясненія общаго характера всей этой мѣстности, приобретающей въ настоящее время столь важное значеніе въ вопросѣ разграниченія туркменскихъ племенъ съ Афганистаномъ.

I. Занятіе Мерва.

Какъ я только-что сказалъ, большинство населенія понимало невозможность продолженія прежняго порядка вещей и желало мира. Это убѣжденіе было послѣдствіемъ штурма Гекъ-тепе и особенно усилилось послѣ поѣздки мервскихъ хановъ въ Москву на торжества коронаціи. Впечатлѣніе, произведенное на хановъ всѣмъ, что они видѣли, убѣдило ихъ въ полной безнадежности борьбы съ Россією. При занятіи Мерва жители осуждали безуміе кучки сопротивлявшихся, именно на основаніи того, что ихъ ханы сами убѣдились, во время поѣздки въ Россію, въ силѣ и могуществѣ этой страны: „не трудно истребить 1000 человекъ, которые пришли, говорили они, но тѣ, которые были въ Москвѣ, видѣли сколько войска можетъ быть прислано въ случаѣ надобности“.

Но какъ ни было благоприятно подобное настроеніе, оно еще не было достаточно для умиротворенія степи. Царившее всегда въ Мервѣ безначаліе не давало возможности воспрепятствовать беспорядкамъ, производимымъ нѣсколькими сотнями упорныхъ разбойниковъ; по всякому же пустому поводу, при самомъ незначительномъ успѣхѣ аламана, къ нимъ присоединялась колебавшаяся часть населенія. При впечатлительности этихъ племенъ, тотчасъ же вспоминались успѣхи въ борьбѣ съ Персією и Хивою, въ свое время считавшимися въ Азіи сильными и непобѣдимыми государствами, и волненія принимали значительные размѣры.

Лѣтомъ 1883 года этому способствовали нѣкоторыя постороннія обстоятельство.

Путешествіе шаха персидскаго по Хорасану породило много толковъ: стали говорить, что войска его перейдутъ на Тедженъ и къ Мерву и разорятъ поселенія текинцевъ; хотя изъ Асхабада и

были посланы успокоительныя письма, но безпокойная часть населенія всепользовалась волненіями въ оазисѣ, чтобы начать войну по своему, и съ осени отправились аламаны въ сторону Персіи и Атега.

Но болѣе всего способствовало возбужденію оазиса присутствіе въ Мервѣ иностранныхъ агентовъ.

Тотчасъ по взятіи Гекъ-тепе въ Пенде явился человекъ, скрывавшій свою національность и именовавшій себя Сіяхъ-пушемъ¹⁾; онъ возбуждалъ оставшихся независимыми туркменъ разныхъ племенъ не входить въ сношенія съ русскими. Къ Сіяхъ-пушу присоединилось еще нѣсколько человекъ, между прочимъ одинъ афганецъ и два индѣйца; они жили частью въ Пенде, частью въ Иоль-отанѣ, въ Мервѣ же пріѣзжали только по временамъ. Сіяхъ-пушъ дѣйствовалъ сначала очень дерзительно и о немъ было мало слышно, но съ 1883 года дѣятельность его усилилась: онъ сталъ ѣздить самъ и посылать своихъ агентовъ въ Хорасанъ, ища войти въ сношенія съ вали этой провинціи, съ Эюбъ-ханомъ и со всѣми окрестными правителями. При всемъ этомъ онъ старался придать своей дѣятельности религіозный характеръ. Въ Мервѣ онъ объявлялъ: „не бойтесь русъ-кыфара ни въ какомъ случаѣ; въ скоромъ времени явится Сагібъ-хуруджъ изъ мусульманъ, который уничтожитъ кыфара“. О себѣ Сіяхъ-пушъ говорилъ, что онъ повѣренный лица, которое будетъ защищать Мервъ отъ русскихъ; производить разбой онъ разрѣшалъ, обѣщая доставить оружіе и деньги своимъ слѣдователямъ. Къ хорасанскому вали Сіяхъ-пушъ обращался неоднократно съ прошеніями отъ имени сарыковъ и мервцевъ о принятіи ихъ въ персидское подданство, но персидскія власти не нашли возможнымъ обратить на нихъ вниманіе, такъ какъ знали, что Сіяхъ-пушъ не пользуется сколько нибудь значительнымъ авторитетомъ ни въ одномъ изъ оазисовъ. Въ Хорасанѣ Сіяхъ-пушъ называлъ себя Шейхъ-Мансуромъ, объявлялъ, что въ его распоряженіи сто тысячъ войска для изгнанія христіанъ; къ письмамъ онъ прикладывалъ печать, окаймленную именами двѣнадцати имамовъ. Впрочемъ, религіозной мисіи его никто не вѣрилъ, а всѣ считали его политическимъ агентомъ. Денежныя дѣла Сіяхъ-пуша были въ очень плохомъ положеніи, и это помѣшало ему набрать милицію въ Мервѣ, а потомъ и въ Иоль-отанѣ. Въ первомъ пунктѣ Кад-

¹⁾ Сіяхъ-пушъ не въ смыслѣ принадлежности къ племенамъ Кафирстана, а въ смыслѣ монаха—черноризца (сіяхъ—черный; пушъ—одѣтый).

жаръ-ханъ нанялъ для Сіяхъ-пуша 60 всадниковъ по 100 крапъ въ мѣсяцъ; не получивъ денегъ, люди разошлись. Въ Іюль-отанъ Сары-ханъ, не получая денегъ для нанятыхъ сорока всадниковъ, поступилъ энергичнѣе: онъ арестовалъ и заковалъ въ цѣпи Сіяхъ-пуша, пока тотъ не былъ выкупленъ іюль-отанскими евреями.

Когда дѣломъ начались аламанъ, вся степь заволновалась; по уборкѣ хлѣбовъ разбои еще усилились; уже въ августѣ мѣсяцѣ мирные жители (Сары-ханъ, вдова Нуръ-верды-хана Гюль-джамаля, ея сынъ Юсунъ-ханъ) обращались въ Асхабадъ, извѣщая, что по всѣмъ направленіямъ вышли разбойники; ежедневно въ Мервѣ привозили плѣнныхъ и награбленное имущество; даже въ самомъ оазисѣ грабили бѣдняковъ и беззащитныхъ. Анархія была полная. Часть жителей готовилась переселиться въ Гератъ; другіе собирались ѣхать въ Мешхедъ, просить покровительства Персіи; третьи являлись въ Асхабадъ, прося разрѣшенія поселиться въ Карры-бендѣ и близъ Старого Серакса.

Сары-ханъ неоднократно указывалъ, что въ Мервѣ никто не довольно силенъ, чтобы остановить разбои, и что только утверждение русской власти въ Мервѣ и занятіе его русскими войсками можетъ положить предѣлъ беспорядкамъ.

Изъ Келата, Дерегеза, Хорасана и Атека въ Асхабадѣ постоянно получались жалобы на все болѣе и болѣе смѣлые разбои; хотя въ жалобахъ этихъ результаты грабежей были сильно преувеличены, но положеніе было все же очень серьезное. Было необходимо поддержать мирную партію въ Мервѣ: она по своему положенію никогда не могла дѣйствовать рѣшительно и предоставленная своимъ силамъ ступенивалась передъ кучкой буйныхъ, энергическихъ разбойниковъ, а толпа, какъ всегда, не разсуждая, готова была послѣдовать за тѣмъ, на чей сторонѣ былъ въ данную минуту успѣхъ.

Посылка въ ноябрѣ 1883 г. отряда на Карры-бендѣ немедленно произвела свое дѣйствіе: мирная партія на столько взяла верхъ, что явилась возможность не только настаивать на прекращеніи разбоевъ, но и на выдачѣ ранѣ захваченныхъ людей и награбленнаго имущества. „Только при этихъ условіяхъ я могу отратить бѣдствія, грозящія всему мервскому народу“, отвѣчалъ командующій войсками Закаспійской области на письмо Юсунъ-хана. Депутатъ, выѣхавшая изъ Мерва для засвидѣтельствованія дружественныхъ чувствъ къ Россіи, была остановлена въ Карры-бендѣ; генераль Комаровъ соглашался ее допустить въ Асхабадъ и принять не ранѣе того, какъ голословныя заявленія будутъ подтверждены фак-

тами: мервцы должны были сначала освободить имѣвшихся въ оазисѣ рабовъ. Такой твердый и энергическій образъ дѣйствій достигъ цѣли: приказанія командующаго войсками были исполнены, но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство вліятельныхъ людей обратилось съ просьбою о принятіи Мерва въ русское подданство, не видя другого способа водворить порядокъ въ оазисѣ. Рабы были отпущены и когда послѣдовало Высочайшее соизволеніе на просьбу мервцевъ—депутатъ изъ четырехъ главныхъ хановъ и 24 самыхъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ въ оазисѣ принесла присягу на подданство Бѣлому Царю.

Это было прекрасное начало дѣла, но оставалось сдѣлать еще весьма много. Слово присяга имѣетъ два весьма различныя значенія въ Россіи и Азій. Уже нѣсколько разъ почетныя лица Мерва давали клятву соблюдать подписанныя ими съ русскими властями условія и потомъ каждый разъ отрекались отъ нея, говоря, что ихъ никто не признаетъ въ оазисѣ. Правда, принесенная депутатомъ присяга внушала болѣе довѣрія, вслѣдствіе числа вліятельныхъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и сопровождавшихъ ее обстоятельствъ. Но все же масса народа мало сознавала значеніе обязательствъ, принятыхъ на себя черезъ своихъ выборныхъ: и ранѣе старшины ѣдили къ сосѣднимъ правителямъ и вступали съ ними въ соглашенія, которыя на дѣлѣ не мѣшали прежнему разбойничьему строю жизни въ Мервѣ. При приближеніи отряда, назначеннаго для занятія оазиса, когда выяснилась бы безоворотность новаго порядка, мирное настроеніе весьма легко могло измѣниться самымъ неблагоприятнымъ образомъ. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ будетъ исполнено дѣло. Конечно, покореніе Хивы въ 1873 г. произвело во всей Средней Азій на меншее впечатлѣніе, какъ и взятіе Гекътепе въ 1881 г., а между тѣмъ нѣсколько неосторожностей сдѣлали возможною неудачу экспедиціи 1879 года. Насильственное занятіе Мерва было бы, конечно, дѣломъ еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ походъ 1880—81 г. Вопросъ заключался въ своевременной поддержкѣ мирной партіи и успѣшной борьбѣ съ посторонними вліяніями, которыя могли усложнить дѣло. Существованіе этихъ постороннихъ вліяній скоро обваружилось: по выходѣ отряда изъ Карры-бенда тотчасъ распространился слухъ, что въ Мервѣ организуется сопротивленіе и что рѣшено не пустить русскихъ въ оазисъ. Впрочемъ, при приближеніи къ границамъ его, дѣло выяснилось въ болѣе благоприятномъ смыслѣ: поднять весь народъ не удалось Сіяхъ-пушу и его сообщникамъ; небольшая же кучка не-

довольных собралась около них; къ нимъ то присоединялась, то отдѣлялась отъ нихъ колебавшаяся часть темнаго народа; количество желавшихъ сопротивляться то увеличивалось, то уменьшалось и, конечно, могло принять опасные размѣры при малѣйшемъ успѣхѣ начатой борьбы. Но этого не случилось: отрядъ спокойно подвигался впередъ, всякая попытка сопротивленія энергически и рѣшительно подавлялась, а съ другой стороны даже и самые виновные находили прощенье, когда являлись съ повинною. Не было ни одного случая наказанія; 40—50 жертвъ — всѣ пали во время перестрѣлокъ, съ оружіемъ въ рукахъ; на раскаявшихся же смотрѣли, какъ на темную массу, введенную въ заблужденіе посторонними людьми, которые одни и заслуживали строгаго наказанія. Въ результатѣ, черезъ четыре дня агитаторы остались совершенно одни; они сначала бѣжали на югъ, но были захвачены мервцами и выданы командующему войсками. 4-го марта русскій отрядъ безпрепятственно приступилъ къ устройству укрѣпленія близъ Коушутъ-ханъ-калы. Всѣ жертвы съ нашей стороны заключались въ одномъ убитомъ радюмѣ.

Во главѣ сопротивленія стояли: Каджаръ-ханъ, Сіяхъ-пушъ, два индѣйца и одинъ афганецъ; Каджаръ-ханъ былъ единственный сколько нибудь вліятельный мервецъ, остальные агитаторы — пришельцы изъ другихъ странъ; это весьма интересный фактъ, такъ какъ въ многократныхъ столкновеніяхъ съ Бухарою, Хивою и Персіею мервцы всегда ходились своими силами и сами руководили сопротивленіемъ; чужестранцы появились только для организаціи сопротивленія русскимъ; но дѣйствовали они противъ желанія подавляющаго большинства жителей и вреда Россіи не сдѣлали. Вся агитація имѣла послѣдствіемъ гибель нѣсколькихъ десятковъ несчастныхъ, повѣрившихъ обѣщаніямъ этихъ агентовъ.

II. Дневникъ поѣздки въ Іюль-отанъ, Пенде и по стенамъ Ю. З. Туркмени.

Со времени покоренія Ахала до 1884 г. русскимъ властямъ не приходилось имѣть почти никакого дѣла съ сарыками.

Разбойничать у насъ сарыки не могли за дальностью разстояній, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ мервцамъ, черезъ земли которыхъ необходимо было проходить, чтобы попасть въ наши предѣлы. Дружественныя же сношенія не шли далѣе нѣсколькихъ безосодержательныхъ писемъ старшинъ Іюль-отана

въ Асхабадъ и поѣздки ихъ съ Кара-кули-ханомъ въ Хиву и Петро-Александровскъ, — поѣздки, не имѣвшей никакихъ практическихъ результатовъ.

Занятіе Мерва измѣнило положеніе дѣлъ: сарыки стали нашими ближайшими сосѣдями; связь Мервскаго и Іюль-отанскаго оазисовъ была настолько тѣсна, что сами сарыки, жившіе въ этомъ пунктѣ, еще до вступленія нашихъ войскъ въ Коушутъ-ханъ-калу, рѣшили соединить свою судьбу съ судьбою Мерва и старшины ихъ спрашивали совѣта мервскихъ хановъ какъ поступить и могутъ ли они быть приняты въ русское подданство вмѣстѣ съ мервцами. Командующій войсками Закаспійскаго края объяснилъ прибывшимъ сарыкамъ отношенія Россіи къ новопокоренной области, требованія отъ новыхъ подданныхъ и сосѣдей и условія, при которыхъ сарыки могутъ пользоваться покровительствомъ Бѣлаго Царя и быть приняты въ его подданство.

Іюль-отанъ и особенно Пенде были въ то время почти неизвѣстны; туда не проникали ни одинъ европеецъ ни съ сѣвера, ни съ юга и даже разспросныя свѣдѣнія въ Мервѣ не могли многого выяснить, такъ какъ и для текинцевъ сарыкскія поселенія были мало доступны.

Депутація, привезшая письма къ мервцамъ и возвращавшаяся въ Іюль-отанъ, представляла удобный случай ближе ознакомиться съ сарыками, и я отправился съ депутатами въ Іюль-отанъ, съ тѣмъ, чтобы, если обстоятельства позволятъ, подняться и далѣе вверхъ по Мургу-абу, и собрать свѣдѣнія о сарыкахъ, земледѣіи и скотоводствѣ у нихъ, орошеніи земель, торговлѣ, отношеніяхъ ихъ къ окружающимъ племенамъ и народамъ, вообще всѣмъ даннымъ, необходимымъ какъ для ознакомленія съ нашими новыми подданными и сосѣдями, такъ и для вынесенія границъ туркменскихъ земель.

Обстоятельства должны были указать въ какихъ размѣрахъ возможно выполненіе названной задачи: выступать приходилось 4 марта, а только наканунѣ отрядъ, назначенный для занятія Мерва, остановился на лѣвомъ берегу Мургу-аба противъ текинскою крѣпости Коушутъ-ханъ-кала. Агитаторы, возбуждавшие мервцевъ къ сопротивленію (Сіяхъ-пушъ, афганецъ Ахметъ-шахъ и др.), бѣжали на югъ; правда, присутствіе депутаціи изъ Іюль-отана въ нашемъ лагерѣ указывало, что въ этомъ поселеніи обгледцы не встрѣтятъ сочувствія, но они могли направиться далѣе и при неизвѣстности настроенія въ Пенде, поѣздка туда сдѣлалась бы невозможною.

Со мною ъхали: переводчикъ Хатымъ, пять туркменъ, уже ранее сопровождавшихъ меня въ путешествіяхъ, и одинъ мервецъ Кары-Ягды; это былъ мой старый знакомый, отлично знавшій всѣ дороги въ степи; при приближеніи русскаго отряда онъ сначала принялъ участіе въ сопротивленіи, но потомъ поспѣшилъ явиться съ повинною, былъ прощенъ и просилъ какого нибудь дѣла для доказательства своего раскаянія и преданности.

4-го марта, въ воскресенье, мы выѣхали изъ русскаго лагеря и отправились не прямо по большой дорогѣ въ Иоль-отанъ, идущей по лѣвому берегу, а сначала заѣхали въ гости къ Юсунъ-хану, племяннику Векиль.

Дорога, по которой мы шли, составляла часть большой дороги въ Бухару; черезъ главные каналы вездѣ сдѣланы мосты для вьючнаго движенія и въ началѣ марта двигаться было легко, такъ какъ вода еще не была пущена во второстепенные арыки; позже, при размокаемости грунта и небрежности мервцевъ, движеніе крайне трудное даже и по большимъ дорогамъ; о другихъ говорить нечего: о нихъ не заботятся вовсе.

Вообще вся мѣстность вокругъ Кошутъ-ханъ-калы, въ предѣлахъ нынѣшняго орошенія, низменная и дороги въ ней поддерживать необходимо весьма тщательно: разрывъ дамбъ каналовъ, а тѣмъ болѣе запущеніе ихъ, можетъ затопить огромныя пространства и сдѣлать дороги вовсе непроходимыми. Главные караванные пути стремятся по возможности скорѣе выйти изъ обработанной части оазиса, хотя бы съ этимъ было сопряжено удлиненіе ихъ.

5-го марта мы выѣхали изъ оба Юсунъ-хана въ Иоль-отанъ.

Отправивъ вьюки прямою дорогою въ Иоль-отанъ, мы сами проѣхали осмотрѣть мервскую плотину. Дорога очень плохая и для навьюченныхъ лошадей недоступна; осмотрѣвъ плотину, для движенія къ Иоль-отану надо было искать брода: мостовъ черезъ главные каналы вблизи плотины нѣтъ. Тохтамышскій каналъ менѣе глубокъ, нежели отамышскій, и переправа оказалась возможною на высокихъ лошадяхъ; остальные переправились вилавъ. Далѣе мы шли около двухъ верстъ по берегу рѣки; здѣсь изъ нея выходитъ множество каналовъ; нынѣ дно ихъ значительно выше и вода въ нихъ не попадаетъ даже въ самую высокую воду; по увѣренію проводниковъ, ложе рѣки въ послѣднее время углубилось; быть можетъ прежде плотина была выше по теченію и въ мѣстахъ расположенія каналовъ болѣе подпирала воду.

Послѣ привала вышли на большую дорогу, ведущую изъ ве-

кильскихъ поселеній въ Иоль-отанъ; въ 5 верстахъ отъ оба Юсунъ-хана расположены кибитки племени меджеуръ: это одно изъ отдѣльныхъ мелкихъ туркменскихъ племенъ, жившихъ здѣсь еще до прихода мервцевъ; когда явились эти послѣдніе, меджеуры остались въ оазисѣ въ качествѣ гостей (михмановъ) и относительно воды пользуются одинаковыми правами съ владѣтелями оазиса.

Далѣе дорога проходить почти до Иоль-отана по мѣстности, болѣею частью ровной; удобство ея, сравнительно съ дорогами, лежащими въ самомъ оазисѣ, заключается въ томъ, что она проходитъ по болѣе возвышенной мѣстности, вдали отъ каналовъ. По дорогѣ нѣсколько развалинъ укрѣпленій и два кладбища; въ нихъ надгробные камни, подобные употребленнымъ въ Персіи; надписи сохранились вполнѣ. Приближаясь къ Иоль-отану, встрѣтили развалины кирпичнаго робата, называемыя жителями по двумъ сохранившимся сводамъ Коша-гумбесъ. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько сухихъ каналовъ, проводившихъ воду при существованіи Султана-бенда. Почти тотчасъ за развалинами мѣстность пересѣкается балками, глубиною отъ 3 до 5 сажень, а вблизи рѣчки одна изъ балокъ очень широка и представляетъ собою озеровидную котловину, вѣроятно произведенную дѣйствіемъ водъ рѣки; впадина весьма глубокая (сажень 8—10); жители ее называютъ Гинду-кенъ, влѣдствіе того, что здѣсь было убитъ индѣецъ. Дорога переходитъ рѣку по широкому, удобному для проѣзда, хотя и весьма непрочному мосту, расположенному противъ обширныхъ развалинъ прежняго Иоль-отана.

Не смотря на дождь, намъ на встрѣчу выѣхали, за нѣсколько верстъ, вліятельные Иоль-отанцы съ Сары-ханомъ и его сыномъ во главѣ, а при приближеніи къ мосту, привезли связаннаго афганца Ахметъ-шаха (одного изъ агентовъ, возбуждавшихъ мервцевъ); Сары-ханъ приказалъ его схватить и рѣшилъ отправить въ Асхабадъ къ русскимъ; Сіяхъ-пуги, Каджаръ-ханъ и остальные успѣли бѣжать въ Мервъ и ихъ видѣли утромъ рано на отамышской сторонѣ, близъ холма Гекъ-тене.

Укрѣпленіе Иоль-отанъ расположено на возвышенности берега; въѣздъ отъ моста, крутой и при дождѣ отъ скользкости грунта весьма неудобный, для насъ былъ посыпанъ свѣжей землей; оживленіе всего вышедшаго на встрѣчу населенія носило самый дружественный характеръ.

Вечеромъ Сары-ханъ очень хлопоталъ, чтобы заперли хорошенько ворота и приставили сторожей къ нашей кибиткѣ; впро-

чемъ вся обстановка ясно указывала, что надобности въ этомъ нѣтъ никакой, а дѣлалось это, чтобы мы замѣтили заботливость о насъ хана.

6-го марта. Приѣхавшіе утромъ люди подтвердили извѣстія о бѣгствѣ Сяхъ-пуша въ Мервъ. Каджаръ-ханъ и другіе рѣшительно потребовали, чтобы онъ сталъ во главѣ мерскаго сопротивления; не вида поддержки въ Иоль-отанъ, скомпрометированный своими общаніями, онъ долженъ былъ согласиться и отправился помышлять счастья. Свѣдѣнія объ агитаторахъ можно было считать вполне благоприятными относительно побѣды въ Пенде и далѣе на югъ; но встрѣтились препятствія, которыхъ ранѣе нельзя было предвидѣть, а именно нежеланіе Сары-хана и другихъ вліятельныхъ лицъ содѣйствовать моей побѣдѣ. Происходило это вотъ по какимъ причинамъ: текинцы и другіе туркмены все еще не могутъ освоиться съ переменою, происшедшею въ ихъ положеніи послѣ взятія Гекъ-тепе: они никакъ не хотятъ вѣрить, что потеряли всякое значеніе въ средне-азіятскихъ дѣлахъ, что въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ихъ собственной судьбы, ихъ желаніе не играетъ почти никакой роли, а все дѣлается на основаніи независимыхъ отъ нихъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать отъ мерицевъ удивленіе по поводу того, что прежде изъ-за Мерва спорили нѣсколько падишаховъ, а теперь на нихъ никто не обращаетъ никакого вниманія. Персы отклоняютъ ихъ предложенія о подданствѣ; общанія англійскихъ агентовъ только доказывали, что Англія ничего не можетъ сдѣлать; русскія власти требовали только спокойствія въ стѣнѣ и не звали мерицевъ въ подданство. Эти послѣдніе не хотѣли вѣрить такому равнодушію; въ своемъ самообольщеніи они были убѣждены, что это все притворство. То же произошло въ Иоль-отанъ относительно моей побѣды въ Пенде. Ханъ пришелъ къ убѣжденію, что цѣль моей побѣды уговорить пендинцевъ перейти въ русское подданство. По ихъ мнѣнію, это былъ подвигъ, за который, конечно, совершившій его получить и „погоны“ (т. е. чинъ), и „денеги“, и потому было весьма желательно предупредить меня и сдѣлать все самимъ. Но туркмены весьма неловко лгутъ и интригуютъ; они выдали свои дѣйствительныя побужденія съ первыхъ же словъ и обмануть меня имъ не удалось. Я имъ выяснилъ мои дѣйствительныя намѣренія и сообщилъ, что не буду уговаривать пендинцевъ что бы то ни было предпринимать; если они желаютъ перейти въ русское подданство, то могутъ явиться въ Мервъ или Асхабадъ и тамъ имъ

будутъ объяснены условія, при которыхъ это можетъ состояться. Конечно, туркмены, всегда живые въ дѣлахъ, мнѣ не повѣрили, но все же согласились меня снарядить въ путь; люди, которые со мною поѣдутъ, конечно, получать награды, и нѣсколько сотъ крановъ, имѣвшихся въ виду, воодушевили акасааловъ. Иоль-отанцы гораздо менѣе требовательны, чѣмъ мерицы; они еще не были измалованы, какъ эти послѣдніе, сношеніями съ русскими и англичанами. Надо было заставить меня взять побольше людей. Въ мое распоряженіе изъ Мерва было назначено 5-тъ всадниковъ текинскои милиціи и отъ Иоль-отанцевъ я просилъ 2—3 человекъ, хорошо знакомыхъ съ дорогами, необходимыхъ въ качествѣ проводниковъ и главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить меня съ жителями Пенде и объяснить этимъ послѣднимъ, что побѣда моя дѣлалась съ самыми дружескими намѣреніями. На масагатовъ рѣшили, что въ виду опасной дороги мнѣ необходимо дать 12 всадниковъ. Липные люди могли только стѣснить меня и потому я объявилъ ханамъ, что 12 человекъ не возьму. Они обидѣлись. „Вы поступите какъ хотите, но лучше исполнить то, что рѣшено на масагатахъ; если съ вами что-либо случится, намъ будетъ совѣстно“. Я, напротивъ, настаивалъ, что должно быть сдѣлано какъ я объяснялъ; случится ничего не можетъ, да при 5 берданкахъ плохія ружья сарыковъ все равно пользы не принесутъ; наконецъ, мы согласились на половинѣ: меня будутъ сопровождать 6 человекъ, изъ нихъ два опытные проводника-сердара. Покончивъ такимъ образомъ вопросъ о продолженіи путешествія, я отправился осматривать Иоль-отанъ. Сары-ханъ назначилъ для сопровожденія меня своего сына; разставаясь, онъ выпулъ изъ-за пояса пистолетъ и передалъ сыну—предосторожность совершенно лишняя въ виду вѣжливаго приема, который намъ вездѣ оказывали; гораздо полезнѣе оказались нѣсколько плетей, которыми свита молодого хана удерживала на приличномъ разстояніи стаи мальчишекъ, собравшихся отовсюду и надобѣвшихъ своимъ шумомъ. Съ вершины полуразрушенной башни я сдѣлалъ съемку окрестностей; это нисколько не возбуждало неудовольствія въ комъ бы то ни было; всѣ удивились магнитной стрѣлкѣ, удивлялись, что она „бьется“ желѣза и съ недовѣріемъ улыбаюсь на увѣренія моего переводчика, что кибла-наме служитъ для отысканія дорогъ. Мы осмотрѣли мостъ, перевозъ и ближайшія поселенія; затѣмъ я занялся распросами о жизни, занятіяхъ и торговлѣ сарыковъ; для этого Сары-ханъ пригласилъ нѣсколько свѣдущихъ по всѣмъ этимъ вопросамъ людей.

Самъ Сары-ханъ обыкновенный туркменъ безъ всякихъ претензій; ность, какъ-бы перебитый посрединѣ, портитъ его лицо; этого недостатка здѣсь встрѣчается довольно часто. Обувь очень сѣбянистъ хана и онъ къ ней прибѣгаетъ только, когда этого требуетъ торжественность обстоятельствъ. Сынъ хана, глуховатый молодой человѣкъ, всѣмъ прислуживаетъ: главная его обязанность приготовить кальянъ для являющихся поминутно гостей. Посреди кибитки очагъ съ углубленіемъ для пепла; при приѣмѣ почетныхъ гостей, чтобы избѣгнуть дыма, огонь поддерживается древеснымъ углемъ; обыкновенно же жгутъ просто кустарникъ, не обращая вниманія на дымъ.

7-го марта. Утромъ снова были получены извѣстія изъ Мерва: Каджаръ-ханъ и Сіяхъ-паша схвачены мервскими ханами и доставлены къ командующему войсками.

Я принялъ сдѣланное мнѣ накануне евреями приглашеніе посѣтить ихъ лавки и отправился къ нимъ безъ свиты отъ хановъ. Евреи здѣсь одни имѣютъ постоянныя лавки, всего отъ 15-ти до 20-ти; туркмены торгуютъ только въ базарные дни. Собрался меня встрѣтить всѣ почетные люди; семитическій типъ сохранился въ полной чистотѣ; не составляютъ отступленія изъ общаго правила и замѣчательно красивыя лица молодыхъ людей и быстро состарѣвшіеся, безобразные старики. Всѣ выразили свою радость по поводу прихода русскихъ: правда, за вѣру ихъ не преслѣдуютъ, не требуютъ перехода въ магометанство, но лишь только они достигнутъ извѣстнаго благосостоянія, ихъ непремѣнно ограбятъ; вотъ и теперь ихъ недавно обограбили сарыкскіе ханы; помогутъ ли имъ русскіе? Я пояснилъ, что въ разборъ старыхъ счетовъ входить нельзя; они должны быть окончены на основаніи прежнихъ обычаевъ; такъ сдѣлано и въ Мервѣ; теперь, когда будутъ введены русскіе законы, грабить будетъ никто не станетъ; съ другой стороны, едва ли есть въ степи хоть одинъ человѣкъ, который бы не нуждался въ прощеніи за прошлое и потому, лучше о томъ, что было, позабыть; достаточно, что новые законы и новыя власти ругаются за будущее. Въ это время нагрянули люди Сары-хана; они узнали куда я пошелъ и боялись, какъ бы евреи не начали жалобъ; они услышали мои слова и были, очевидно, довольны ими. Евреи прекратили жалобы и начали общій разговоръ. Еврей-купцы почти всѣ бывали въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, въ Индіи; воспитаніе они получаютъ въ Гератѣ, гдѣ у нихъ есть двѣ свои школы; объ Европѣ понятіе имѣютъ болѣе ясное, нежели туркмены; интересуются свѣ-

дѣніями о своихъ единовѣрцахъ; знаютъ о Ротшильдѣ: онъ даетъ въ займы деньги самому калифу. На прощаніе оданъ старикъ уложилъ минуту, чтобы предупредить меня по секрету, что еще вчера вечеромъ поскакалъ въ Пенде одинъ человѣкъ, дать знать афганскимъ властямъ о моемъ намѣреніи туда прѣхать и что въ Иоль-отанѣ часто прѣзжаютъ афганцы и сарыки, по порученію англичанъ, узнавать новости о русскихъ.

Весь вечеръ ханы писали прошеніе съ просьбою о принятіи Иоль-отанцевъ въ русское подданство; старшинъ прикладывали печати; выступленіе было назначено на слѣдующее утро. Сары-ханъ съ выборными отъ племени отправились въ Мервъ, захвативъ съ собою плѣннаго Ахметъ-шаха, я, съ назначенною мнѣ свитою—въ Пенде.

8-го марта. Мои люди собирались весьма лѣниво и только въ 9 часовъ я могъ распроститься съ своими хозяевами. Сары-хану я подарилъ 50 крановъ. Накупилъ я спрашивалъ, какъ лучше поступить: купить ли хану какой-либо подарокъ или дать деньги. Отвѣтъ былъ: „туркмены люди бѣдные, деньги всегда пріятнѣе“. Это можетъ быть принято за общее правило, въ Иоль-отанѣ, даже болѣе чѣмъ гдѣ либо; населеніе здѣсь очень бѣдное; породистыхъ лошадей вовсе не видно; оружіе самое жалкое, даже у хановъ. Мы выступили въ четвергъ, т. е. базарный день, и проѣхали черезъ базаръ: народу много и версты 1½ насъ провожали, желая поближе рассмотреть. На базарѣ продавали нѣсколько плохихъ лошадей, говядину, сѣно, колючку для топила, кошмы и кое-гдѣ грубыя полотна иоль-отанскаго производства.

Выйдя изъ укрѣпленія, дорога идетъ сначала вдоль, а потомъ между двухъ параллельныхъ арыковъ; каналы здѣсь называются не арыкъ, а нуу-хана (т. е. новый домъ, новое помѣщеніе). Это два главные арыка, служащіе для орошенія Иоль-отанскаго оазиса. Пески проходятъ на западъ отъ нихъ, въ разстояніи отъ 100 до 400 сажень и вся ширина орошенной полосы между песками и рѣкою нигдѣ не болѣе 1¼—2 версты; тоже и съ другой стороны рѣки. По дорогѣ развалины старыхъ укрѣпленій, нынѣ не возобновляемыхъ.

Дорога пригодна для движенія верблюдовъ, а тѣмъ болѣе для всадниковъ; черезъ каналы вездѣ мостики для вьючнаго движенія; колесную дорогу съ большою выгодною можно провести ближе къ пескамъ, причемъ минуются обработанныя поля и каналы. Въ мартѣ вода еще не была пущена во второстепенные каналы, большая часть которыхъ чистилась.

Отъ Иоль-отана всего 9 верстъ до селенія Курджукли, гдѣ мы рѣшились ночевать.

Распростившись съ сыномъ Сары-хана, провожавшимъ меня до этого селенія, я отправился осмотрѣть находящіяся въ 8 верстахъ далѣе на югъ на правомъ берегу Мурга-аба развалины когда-то снабжавшей древній Мервъ плотины Султаны-бендѣ; хотя я приказалъ ѣхать со мною только двумъ текинцамъ и 2 сардарамъ-сарыкамъ, но сопровождавшие меня текинцы стали проситься всѣ, не желая остаться одни съ сарыками. Конечно, я запретилъ это, чтобы не выказывать недоверія сарыкамъ и поручилъ моихъ спутниковъ хозяину. Проѣхавъ вдоль берега рѣки около 2 верстъ, мы переправились на правую сторону Мурга-аба въ бродѣ. Теченіе было довольно сильное; вода по брюхо лошади; отъ бывшихъ дождей вода быстро прибывала: по словамъ жителей Курджукли, еще накануне вода была только по колѣна лошади. Выбравшись изъ русла, мы поѣхали вдоль него, то приближаясь къ рѣкѣ, то удаляясь отъ нея для спрямленія извилинъ рѣки и наконецъ вышли на большую дорогу изъ Мерва въ Пенде; мѣстами виднѣсь Шехр-ноу-хана, иначе Султанъ-ябъ, т. е. каналъ, проводившій воду къ Байрамъ-али отъ Султаны-бенда; мѣстами онъ весьма хорошо сохранился, хотя впрочемъ откосы весьма крутые и земля свалена тутъ же по берегамъ. На 3 верстѣ отъ брода окопы (хандекъ) Медей-хана. При движеніи на Пенде отъ Мерва, ханъ всездъ въ мѣстахъ остановокъ дѣлалъ окопы вокругъ лагеря; слѣды ихъ сохранились по всей дорогѣ.

Осмотрѣвъ Бендъ-и-султанъ, на обратномъ пути, приближаясь къ рѣкѣ, мы увидѣли, что во время нашего 3-хъ часового путешествія вода еще поднялась фута на $1\frac{1}{2}$; хотя и удалось отскатать бродъ по половине корпуса лошади, по теченіе было настолько сильно, что сносило лошадей и мы всѣ вымокли. Къ нашему возвращенію уже всюду было извѣстно о моемъ приѣздѣ; на стѣнахъ развалинъ, на буграхъ, на крышахъ сакль всюду собрались люди разсматривать перваго заѣхавшаго къ нимъ френги. Собрались около аула моего хозяина, кибитка была мгновенно продырявлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы можно было заглядывать внутрь. Для меня развели большой костеръ и стали просушивать вымокшее при переправѣ платье. Стали собираться гости, все очень любезные, добродушные люди; видно было, что въ Иоль-отанѣ приходу русскихъ радовались болѣе искренне, нежели въ Мервѣ.

Вчерашній лавочникъ еврей также прибылъ въ Курджукли и

старался пуститься въ секреты, но и тутъ старшины ему все мѣшали, не оставляя его со мною наединѣ ни на минуту. Двое изъ приходившихъ старшинъ стали меня укрѣплять, что уже ранѣе видѣли меня въ Мервѣ, именно тотчасъ по взятіи Гекъ-тепе, когда ханомъ былъ Каджаръ; только тогда я будто бы выдавалъ себя за инглиза. Они меня принимали за О'Донована; по словамъ моего переводчика, эти старшины не одни такого мнѣнія: въ Асхабадѣ многие текинцы убѣждены въ томъ же: они находятъ, что я очень похожъ на инглиза; прибылъ же я въ Асхабадъ осенью 1881 г., какъ разъ послѣ отъѣзда О'Донована изъ Менхедъ, и затѣмъ состоянныя мои побѣдки по новымъ мѣстамъ — по словамъ текинцевъ — въ чужіе народы, куда прежде не заѣзжали френги, все это окончательно доказывало мое тождество съ инглизомъ. Еще въ Асхабадѣ говорили моему переводчику: „хорошъ твой баринъ, въ Мервѣ всѣмъ общалъ покровительствомъ своей императрицы, въ Менхедѣ увѣрялъ, что ѣдетъ въ Гиндъ, а самъ повернулъ въ Асхабадъ“. Я смѣялся надъ проникательностью старшинъ, но это ихъ нисколько не убѣдило, да и не обидѣло, они стояли на своемъ: и въ Мервѣ меня любили за то, что я человѣкъ веселый, того кто смѣется, туркмены всегда будутъ любить.

9-ю марта. Отъ Курджукли до Бендъ-и-казахлы (39 в.) и до Чили-тепе (еще 7 верстъ). Вблизи Курджукли пески весьма близко подходятъ къ дорогѣ, которая въ 3 верстахъ далѣе входитъ въ нихъ и на протяженіи 18 верстъ съ небольшими перерывами идетъ то по невысокимъ буграмъ, то по самому урѣзу песковъ; между песками и рѣкою всездъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ орошенной земли, дорога пересѣкаетъ пески частью для спрямленія пути, частью для избѣжанія необходимости пересѣкать каналы и арыки, которые для ушпренія орошенной полосы подходятъ къ самымъ пескамъ. Пески, поросшіе кустарникомъ, для вьючнаго движенія не представляютъ никакого затрудненія; но бугры все же отъ 2 до 5 саж. и колесную дорогу пришлось бы провести ближе къ рѣкѣ, что потребовало бы только устройства довольно значительнаго числа мостиковъ.

На 11 верстѣ отъ Курджукли лежатъ развалины Чаръ-багъ — граница обрабатываемой полосы Иоль-отанскаго оазиса; далѣе на югъ сарыки не осмѣливались распространяться.

На 22 верстѣ дорога вышла изъ песковъ и далѣе пошла по однообразной мѣстности; пески то приближаются къ рѣкѣ отдѣльными мысами, то удаляются отъ нея, образуя рядъ заливовъ, на-

звиваемых кёвъ; первый изъ нихъ Ходжа-кёвъ, около 2 версты длиною. Дорога идетъ главнымъ образомъ по кёвъ, лишь пересѣкая мысы, которые нигдѣ не шире 50—100 сажень.

Въ высокую воду многіе заливы покрываются водою и тогда по спадѣ ея сарыки засѣваютъ ихъ арбузами и дынями.

За 4-ю верстою отъ Бендъ-и-Казахлы, на правомъ берегу, расположены развалины Баба-Кемберъ—нѣсколько надгробныхъ памятниковъ и рубать близъ гробницы слуги Аліа, Кембера.

Миновавъ Бендъ-и-Казахлы, пошли вдоль рѣки. Кёвъ стали тутъ гораздо длиннѣе: версты до 6; между отдѣльными кёвъ дорога идетъ по пескамъ двѣ, три и болѣе версты для спрямленія пути. У невысокаго бугра Чепли-тене въ 7 верстахъ на югъ отъ Казахлы обыкновенно останавливаются проходящіе караваны; здѣсь близко вода, есть кормъ и топливо.

Вечеромъ ко мнѣ явились два старшіе изъ моихъ спутниковъ сарыковъ: Сеизъ-батыръ изъ племени сукты и Пата-сердаръ-байраджъ. Они по секрету объяснили мнѣ, что всѣ свѣдѣнія, сообщенія ханами въ Иоль-отанѣ, ложь; сарыки примутъ меня хорошо; правда, при выступленіи нашемъ изъ Карры-бенда всѣ заволновались, но, узнавъ о занятіи Мерва, успокоились; ханы отправили нѣсколько старшинъ въ Пенде для переговоровъ съ жителями о переходѣ ихъ въ русское подданство; старшины должны были обогнать меня по дорогѣ, но едва ли успѣютъ это сдѣлать, такъ какъ лошади у нихъ плохія. Мои проводники уговорили меня ѣхать въ Пенде; оказалось, Сеизъ и Пата задумали явиться ранѣе посланныхъ изъ Иоль-отана и попробовать, пользуясь моимъ присутствіемъ, уговорить сарыковъ послать депутатовъ въ Мервъ, въ расчетѣ на великія награды за зтоѣ подвигъ. Отказавшись принять участіе въ интригѣ, я согласился на побѣдку въ Пенде и остановку на одинъ или 2 дня въ оазисѣ, такъ какъ это вполне сходилось съ моими намѣреніями.

10-го марта. Отъ Чепли-тене до Сары-азы — 46 версты. Пески между кёвами пересѣкаются на значительномъ протяженіи; для колесной дороги ихъ потребовалось бы обойти, впрочемъ не очень приближаясь къ рѣкѣ, такъ какъ постепенные подмывы берега, именуя у мысовъ, одна изъ причинъ отклоненія дороги въ пески. Для желѣзной дороги пески эти не представляли бы никакого затрудненія, они всѣ довольно плотны и поросли кустарникомъ. Самые кёвы здѣсь покрыты густымъ кустарникомъ саксауды и гребенщика, высотой болѣе лошади со всадникомъ.

Въ 10 верстахъ отъ Чепли-тене мысъ Келе-бурунъ; близъ него хороший бродъ, впрочемъ, какъ и всѣ броды на Мургъ-абѣ, доступный только въ низкую воду; у Келе-буруна отдѣляются дороги въ Афганскій Туркестанъ съ одной стороны и въ Ковъ-куи и Денмезъ съ другой. Противъ Келе-буруна на правомъ берегу песчаные бугры смѣняются твердыми глиняными возвышенностями съ пологими скатами. По нимъ идетъ дорога, которая безъ труда можетъ быть раздѣлана въ колесную; только противъ Сары-азы бугры Кушле-каа очень круты и лежащая у подножія ихъ дорога заливается высокими водами; на это время пользуются узкою тропинкою, проходящею поверхъ обрывовъ. Впрочемъ большая дорога изъ Пенде по правому берегу идетъ на востокъ отъ бугровъ и подходитъ къ рѣкѣ лишь у Баба-кемберъ, пройдя безводный переходъ около 100 версты.

Въ 1½ часахъ ѣзды отъ Келе-бурунъ (8½ версты) расположены развалины, называемыя Имамъ. Здѣсь очень обширное кладбище близъ гробницы двухъ святыхъ; на могилахъ камни съ весьма красивыми персидскими надписями. Кромѣ того незатѣйливый приношенія туркменъ: нѣсколько чираровъ, и болѣе всего куски палочекъ, вѣтки, тряпки. Кромѣ гробницъ святыхъ здѣсь много могилъ людей, погибшихъ отъ аламановъ. Въ прежнее время дорога изъ Мерва въ Пенде считалась самою опасною во всей стени; и дѣйствительно почти всѣ версты, гдѣ не было бы одной, двухъ могилъ; палки съ тряпками указываютъ, что это жертвы аламановъ; болѣею частью пастухи, купцы. „Шагить“, говорятъ, проѣзжая, туркмены. Не далеко отъ могилъ близъ рѣки развалины хоза и большаго робата Абдула-хана; когда-то это было прекрасное зданіе, но построено оно безъ прочнаго фундамента и потому, не смотря на превосходный матеріалъ (весьма хорошо выжженный кирпичъ) и толщину стѣнъ, все въ трещинахъ и разваливается. Кромѣ того здѣсь нѣсколько болѣе древнихъ развалинъ, представляющихъ въ видѣ оплывшихъ возвышенностей, изъ которыхъ лишь кое-гдѣ выступаютъ остатки стѣнъ; кирпичъ отъ развалинъ идетъ на покрытіе новѣйшихъ могилъ.

Вообще, по всѣмъ долинамъ Мургъ-аба, кромѣ мѣстности у Иоль-отана, много развалинъ: видно когда-то эта мѣстность была очень оживлена и теперь, когда возстановлено въ краѣ спокойствіе, не можетъ подлежать сомнѣнію возрожденіе всего пути; вообще берега Мургъ-аба гораздо удобнѣе для заселенія, нежели Гери-руда.

Близъ Имама встрѣтили 7 человекъ, возвращавшихся съ ала-

мана. По словам разбойников, они выступили из Иоль-отана еще до победы мервских старшин въ Асхабадъ; предводитель былъ Ана-нефесъ изъ племени мджуръ; съ ними было до 30 человекъ разныхъ племенъ; направились въ Сеиставъ. По словамъ встрѣченныхъ нами людей, аламанъ былъ неудаченъ: персы были предупреждены и разбойникамъ пришлось вернуться. Въ Пенде они узнали о занятіи Мерва и рѣшили разойтись по домамъ, самъ Ана-нефесъ съ остальными людьми остался отдыхать у переправы Юнгенли. Бывшіе со мною текинцы очень встревожились, они не доверяли даже сопровождавшимъ насъ сарыкамъ и находили сообщество сырискскаго алмана крайне опаснымъ; объясненіе происходило все время не опуская ружей и затѣмъ текинцы совѣтовали весь день, не растягиваясь, двигаться всѣмъ вмѣстѣ. Оказалось, что боится не одни текинцы; нашимъ сарыкамъ едва удалось остановить бѣгство отъ насъ пастуховъ: они насъ приняли за разбойниковъ изъ Мерва и стали гнать въ воду барановъ и сами хотѣли броситься перешлыть Муръ-абъ. На вопросъ, развѣ такъ можно спастись отъ разбойниковъ, они отвѣчали, что „душа дороже барановъ“, что они вышли, разсчитывая на водвореніе спокойствія по занятіи Мерва, а увидѣвъ не караванъ, но вооруженныхъ людей, испугались и потеряли голову.

Сары-язы хорошо сохранившіеся развалины укрѣпленій близъ рѣки, противъ весьма обширнаго кѣва, на которомъ много болѣе или менѣе древнихъ развалинъ укрѣпленій, башенъ, слѣды каналовъ и кѣрзювъ; мѣстность покрыта высокимъ кустарникомъ.

На ночлегъ текинцы отказались стать по указанію Пата-сердара у дороги; они выбрали открытое мѣсто — въ сторонѣ отъ нея, съ такимъ расчетомъ, чтобы близко нельзя было подобраться не замѣченными, и сами рѣшили дежурить около лошадей по три человека всю ночь. Сарыки всю ночь не спали, отчасти по причинѣ близости Ана-нефеса, но главная причина ихъ безпокойства была другая: они меня уговаривали ѣхать въ Пенде, а по словамъ текинцевъ, сами не были убѣждены, какъ меня примутъ. Всю ночь слышались ихъ совѣщанія, наконецъ, на разсвѣтѣ, Сеизъ-батыръ, какъ богатый житель Пенде, имѣющій тамъ много родственниковъ, поѣхалъ впередъ приготовить мнѣ встрѣчу и просилъ меня не ѣхать далѣе Юнгенли, пока онъ съ ханами не выѣдетъ ко мнѣ. Я, напротивъ, былъ совершенно спокоенъ въ отношеніи пріема въ Пенде: занятіе Мерва, конечно, произвело большое впечатлѣніе въ степи; такіе факты всегда имѣли послѣдствіемъ болѣе или менѣе

продолжительный періодъ страха и нерѣшительности, во время котораго можно всюду проникнуть совершенно безопасно.

11-го марта. Сары-язы до Дашъ-Кѣпри 40 верстъ. Дорога шла то по берегу рѣки, то въ пескахъ; рѣка сильно размываетъ берегъ и во многихъ мѣстахъ дорога дѣлаетъ большіе изгибы, чтобы обойти такіе подмывы; еще видна тропинка прежде бывшей болѣе прямой дороги, упирающаяся въ обрывъ новаго берега.

На 16-й верстѣ отъ Сары-язы проводники указали мѣсто, гдѣ соединенныя силы туркменъ разныхъ племенъ ждали Медемі-хана и были имъ разбиты.

Еще 4 версты далѣе пески удалились на западъ, образуя кѣвъ длиною 13 вер.; поверхность его на 2—3 саж. выше рѣки; здѣсь скоро показались посѣвы, а потомъ и большіе каналы, проводящіе сюда воду отъ Дашъ-Кѣпри; по соседнимъ холмамъ паслись стада.

На 26-й верстѣ, у Юнгенли, мы стали ожидать встрѣчи. Подѣлшій сарыкъ объяснилъ, что о моемъ пріѣздѣ въ Пенде уже извѣстно; сначала жители были недовольны, но когда имъ объяснили, что я не имѣю никакихъ намѣреній, то успокоились и теперь меня примутъ хорошо.

Близко къ Пенде разбойники другихъ племенъ подходятъ рѣдко и потому пастухи удаляются отъ Дашъ-Кѣпри на 10—15 верстъ, впрочемъ, всегда вооруженные ружьями и шашками: угнать барановъ не могутъ, такъ какъ, расположенные по близости караулы всегда нагоняютъ и отобьютъ стадо, а отдѣльныхъ людей увести могли бы.

Здѣсь же мы узнали, что сарыки насъ обманули насчетъ результатовъ аламана: онъ вовсе не былъ неудаченъ; разбойники напали на одну изъ пограничныхъ деревень, взяли въ плѣнъ 12 персовъ и теперь продали ихъ племени гѣраки, которое пользуется самою плохую репутаціею даже между сарыками; остальные племена считаютъ ихъ выдающимися ворами.

Такъ какъ Сеизъ-батыръ не ѣхалъ съ условленной встрѣчей, то я рѣшилъ двинуться впередъ. Отъ Юнгенли уже все время идутъ пашни, дорога извивается вправо и лѣво, избѣгая обвалившихся береговъ; во многихъ мѣстахъ обвалы происходятъ, такъ сказать, на глазахъ, особенно послѣ впаденія р. Кушъ, по берегу ея; тутъ трещины въ землѣ указываютъ на части берега, готовые упасть. Руслѣ Кушъ подошло къ бывшему здѣсь каналу, который отнесенъ на западъ.

На 3-й верстѣ отъ Юнгенли выступаетъ впередъ мѣстъ Баба-

бурунъ; пески за нимъ уходятъ на западъ отъ дороги версты на 3—4.

Вугоръ Акъ-тепе находится между Кушкомъ и Муръгъ-абомъ, а не на лѣвомъ берегу первой рѣки, какъ это указано на картѣ Уокера; на этой же картѣ неправильно показано на Кушкѣ два моста: есть только одинъ, именно, Дашъ-кѣпри, близъ Акъ-тепе, недалеко отъ впаденія Кушка въ Муръгъ-абъ. Дашъ-кѣпри служатъ одновременно акведукомъ и мостомъ, впрочемъ, для проѣзда особыхъ панелей нѣтъ, а всадники движутся по самому руслу канала въ водѣ, доходящей до колѣнъ лошади.

Недалеко не добъжая моста, на встрѣчу выѣхали старшины, народъ, очевидно, богатый, чисто одѣтый, на хорошихъ лошадяхъ; контрастъ съ Юль-отаномъ полный. Первое поселеніе племени сукты въ 1½ верстахъ отъ моста. Весь треугольникъ между Кушкомъ и Муръгъ-абомъ сажень на 5—10 выше долины рѣки; почти у моста дорога взбирается на это возвышеніе, близъ кладбища, гдѣ погребенъ какой-то святой и потомъ идетъ по ровному мѣсту; на всемъ возвышеніи нѣтъ ни одного дерева или куста; все вырублено на топливо; садовъ же сарыки не разводять. По обстановкѣ ауловъ видно, что здѣсь весь народъ долженъ быть очень и очень состоятельный: кибитки новыя, чистыя, у каждого хозяина ихъ по нѣсколько.

Меня пригласилъ къ себѣ одинъ изъ старшинъ; отвели мнѣ чистую новую кибитку, убранную хорошими коврами: по туркменскимъ понятіямъ очень роскошное помѣщеніе. Приступили къ разведенію костра: какъ бы ни была велика жара, при пріѣздѣ гости, это считается обязательнымъ. Впрочемъ хозяинъ не скрывалъ своего удовольствія, когда я отъ костра отказался: дрова приходится привозить изъ Калей-моръ и отъ Чемеи-и-бида и стоять онѣ очень дорого.

Отдохнуть мнѣ дали не болѣе ¼ часа; затѣмъ начались визиты. Интересно было слушать этихъ разбойниковъ: по ихъ словамъ выходило, что сарыки никогда не нападали ни на кого; напротивъ, они терпѣли отъ всѣхъ: кто жаловался на эрсарей, угнавшихъ 2000 барановъ, кто на Али-Мерданъ-хана, отбившаго сарыкскихъ верблюдовъ, кто на персидскихъ всадниковъ, увезшихъ двухъ женщинъ и ребенка; всѣ находили справедливымъ, чтобы Вѣлый Царь ихъ защитилъ и еще болѣе справедливымъ, что русскіе заняли Мервскій оазисъ, то должны вернуть его сарыкамъ, отцы которыхъ владѣли этою землею. Но при этомъ они желали бы

сохранить свою независимость, или другими словами, право грабить своихъ сосѣдей. Это разъяснилъ мой хозяинъ; онъ глухой старикъ и считается у сарыковъ ораторомъ, т. е. кричитъ страшно, говоритъ пустыя громкія фразы, что очень нравится слушателямъ. Онъ началъ кричать: „Сарыки желаютъ одного спокойствія; имъ нуженъ Адиль-падишахъ¹⁾, который бы водворилъ миръ и порядокъ въ краѣ; пусть русскіе придутъ въ Пенде; сарыки съ радостью имъ подчинятся; но теперь это невозможно. Положимъ, они пойдутъ къ генералу въ Мервъ, но это далеко, а афганцы близко и убьютъ ихъ женъ и дѣтей. Хорошо ли это?“ Было ясно, что мои спутники успѣли убѣдить, что я прибылъ присоединять сарыковъ. Я успокоилъ хозяина: „Ни въ Мервъ, ни въ Асхабадъ жителей Пенде никто не зоветъ; они никому не нужны; русскіе, также какъ старикъ говорилъ про сарыковъ, желаютъ одного—спокойствія и счумѣютъ прекратить разбои. Юль-отанцы сами просились въ подданство Россіи, потому что поняли, что иначе они существовать не могутъ. Если пендинцы когда-либо придутъ къ тому же убѣжденію, то сами будутъ просить русскаго покровительства, въ которомъ быть можетъ Царь и не откажетъ имъ; во всякомъ случаѣ звать ихъ никто не станетъ. Теперь пусть будутъ независимы, но помнятъ, что кто будетъ разбойничать, не минуетъ строгаго наказанія“. Хозяинъ очевидно не ожидалъ такого отвѣта и потому тотчасъ перемѣнилъ тонъ и предупредилъ, что между гостями есть лица, которые могутъ донести афганцамъ, и потому онъ позже будетъ говорить откровеннѣе. Впрочемъ, и это послѣднее онъ сказалъ настолько громко, что слышали не только бывшіе въ кибиткѣ, но и толпа, собравшаяся кругомъ ея и принимавшая все время участіе въ нашемъ разговорѣ своими замѣчаніями и возраженіями. Туркмены такъ кричатъ, что войлоки кибитки не составляютъ препятствія для такого обѣйна мыслей. Вечеромъ я подтвердилъ сказанное прежде старшинѣ, и просилъ только снарядить меня для путешествія на западъ; мои текинцы, только бы быть подальше отъ афганцевъ и сарыковъ, находили лучшимъ путемъ для возвращенія въ Мервъ направленіе черезъ Акъ-робатъ, Коюнъ-куи и Шоръ-кала, а предложи я эту дорогу въ Мервъ, они навѣрно ее признали бы непроходимую вслѣдствіе безводія.

Явившіеся съ поклономъ мервыи рекомендовались торговцами лошадей; теперь спокойно, и они явились въ Пенде торговать, впро-

¹⁾ Справедливый.

чемъ, интересовались они совсѣмъ иными вопросами, судя по которымъ ихъ можно было скорѣе принять за сбывавшихъ изъ Мерва разбойниковъ: „пошлютъ ли Сіяхъ-пуша въ Сибирь? Что ждать тѣхъ, которые сопротивлялись русскимъ, а теперь явятся съ повинною къ генералу? Придутъ ли еще войска въ Мерв?“ Они говорили съ озабоченіемъ, не скрывали сожалѣній о старомъ, но сознавались, что люди, бывшіе въ Москвѣ на торжествахъ коронаціи, знаютъ, что, въ случаѣ надобности, можетъ быть прислано очень много войска. „Впрочемъ, если вы не будете бить народъ, не будете съ него брать много податей, то больше войска не потребуется, народъ не возстанетъ“, сказали они на прощанье.

12-го марта. Съ утра стали являться старшины и почетныя лица, между ними явился одинъ персь, взятый въ плѣнъ еще во время похода принца Гамза-мирза; теперь персь женился и какъ человекъ умный и сравнительно очень образованный, пользуется вліяніемъ среди дикарей туркменъ.

Сарыки съ гордостью говорятъ, что у нихъ нѣтъ укрѣпленій. Калы Кёгне-Пенде и Таза-Пенде обѣ были въ развалинахъ, когда сюда явились сарыки, и они не пробовали возобновлять старыя, ни строить новыя укрѣпленія. Таза-Пенде салорское укрѣпленіе, брошенное не задолго до прихода сарыковъ. Кёгне-Пенде современно акведуку Дашъ-кёпри; какъ объ томъ, такъ и о другомъ жители имѣютъ самыя смутныя свѣдѣнія, постройку ихъ приписываютъ арабамъ. Кёгне-Пенде я посѣтилъ; укрѣпленіе близъ берега Муръгъ-аба; стѣны обвалились и видны лишь мѣстами, уцѣлѣла лучше другихъ частей цитадель, состоящая изъ сводчатыхъ построекъ, мѣстами хорошо сохранившихся. Затѣмъ кругомъ остатки отдѣльных построекъ, все изъ обожженного кирпича. Цитадель довольно хорошо раскопана: тамъ случайно были найдены 100 тилла золота; еврей кушиды и переплывали; съ тѣхъ поръ жители все раскапываютъ развалины; я засталъ за такою же работою двухъ человѣкъ, у одного я купилъ мѣдную монету (кара-пулъ), найденную имъ здѣсь.

Затѣмъ много говорятъ о таинственной пещерѣ, находящейся въ холмахъ, окаймляющихъ Пендинскій оазисъ съ юга; длинный горизонтальный ходъ ведетъ къ обширной пещерѣ въ видѣ кибитки, изъ которой идутъ ходы въ разныя стороны; далѣе первой пещеры никто не рисковалъ идти, ибо огонь задуваютъ пѣтухи безъ перьевъ (летучія мыши), которыхъ въ пещерѣ очень много.

По оазису я разъѣзжалъ съ однимъ текинцемъ, переводчикомъ

и сарыкомъ Пата-сердаремъ; вездѣ меня принимали вѣжливо и только надѣдали туркменскимъ любопытствомъ. Аксакалы, посланные Іоль-отанскими старшинами для переговоровъ съ пендинцами, прибыли только въ этотъ день; съ ними прибылъ и караванъ съ товарами; передовой верблюдъ имѣлъ большой колоколъ и далеко извѣщалъ о приближеніи каравана; люди стали увѣрять, что прежде колоколъ подвѣшивался только пройды Дашъ-кёпри; теперь же русскіе водворили спокойствіе и колоколъ звонить всю дорогу отъ самаго Іоль-отана; теперь никто не страшень, скрываться нечего. Въ виду опасности, караваны ходили здѣсь рѣдко, съ большими предосторожностями и прибытіе ихъ составляло цѣлое событіе; обѣ немъ говорили всѣ въ оазисѣ. Ко мнѣ пришли просить подолѣе остаться въ Пенде: жители желали переговорить со мною подробно. Я отказался, такъ какъ не уполномоченъ на переговоры; если это кому либо нужно, можетъ явиться въ Асхабадъ. Теперь уже въ наперерывъ занялись о чувствахъ преданности Россіи: только страхъ афганцевъ ихъ удерживаетъ, но они очень желаютъ прихода русскихъ; если они получатъ приказаніе, такъ готовы бросить Пенде и идти куда скажутъ; я ихъ предостерегалъ отъ такого неосторожнаго поступка: лучше немного потерпѣть; бросятъ они свои земли, ихъ займутъ другіе, а по умиротвореніи края, потребуются не уменьшеніе количества земли и воды, а увеличеніе ея.

13-го марта. Отъ Дашъ-кёпри до Калей-моръ 44 версты. Провозать меня собралось очень много народа; впрочемъ это меня ни сколько не стѣсняло дѣлать съемку: у Дашъ-кёпри, въ ожиданіи своихъ текинцевъ, я стоялъ съ бусолью около 1/2 часа и всѣ на перерывъ старались мнѣ указать, что было интереснаго въ окрестностяхъ; затѣмъ повезли показывать начатія работы новаго канала.

Въ 10 верстахъ отъ Дашъ-кёпри вступили на долину Кушка, огражденную съ обѣихъ сторонъ буграми, слѣва песчаными, а справа глинистыми. Гдѣ мѣстность позволяетъ, вездѣ выведены арки и сдѣланы посѣвы; ширина долины нѣсколько сотъ сажень и рѣдко доходитъ до одной версты. Мѣстность до Калей-моръ сравнительно безопасна, въ виду близости ея къ Пенде; тутъ часто вступались одиночные всадники, впрочемъ всѣ вооруженные; по холмамъ пасутся стада; много верблюдовъ и ословъ свозятъ колючку и кустарникъ изъ-подъ Калей-моръ въ Пенде.

На 34 верстѣ есть родникъ солоноватый, но въ весьма слабой степени и имъ пользуются для орошенія. Каналы оттѣсняютъ дорогу на бугры лѣваго берега, часто весьма крутые и затрудняю-

ще движение; впрочем проведение дороги по ровному, хорошему месту—есть вопрос устройства нескольких мостиков через каналы.

14-го марта. Отъ Калей-моръ до Чемең-и-бида 30 верст и далѣе до Ислямъ-чигме 19½ вер. У Калей-моръ дорога расширяется. Самая крѣпость—кирпичная развалины; часть стѣн ея и башни стоятъ; кругомъ, очевидно, были поселенія и дома, отъ которыхъ остались только груды кирпича; не вдалекѣ брошенный крѣпост. Вблизи укрѣпленія пески уходятъ на западъ, верстъ на 6 или болѣе ихъ не видно; далѣе идутъ уже съ обѣихъ сторонъ баиры изъ глины съ прослойками гравія, скрѣпленного весьма крѣпкимъ цементомъ. Долина у Калей-моръ очень широка; каналы для орошенія проведены издалека.

На 19 верстъ развалины Хоуза, называемыя Хоузъ-и-ханъ; близъ нихъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія произошла битва между джемшидами и казаре; Дервишъ-ханъ джемшидскій былъ убитъ. Вблизи Хоуза кладбище; два камня съ надписями сохранились вполне. Далѣе по долині двѣ небольшія укрѣпленія, построенныя земледѣльцами сарыками, приходившими сюда для работъ. Здѣсь уже дорога считается весьма опасною; караваны почти не ходятъ: обширное кладбище у Чемең-и-бида все занято жертвами набѣговъ. При нашемъ приближеніи люди бросились въ укрѣпленіе и знаками показывали, чтобы мы не приближались, угрожалъ стрѣлять. Послѣ долгихъ колебаній Пата-сердаръ рѣшился выѣхать, но и его близко не подпускали, такъ какъ его никто лично не зналъ, а сарыка отъ мурвы не отличили; наконецъ, только мой костюмъ ихъ успокоилъ.

До Калей-моръ дорога шла исключительно по лѣвому берегу рѣки; тамъ тонкій грунтъ позволяетъ переправляться черезъ нее только въ немногихъ пунктахъ, не смотря на неглубокую воду; напротивъ, выше Калей-моръ, грунтъ хрищеватый, плотный и дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой.

Послѣ 2-хъ часового привала на берегу Кушка мы переправились черезъ него въ послѣдній разъ и пошли на юго-западъ въ Ислямъ-чигме; дорога все время идетъ по оврагу соленого ручья, пересѣкая его много разъ; ручей впадаетъ въ рѣку Кушъ противъ Чемең-и-бида. Вода самаго родника Ислямъ прѣсная, но смѣшиваясь съ протекающею сверху соленою, уже въ 10 саж. отъ выхода становится негодною для питья. Туркмены увѣряютъ, что вода становится соленою отъ грунта, по которому течетъ.

Ислямъ-чигме не единственный прѣсный родникъ на берегу соленого ручья; ихъ здѣсь нѣсколько; въ случаѣ надобности они легко могутъ быть отдѣлены и вода ихъ собрана въ хоузы.

Баиры (бугры) съ обѣихъ сторонъ долины очень не высоки; грунтъ сирава чисто глинистый, сѣва съ примѣсомъ песка, но весьма плотный и не представляетъ для движенія никакихъ затрудненій.

Кустарникъ и даже отдѣльныя деревья, встрѣчавшіяся между Калей-моръ и Чемең-и-бидъ, снова исчезли; для топлива служить здѣсь только колючка; вдоль ручья и у родниковъ растетъ камышъ.

15-го марта. Отъ Ислямъ-Чигме до Акъ-робата 37½ верстъ.

Дорога отъ Ислямъ-Чигме на западъ держится низкой части праваго берега ручья, мѣстами подымаясь на холмы, но весьма незначительно. Во многихъ мѣстахъ не только у ручья, но и по сторонамъ налетъ соли. Въ 15 верстахъ отъ Ислямъ-Чигме пунктъ слиянія двухъ ручьевъ, составляющихъ общій ручей, по которому мы шли: одинъ выходитъ изъ Хомбу и былъ мною еще ранѣе пересѣченъ при проѣздѣ въ августѣ 1882 г. (изъ Гюрлена въ Казрь-суме); другой изъ Гюрлена. Ручьи идутъ съ юга и юго-запада; по ихъ долинамъ проходятъ дороги: 1) въ Хомбу и 2) въ Ахтаци и Гюрленъ. Въ этомъ же пунктѣ слиянія ручьевъ мы ихъ оставили, направляясь къ Акъ-робату почти прямо на западъ. Дорога стала подыматься и мы прошли рядъ балокъ, идущихъ приблизительно съ сѣвера на югъ; грунтъ мездѣ песчано-глинистый, поросшій травой; возвышеніе гребней надъ дномъ сажень 30—40 и мѣстами болѣе. Спуски и подъемы очень крутые; кустарника нѣтъ; чомучъ покрываетъ очень значительная пространства. Хотя мѣстность здѣсь всего на 1000 фут. выше долины, по растительности значительно отстала; цвѣты еще не появлялись и вся степь была въ томъ же видѣ, въ какомъ ее оставилъ конецъ осени; мелкая зеленая трава только-что начинала появляться. Зимы здѣсь должны быть очень суровыя; на 20 верстахъ мы пересѣкали нѣсколько разъ поля, буквально усыянные костями жирановъ: эти животныя укрываются отъ дующихъ здѣсь холодныхъ вѣтровъ въ углубленныхъ мѣстахъ и замерзаютъ въ нихъ массами.

На ночлегъ мы остановились у самихъ развалинъ робата. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе времени, нежели въ первое мое сошествіе этого пункта (въ авг. 1882 г.), я подробнѣе осмотрѣлъ окрестности. Акъ-Робатъ лежитъ среди глубокой обширной впадины, близъ него нѣсколько колодезевъ, обдѣланныхъ песчаникомъ; при нихъ кирпичные желоба для водопоя скота; затѣмъ въ раз-

нихъ мѣстахъ впадины; за небольшими неровностями еще есть колодцы, у которыхъ обыкновенно останавливались разбойники, не желавшіе быть замѣченными на открытомъ мѣстѣ у развалин; вода почти вездѣ на глубинѣ отъ 1,7 до 2 саж.; слой ея около 3 аршинъ; ея очень много и колодцы не выбиваются. Теперь вода застаивается и имѣетъ нѣсколько затхлый вкусъ и содержитъ много водныхъ вшей.

Отъ робата мѣстами сохранились стѣны, ограждавшія какъ дворъ, такъ и комнаты, расположенныя кругомъ. У азіятцевъ, очевидно страсть писанія на стѣнахъ развита не менѣе, какъ у европейцевъ: всюду, гдѣ оставалась штукатурка, были туркменскія и персидскія надписи; другихъ не было, такъ какъ и до настоящаго времени въ Акъ-робатъ, кромѣ меня, еще не попадалъ ни одинъ европеецъ.

Кромѣ робата въ этой же впадинѣ есть и болѣе древнія развалины въ формѣ окруженныхъ бугровъ, и глиняной съ осыпанными стѣнками калы.

Во впадинѣ кормъ весьма плохой; топлива же нѣтъ вовсе; часть моихъ текинцевъ отправилась набрать колючки, а остальные стали бродить кругомъ робата; наконецъ, собрались у одного изъ колодцевъ. На поверхности воды плавали два письма; съ большимъ трудомъ удалось ихъ достать; письма были въ конвертахъ и сохранились хорошо, сарыки узнали печати своихъ старшинъ, а по формату бумаги заключили, что эти письма писалъ Сіяхъ-пушъ; впоследствии оказалось, что письма эти действительно написаны сарыками, по наущенію Сіяхъ-пуша; адресованы: одно къ хорасанскому вали, другое къ коменданту Серакса, Али-Мерданъ-хану; оба заключали въ себѣ просьбу о принятіи въ персидское подданство. По дорогѣ посланные, обдумавъ дѣло, пришли къ заключенію, что Сіяхъ-пушъ довѣріемъ не пользуется, за доставку его писемъ награды не будетъ и потому предпочли выбросить ихъ.

Во всей мѣстности, гдѣ мы ѣхали съ утра, стояла чисто бадкызская погода: холодный пронзительный вѣтеръ дулъ всю ночь; къ утру температура была $+6^{\circ}\text{C}$.

16-го марта. Утромъ вѣтеръ продолжался и только къ 10 час. температура поднялась до $+9^{\circ}\text{C}$.

Три часа мы шли отъ Акъ-робата по пологимъ подъемамъ и спуускамъ почти прямо на сѣверъ ко всѣмъ извѣстнымъ въ краѣ солянымъ озерамъ Ер-ойланъ, часто называемымъ просто Дузъ, (т. е. соль). Дорога проходитъ между двумя озерами по перешейку,

ихъ раздѣляющему и возвышающемуся надъ дномъ ихъ около 60 фут. Бугры, находящіеся на южной сторонѣ, видны очень издалека. Въ настоящее время всѣ дороги совершенно непосѣщаемы и заростаютъ травой: всему причина новый серакскій комендантъ Али-Мерданъ-ханъ. Этотъ энергичный разбойникъ на нападеніе мерцевъ на Келатъ и Дерезезъ отвѣтилъ разграбленіемъ туркменскаго каравана, шедшаго за солью, и затѣмъ отбилъ у пендинцевъ нѣсколько стадъ; этого было достаточно, чтобы туркмены попрятали. Вообще большая часть ихъ подвиговъ прежняго времени записана исключительно отъ трусости ихъ враговъ.

За Ер-ойланомъ мѣстность слегка волнистая, состоитъ изъ широкихъ балокъ съ весьма пологими спусками и подъемами; съ дороги видны окаймляющія Гери-рудъ горы Гезъ-геадикъ и Зюл-фагаръ; ясно видно, что это отдѣльные кражи, и идущіе съ запада на востокъ баиры не имѣютъ съ ними никакой связи. Топлива тутъ нѣтъ никакого, кромѣ колючки. На подорожъ къ Коюнъ-куи лежатъ глинистые холмы Элбиринъ-кыръ. Съ обѣихъ сторонъ бугровъ брошенные кэризы. Съ Элбиринъ-кыра дорога спускается почти прямо на сѣверъ по пологому весьма длинному оврагу; пройдя по немъ 17 верстъ, мы къ вечеру вышли на равнину, гдѣ снова пошла болѣе богатая растительность, подобная той, которую мы видѣли ранѣе,

17-ю марта. За краемъ встрѣчаются уже отдѣльные холмы длиною иногда до 100—200 сажень, высоту отъ 10 до 20 сажень, разбросанные безъ всякаго порядка и не имѣющіе никакой связи другъ съ другомъ.

Отъ Акъ-робата до Коюнъ-куи 69 верстъ. Въ Коюнъ-куи 5 колодцевъ съ водою; къ счастью, рассказы о томъ, что Али-мерданъ-ханъ ихъ засыпалъ, не подтвердились; вода была во всѣхъ; она слегка солоноватая, но лошади и особенно овцы ее пьютъ очень охотно, да и сами туркмены скупаютъ ее вполѣхъ хорошею; глубина до воды 10 сажень, слой воды болѣе двухъ сажень; она никогда не выбирается. Это обиліе воды, при прекрасномъ кормѣ кругомъ, дѣлаетъ эту мѣстность одной изъ важнѣйшихъ для жизни близъ живущихъ туркменъ.

Изъ Коюнъ-куи мы рѣшили направиться къ р. Муръ-абу и выйти къ ней у мѣса Келе-бурнъ; по этому направленію есть дорога, все разстояние 95 верстъ; воды нигдѣ на всемъ пути нѣтъ и пачевали мы среди степи, выбравъ мѣсто, гдѣ кормъ и дрова были лучше.

18-го марта. Пройдя Кюнь-куи и даже видно, что Элбиринь-кыр дѣлитъ всю степь между Муръ-абоьмъ и Гери-рудомъ на двѣ части, отличныя какъ по климату, такъ и по растительности; на сѣверъ отъ возвышенности пошли сразу цѣлѣ, кустарникъ, мѣстами довольно густой и высокая трава, лучший кормъ во всей степи; грунтъ съ значительной примѣсью песка. Впрочемъ, на первыхъ 30 верстахъ мѣстность почти ровная, возвышеній нѣтъ вовсе, лишь мѣстами небольшія балки, углубленія въ 1—2 саж. Съ 30-й версты бугры песка дѣлаются болѣе и постепенно степь принимаетъ видъ песковъ 2-го рода въ Кара-кумахъ¹⁾; бугры песка все возвышаются къ рѣкѣ; кустарникъ все становится гуще и гуще. Въ общемъ мѣстность понижается отъ Кюнь-куи къ рѣкѣ у Келе-буруна. Такировъ между песками вовсе нѣтъ, вслѣдствіе чего даже и послѣ сильнѣйшихъ дождей — *каковъ* по всей дорогѣ не встрѣчается.

Не далеко отъ Кюнь-куи мы пересѣкли дорогу изъ Пенде въ Серахъ, по которой ходилъ съ своими войсками Медемі-ханъ; она вездѣ пригодна для артиллеріи; только три часа ходу (между Кюнь-куи и Старымъ Серахомъ) есть пески нѣсколько трудныя для движенія. Близъ пересѣченія дорогъ находится высокій отдѣльно стоящій кыръ, называемый Ханъ-кыръ.

18-го марта. Температура къ 3 часамъ дня достигла 24° С. и мы, сильно замучивъ лошадей послѣ 13 часового перехода, достигли Келе-буруна. Здѣсь мы нашли нѣсколько каравановъ. Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ и неуверенные въ то, что оно долго продлится, сарыки сѣвшили отправить свои товары въ Мервъ; то же дѣлали и Иоль-отанцы; впрочемъ, всѣ сопровождавшіе караванъ были вооружены.

19-го марта. По прежде описанной дорогѣ прибыли въ Иоль-отанъ, обочья и встрѣчая весьма часто караваны; вообще за 10 дней послѣ моего перваго проѣзда дорога успѣла чрезвычайно оживиться.

20-го марта. Рано утромъ выступилъ я изъ Иоль-отана въ Мервъ; дорога по лѣвому берегу рѣки, почти у самаго укрѣпленія отдѣляется отъ нея вслѣдствіе того, что рѣка дѣлаетъ весьма крутое колено, направляясь сначала на сѣверъ, а потомъ отъ мервской плотины на Коушутъ-ханъ-калы, почти прямо на западъ. Братчайшая дорога изъ Иоль-отана въ Коушутъ-калу идетъ близъ бугра

Гѣкъ-тене; до этого пункта дорога вполне исправная и пригодная для движенія верблюдовъ, далѣе же мѣстность низменная; каждый прорывъ дамбъ каналовъ заливаются большое пространство и потому караванное движеніе не пользуется этою дорогою а обходитъ ее другою, болѣе длинною, черезъ Келте-минаръ, пересѣкающею лишь весьма незначительное количество каналовъ, покрытыхъ здѣсь мостиками.

Дорога, по которой мы направлялись, проходила черезъ пашни Иоль-отана, которыя въ настоящее время продолжаютъ до Талхатанъ-баба. Это развалины могилы и хуза, въ который вода напускается и въ настоящее время изъ Иоль-отанскихъ каналовъ. Отъ Иоль-отана до Талхатанъ-баба 9½ версты. Далѣе дорога на 19-й верстѣ проходитъ черезъ развалины Еризъ-кала, причемъ на пространствѣ между Талхатанъ-баба и Еризъ-кала на нѣсколькихъ верстахъ непрерывно тянутся развалины, разбросанныя груды кирпича отъ бывшихъ здѣсь сооружений, какихъ — въ настоящее время сказать трудно: что либѣ въ родѣ стѣны или водопровода; лишь мѣстами развалины имѣютъ настолько значительную ширину, что можно предположить здѣсь остатки калы.

На 21 верстѣ начинаются посѣвы текинцевъ; впрочемъ, и на промежуткѣ отъ 9 до 21 версты вездѣ слѣды брошенныхъ пашень, часть которыхъ обрабатывалась еще недавно, часть же посредилъ въ болѣе отдаленныя времена при помощи существовавшего при Байрамъ-али канала отъ Кебутеръ-хана. Вообще говоря, Мервскій и Иоль-отанскій оазисы сливаются и промежутка между ними нѣтъ.

Отъ Гѣкъ-тене съ большимъ трудомъ мы пробрались черезъ неудобные броды арыковъ, разливы ихъ и болота и въ вечеру прибыли въ новое русское укрѣпленіе, построенное въ мое отсутствіе близъ Коушутъ-ханъ-калы.

III. Очеркъ юго-западной Туркменіи.

Такимъ образомъ весною настоящаго года мною дополнено изслѣдованіе мѣстности между Муръ-абоьмъ и Гери-рудомъ объѣздомъ восточной части ея и является возможность свести въ одно цѣлое всѣ собранныя о ней данныя.

Мѣстность эта не имѣетъ общаго названія у занимающихъ ея окраины туркменъ и сосѣднихъ жителей. Въ послѣднее время

¹⁾ По классификаціи, принятой мною при описаніи этой мѣстности.

нѣкоторые англійскіе географы ¹⁾ стали называть ее Бадхизъ для доказательства ея принадлежности Афганистану; неосновательность этого не трудно доказать на основаніи англійскихъ же источниковъ: Бадхизомъ называется горная часть между рѣками Кушкъ и Кашъ ²⁾. Мѣстность же между Муръгъ-абомъ и Гери-рудомъ правильнѣе всего назвать по этнографическимъ признакамъ — земли сарыковъ и салоровъ или болѣе общимъ именемъ — Юго-западной Туркменіей.

Какъ я уже прежде упоминалъ ³⁾, объ этой странѣ до 1881 г. не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній; въ 1840 и 1841 годахъ англійскіе путешественники Шекспиръ и Абботъ проѣхали по большой караванной дорогѣ изъ Герата въ Мерв; генералъ Гродековъ пересѣкъ Паропамизскія горы восточнѣе р. Кушкъ; Н. Г. Петрусевиичъ, изслѣдуя С. В. Хорасанъ, проѣхалъ вдоль Гери-руда, въ самую же мѣстность между рѣками не заѣхалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, да изъ жителей окрестныхъ странъ дороги въ ней были извѣстны только сардарямъ, предводителямъ разбоевъ.

Для изслѣдованія Ю. З. Туркменіи я предпринялъ двѣ поѣздки въ 1882 г. и одну въ началѣ настоящаго, именно тотчасъ по занятіи Мерва нашими войсками.

Кромѣ того, начиная съ осени 1882 года, сюда заѣзжали еще слѣдующія лица: по словамъ персидскаго хана въ Серахсѣ, послѣ моей первой поѣздки (въ апрѣлѣ 1882 г.), полковникъ Стюартъ, по окончаніи своихъ работъ въ Сеистанѣ, пріѣзжалъ въ Мосынъ-абадъ, откуда направился на Бешъ-робатъ, Гюргентъ и Исламъ-чичиме и по той же дорогѣ вернулся обратно. Отчетъ объ его путешествіи до настоящаго времени не напечатанъ.

Осенью 1882 г. еще одна дорога здѣсь пройдена двумя русскими путешественниками: кап. Гладышевымъ, опредѣлившимъ астрономическіе пункты, и подпоручикомъ Хабаловымъ, производившимъ съемку пройденнаго пути. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Хабаловымъ, изслѣдователи прошли изъ Мосынъ-абада въ Бенгикоризъ и перевалили по трудной дорогѣ черезъ горы Борхутъ у родника Яки-тутъ (западнѣе перевала Хомбоу и Каруанъ-ашанъ),

¹⁾ Sir H. Rawlinson. Карта, приложенная къ M. Lessar's second journey in the turkoman country. Proc. of the R. G. S. January 1883.

²⁾ См. карту: Turkestan, by Walker, fifth edition.

³⁾ Въ общемъ очеркѣ мѣстами повторены свѣдѣнія изъ свѣдѣній мною ранее сего сообщеній.

дальше прошли въ Кизиль-булакъ (названный ихъ проводникомъ Туланъ-чичиме), направляясь въ Акъ-робатъ; но проводникъ не сумѣлъ найти этого пункта и провелъ ихъ черезъ Адамъ-еланъ въ Серахсѣ. Въ мѣстности между Муръгъ-абомъ и Гери-рудомъ астрономически опредѣленъ одинъ пунктъ, именно Мелекъ-Гейранъ-чичиме.

Наконечъ, въ апрѣлѣ настоящаго года вдоль Гери-руда проѣхалъ дипломатическій чиновникъ при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ г. Чарыковъ; отъ Серахса до пункта въ 10 верстахъ южнѣе Зюлфагаръ-дербента онъ прошелъ вдоль рѣки; дальѣе черезъ Кэризь-Иліянь и перевалъ Соутли переправился въ Хорасанъ близъ впаденія р. Джамъ въ Гери-рудъ.

Границы. Границы Ю. З. Туркменіи составляютъ: а) съ сѣвера Мервскій оазисъ, в) съ востока Муръгъ-абъ, земли Джемишидовъ, рѣка Кушкъ на югъ отъ Чиль-дхутеръ и холмы, окаймляющіе эту рѣку съ востока, с) на югъ — горы Борхутъ и д) на западъ — р. Гери-рудъ, отдѣляющая Туркменію отъ Персіи. Вся мѣстность имѣетъ около 250 в. съ сѣвера на югъ и, въ среднемъ, около 100 верстъ въ поперечномъ направленіи.

Характеръ мѣстности. Горы Борхутъ, составляющія продолженіе Сефидъ-кухъ, отдѣляются отъ главной цѣпи значительнымъ пониженіемъ (между перевалами Ардеванъ и Каруанъ-ашанъ), между которыми собственно горъ нѣтъ: здѣсь рядъ холмовъ въ мягкомъ грунтѣ, черезъ которые проходятъ нѣсколько дорогъ, имѣющихъ и въ настоящее время безъ всякой раздѣлки уклоны не круче 0,02. Таковъ перевалъ Каруанъ-ашанъ.

Дальѣе на западъ крижъ возвышается по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ; высота его отъ трехъ до четырехъ тысячъ футъ; онъ состоитъ изъ твердыхъ песчаниковъ; скаты его круче, но все еще въ очень многихъ мѣстахъ есть перевалы, доступные при самой незначительной раздѣлкѣ для колеснаго движенія. Въ узкой щели горъ Борхутъ, переходящихъ и въ Персію, протекаетъ Гери-рудъ; горы снова понижаются къ Мешхеду; продолженіе ихъ дальѣе на западъ составляетъ хребтъ Алла-дагъ.

Горы Борхутъ — главный отрогъ Паропамиза, идущій на соединеніе съ Эльбурсомъ; болѣе южные отроги — ближайшіе къ Гери-руду, на нѣкоторыхъ картахъ нанесенные какъ главный крижъ — въ дѣйствительности только рядъ холмовъ, весьма незначительныхъ уже по направленію изъ Каруанъ-ашана въ Шебешъ, по дорогѣ же въ Кусанъ мѣстность совершенно ровная.

Вблизи 36° с. ш. глиняные баиры (холмы) Эльбиринь-кыр раздѣляютъ Ю. З. Туркмению на двѣ части, весьма различныя по характеру мѣстности, растительности и климату. Холмы эти, какъ показываетъ самое названіе (кыр), состоятъ изъ глиняныхъ возвышенностей около 2000 фут. надъ уровнемъ моря; начинался отъ обрывовъ по берегу Гери-руда, они идутъ почти прямо съ запада на востокъ, огибаютъ оз. Ерь-ойланъ и затѣмъ обращаются въ ряды отдѣльныхъ кыровъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на остальномъ пространствѣ до р. Кушкѣ. На востокъ отъ Ерь-ойлана эти возвышенности почти параллельные кряжи, высотой до 50 и болѣе саженъ надъ окружающею мѣстностью.

Въ этой части опредѣленнаго ската въ какую либо сторону незамѣтно; напротивъ треугольникъ, имѣющій основаніемъ горы Борхутъ отъ Хомбоу до Ардевана и вершину въ Чемеи-и-бидѣ, явственно составляетъ часть бассейна р. Кушкѣ; мною пройдены два притока этой рѣки, прежде неизвѣстные, длиною каждый около 100 верстѣ; одинъ начинается у Хомбоу, другой у Гюрлена, они соединяются и подъ названіемъ Егры-гѣй, впадаютъ въ Кушкѣ у Чемеи-и-биды. Весь треугольникъ состоитъ изъ долинъ, начинающихся на склонахъ г. Борхутъ и дренируемыхъ этими главными ручьями; промежутки между долинами — слегка холмистая мѣстность, постепенно понижающаяся отъ Борхута къ сѣверу. Западная часть южной половины имѣетъ скатъ къ Гери-руду; нѣсколько глубокихъ овраговъ проникаютъ отъ рѣки внутрь страны верстѣ 10—15; водораздѣломъ бассейновъ Гери-руда и Мурга-аба служатъ не обрывы, близкіе къ берегу первой изъ этихъ рѣкъ, а стоящіе сзади нихъ невысокіе холмы, линія которыхъ проходитъ отъ оконечности горъ Борхутъ близъ Къризъ-Иліаса, робата Кунгрюзди, Адамъ-аэна, къ развалинамъ моста Пуль-и-хатунъ. Въ общемъ вся южная половина представляетъ собою волнистую мѣстность, рядъ впадинъ и возвышенностей; грунтъ вездѣ песчано-глинистый, поросшій бурьяномъ и колючкою; несокъ встрѣчается лишь мѣстами и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, очевидно происшедшій отъ разрушенія кыровъ.

Сѣверный склонъ Эльбиринь-кыра имѣетъ сначала тотъ-же видъ, какъ и южный; глубокие овраги идутъ отъ вершинъ возвышенности преимущественно на сѣверъ; затѣмъ слѣдуютъ ряды отдѣльныхъ возвышенностей, которыя становятся все ниже и ниже; къ колодезю Кююнь-куи встрѣчаются лишь изрѣдка отдѣльно стоящіе кыры; примѣсъ песка становится все болѣе и болѣе и наконецъ

мѣстность переходитъ въ песчаную пустыню такого же характера, какъ и Кара-кумы, предѣлы ея указаны на прилагаемой картѣ: съ юга пески ограничены выпуклою кривою, упирающеюся въ баиры у Доулетъ-абада и въ Калеи-моръ на Кушкѣ; съ запада пески достигаютъ дороги изъ Серахса въ Мервъ, пересѣкаютъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, переходятъ къ дорогамъ на Карры-бендѣ и Мамуръ и соединяются съ Кара-кумами; съ сѣвера выпуклая граница ихъ близко подходитъ къ Мервскому оазису; на востокѣ она болѣею частью держится въ 400 до 1000 саж. отъ берега рѣкъ Муртъ-аба и Купка; мѣстами же подходитъ въ видѣ отдѣльныхъ массивовъ къ самой водѣ.

Бадхызъ имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и страна между горами Борхутъ и Эльбиринь-кыр; отъ оазиса сарыковъ — Пенде мѣстность постепенно и весьма полого поднимается къ горамъ Сефидъ-Кухъ; неровности ея незначительны, холмы между Кушкомъ и Камешъ, высотой отъ 20 до 40 саж., кое-гдѣ прорѣзываются неглубокими долинами, дренируемыми обоими притоками Мурга-аба; горная часть мѣстности начинается у самаго кряжа Сефидъ-кухъ; тутъ подъемы весьма крутые и, по описанію Аббота и Гродекова, перевалы представляютъ значительныя затрудненія для движенія.

Рѣки. Двѣ большія рѣки съ ихъ притоками дренируютъ всю земли Ю. З. Туркмению. Это Гери-рудъ и Мурга-аба.

Р. Гери-рудъ беретъ свое начало въ 350 верстахъ на востокъ отъ Герата, въ пунктѣ, гдѣ соединяются горы Сефидъ-кухъ и Сія-кухъ. Верховья ея носятъ названіе Джентель-абъ и только по слияніи съ Тингалъ-абомъ рѣка принимаетъ названіе Гери-рудъ и вступаетъ въ широкую долину, вездѣ пригодную для обработки.

Большая плотина, расположенная нѣсколько выше Герата, направляетъ значительную часть водъ рѣки въ каналы для орошенія Гератской долины, бесспорно богатѣйшей во всей Средней Азии на югъ отъ Аму-Дарьи. Въ настоящее время главные продукты: асафетида, шафранъ, фисташковый орѣхъ, всякіе фрукты, виноградъ разныхъ сортовъ, хлѣбъ, ячмень и клеверъ. Шелководичный червь разводится въ довольно значительномъ количествѣ. Но лѣса и даже кустарники существуютъ лишь мѣстами въ разливъ Гери-руда; склоны горъ совершенно обнажены, всякое селеніе имѣетъ богатые фруктовые сады, топливомъ же служить только колючка, призываемая изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ. По берегамъ тянутся богатѣйшіе дуга, на которыхъ пасутся большіе табуны лошадей,

по увѣренію афганцевъ, болѣе 40.000 головъ. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Гератской провинціи въ Персію; лошади малорослыя, простыхъ породъ (ябу), но крѣпкія и выносливыя. Сверхъ того у жителей имѣется въ значительномъ количествѣ и другая скотъ.

Въ десяти верстахъ, не доѣзжая Тиръ-пула, долина служивается, Гери-рудъ подходитъ весьма близко къ возвышенностямъ южнаго берега и дорога какъ въ Кафиръ-кале, такъ и въ Гуріанъ лѣнится въ видѣ узкихъ тропинокъ, иногда по довольно крутымъ косогорамъ.

Въ Тиръ-пулѣ черезъ рѣку построены Яръ-Магометъ-ханомъ мостъ, длиною 40 саж. Кладка устоевъ и арокъ кирпичная; только ледорѣзы облицованы твердымъ камнемъ, такъ какъ въ суровыя зимы ледъ настолько толстый, что можетъ выдерживать всадника и ледоходы бываютъ весьма значительныя. Въ высокую воду дорога изъ Герата въ Мешхедъ идетъ не черезъ Кусанъ, а черезъ Тиръ-пулъ и далѣе вдоль южнаго берега въ Кафиръ-калу.

Вблизи Кусана — послѣдняго афганскаго поселенія по р. Гери-рудъ, она поворачиваетъ почти прямо на сѣверъ и течетъ въ пологихъ и удобныхъ для обработки берегахъ только до Пешъ-робата. Далѣе по ущелью, отдѣляющему горы Борхутъ отъ горъ Каргала (составляющихъ продолженіе первыхъ въ персидскихъ предѣлахъ), Гери-рудъ протекаетъ на протяженіи около 20 верстъ; затѣмъ лѣвый берегъ болѣею частью только слегка холмистый до горъ Пескемеръ, подходящихъ къ рѣкѣ между Зуръ-абадомъ и Пуль-и-хатунюмъ. Возвышенности праваго берега до Зюлфагаръ-дербенда отстоятъ отъ урѣза воды мѣстами на двѣ, три версты, а далѣе на сѣверъ къ Гярмъ-абъ-дербенду подходятъ весьма крутыми обрывами; здѣсь долины, на которыя можно вывести оросительныя арки, очень рѣдки и весьма незначительнаго протяженія; на лѣвомъ берегу слѣды небольшихъ посѣвовъ видны лишь болѣе Зуръ-абада, на правомъ — у Зюлфагаръ и Гярмъ-абъ-дербендомъ.

На сѣверъ отъ Пуль-и-хатуна лѣвый берегъ ограниченъ невысокими весьма пологими предгорьями Хезаръ-Месджида, на которыя во многихъ мѣстахъ можетъ быть выведена вода для орошенія; бугры праваго берега нѣсколько выше; только на небольшихъ пространствахъ у Ширъ-тепе и Наурузъ-абадѣ между разливомъ рѣки и подошвою холмовъ есть слѣды полей; лишь у Кассабъ-калы холмы обращаются въ ровную мѣстность, удобную для обработки.

Гери-рудъ отъ Кусана до Пуль-и-хатуна течетъ болѣею частью однимъ рукавомъ, шириною отъ 15 до 20 саж. Высокая вода бываетъ отъ начала января до конца марта, въ то время броды рѣки вслѣдствіе быстроты теченія очень опасны, но уже въ апрѣлѣ можно переправляться во многихъ мѣстахъ при глубинѣ не болѣе 4 футовъ. Къ лѣту вода въ рѣкѣ быстро уменьшается и въ іюнѣ и іюлѣ переправы возможны вездѣ, гдѣ крутизна береговъ не составляетъ препятствія. Въ сентябрѣ же, на переправѣ изъ Кусана въ Кафиръ-калу, при глубинѣ около трехъ футовъ, Макъ-Грегоръ не замѣтилъ почти никакого теченія.

Сѣвернѣе, уже въ августѣ, теченія въ самомъ руслѣ не бываетъ; только кое-гдѣ сохраняются плесы воды, мѣстами почти прѣсной, мѣстами настолько солоноватой, что лошади неохотно пьютъ ее. Ложе вездѣ состоитъ изъ крупнаго булыжника и, по увѣренію жителей, когда проходятъ высокія воды, то теченіе продолжается, но лишь подземное и обнаруживается только въ глубокихъ мѣстахъ русла; во всякомъ случаѣ подземный притокъ существуетъ, иначе нельзя объяснить такіе плесы, не пересыхающіе всю осень; вода такой глубины даже на глинистой почвѣ высохла бы въ два, три дня. Теченіе прекращается, какъ сказано выше, къ концу юля или въ началѣ августа, нѣсколько сѣвернѣе Кафиръ-кале и затѣмъ возобновляется только отъ Пуль-и-хатуна, гдѣ въ Гери-рудъ впадаетъ р. Кара-су, и особенно усиливается около Ноурузъ-абада отъ выходящихъ изъ дна богатыхъ родниковъ; здѣсь воды такъ много, что она всегда проводилась каналами къ поселеніямъ селаровъ у Старого Серакса и снабженіе ихъ было непрерывное въ теченіи цѣлаго года. Вода снова появляется во всей рѣкѣ въ ноябрѣ или декабрѣ.

На югъ отъ Пуль-и-хатуна по берегамъ русла вездѣ есть родники; плесы, въ которыхъ лѣтомъ сохраняется вода, настолько часты, что путь вдоль Гери-руда во всякое время года можетъ считаться хорошо снабженнымъ водою; но кое-гдѣ препятствуютъ двигаться вдоль рѣки горы, близко подходящія къ самой водѣ. Осенью вездѣ можно пройти самымъ русломъ; въ высокую же воду не то: отъ Серакса до Пуль-и-хатуна дорога хорошая по обоимъ берегамъ, отъ этого послѣдняго пункта на югъ надобно идти по западному берегу черезъ горы Пескемеръ до Зуръ-абада по очень трудной дорогѣ, а по туркменскому можно обойти по ровному мѣсту съ востока горы Келетъ-коя, тянущіяся обрывами по самому берегу рѣки отъ Гярмъ-абъ-дербенда до Зюлфагарскаго ущелья.

Затѣмъ снова оба берега удобны для движенія. Гдѣ во второй разъ горы подходятъ къ рѣкѣ (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ р. Джамъ), движеніе вдоль нея совершенно невозможно. Въ Серахсѣ утверждаютъ, что въ прежнее время въ Гери-рудѣ было болѣе воды; въ-рнѣе этому нѣтъ основаній. Борнсь, проѣзжавшій черезъ Серахсѣ въ сентябрѣ 1832 г., нашелъ русло Гери-руда совершенно сухимъ и настолько незначительнымъ, что принялъ его за русло особой рѣчки Тедженъ, будто бы берущей начало въ сосѣднихъ холмахъ, и отрицалъ связь ея съ Гератскою рѣкою. Вода въ Гери-рудѣ хотя мутная, но вкусная и здоровая.

Въ Пуль-и-хатунѣ сохранились развалины моста; о времени постройки его текинцамъ ничего неизвѣстно; преданіе только указываетъ, что мостъ построенъ женщиною. Четыре арки его существуютъ и по настоящее время; средняя, пятая, разрушена Медемій-ханомъ во время похода его противъ Мерва. Все расстояние между наружными частями крайнихъ сводовъ $28\frac{1}{2}$ саж. Изъ нихъ 4 бика, не равной толщины, занимаютъ $9\frac{1}{2}$ саж., а для пропуска воды служатъ пять пролетовъ, въ общей сложности 19 саж. Первый отъ туркменскаго берега имѣетъ 4 саж., затѣмъ два по пяти и наконецъ два у персидскаго берега по $2\frac{1}{2}$ саж. Ширина моста немного болѣе 2 саж. Мостъ сохранился довольно хорошо, трещинъ въ сводахъ нигдѣ не видно; въ случаѣ возобновленія средней арки онъ и теперь годится для вьючнаго движенія. Подмывовъ у биковъ нигдѣ нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицовка ихъ на горизонтѣ высокой воды сорвана теченіемъ; исправленія здѣсь были бы вообще нетрудны, такъ какъ отъ конца іюля до декабря мостъ почти на сушѣ; только подъ однимъ, двумя пролетами бываетъ два, три вершка воды.

Продолженіе Гери-руда на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Серахса извѣстно подъ именемъ Теджена; теченіе въ этой части рѣки бываетъ только во время половодія: тогда вода здѣсь очень глубока и во многихъ мѣстахъ переправа вовсе невозможна. О'Донованъ въ февралѣ переправился немного сѣвернѣе Кангалы-Гузери въ лагерь; въ прежнее время въ срединѣ того же мѣсяца Тедженъ у плотины Карри-бендѣ имѣлъ ширину около 12 саж. и глубину $5\frac{1}{2}$ футъ. Часто вода здѣсь бывала глубже и тогда переправа въ теченіе одного или полутора мѣсяцевъ для каравановъ была возможна только у Аламанъ-Джунгуля, куда Тедженъ не доходилъ, а доходили лишь отдѣльные вытеченія изъ него каналы. Разливъ рѣки и затопленіе этой мѣстности бывали только въ случаѣ прорыва пло-

типы у Герата. Въ началѣ 1884 года у Карри-бенда возобновлена плотина и каналы для орошенія прилегающей мѣстности.

Лѣтомъ теченіе въ Тедженѣ прекращается; мѣстами онъ вовсе пересыхаетъ, а большею частью состоитъ изъ длинныхъ озеръ, питаемыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, ключами, а можетъ быть и подземнымъ продолженіемъ рѣчекъ Чача, Меана и Душакъ, кончающихся въ болотахъ, въ 15—20 верстахъ отъ Теджена. Такое мнѣніе основано на томъ, что вода въ этихъ озерахъ прохладная и не пересыхаетъ въ теченіе самаго жаркаго лѣта, что едва ли могло бы быть, если бы эти озера были только скопленіемъ весенней воды въ глубокихъ впадинахъ русла Теджена.

Рѣка Мургъ-абъ, берущая начало на сѣверномъ склонѣ Сефидъ-кухъ, пройдя черезъ горную страну, занятую племенемъ Хазаре, у Бала-Мургъ-аба, выходитъ на равнину въ Южную Туркменію. Отъ этого мѣста правый берегъ рѣки состоитъ изъ холмовъ, идущихъ близъ урѣза воды; мѣсть, удобныхъ для обработки, весьма мало и поля на правомъ берегу имѣются лишь въ оазисѣ Пенде. Впрочемъ склоны бугровъ болѣею частью пологие и пролегающая по нимъ дорога вдоль Мургъ-аба весьма удобна для движенія. Только противъ Сары-изи холмы почти отвѣсно опускаются къ рѣкѣ обрывами Кушле-коя; здѣсь въ высокую воду проѣздъ невозможенъ и для дороги имѣется обѣздъ по верху холмовъ.

У мыса Келе-бурунъ прекращаются глиняные бугры и замѣняются песчаными, которые до Юль-отана держатся вдоль рѣки на расстоянии одной, двухъ верстъ отъ воды; далѣе на сѣверъ пески обходятъ развалины древнихъ городовъ близъ Мерва и выходятъ на дорогу изъ этого оазиса къ Бухарѣ.

Лѣвый берегъ отъ Бала-Мургъ-аба до Мерукача ограниченъ холмами подобно правому; затѣмъ долина расширяется и передъ слияніемъ рѣкъ Мургъ-абъ и Кушкъ лежитъ совершенно плоскій треугольникъ, занятый поселеніями сарыковъ и извѣстный подъ именемъ Пенде.

Далѣе на сѣверъ до Юль-отана лѣвый берегъ ограниченъ песчаными буграми. Тутъ рѣка протекаетъ однимъ или нѣсколькими чрезвычайной извилистыми рукавами, въ сложности отъ 10 до 20 саж.; берега довольно крутые, часто обрывисты, высотой 4 и болѣе саж.; эта первая долина расположена во второй, болѣе широкой, лишь мѣстами заливаемой высокими водами, ширина ея отъ 300 саж. до 5 и болѣе верстъ; ограничивающіе эту вторую долину съ запада пески мѣстами подходятъ къ рѣкѣ въ видѣ мысовъ, мѣ-

стами удаляются от нея и образуют озеровидные впадины, называемые местными жителями *кёв*; эти пространства все пригодны для обработки и на многих из них еще сохранились слѣды прежде бывшаго здѣсь (въ болѣе спокойное время) орошенія; особенно хороше урожаи давали кёвы, заливаемые весенними водами.

Ближе всего пески подходят къ рѣкѣ между переправой Юнгенлы и Сары-язы и здѣсь на протяженіи около 10 верстъ дорога идетъ по верху песчаныхъ холмовъ. Мургы-абъ протекаетъ болшею частью по весьма легко размываемому глинистому грунту; при значительномъ паденіи мѣстности, рѣка имѣетъ чрезвычайное извилистое русло и подмываетъ лѣвый, болѣе низменный, берегъ; во многихъ мѣстахъ дорога, упирающаяся въ новообразовавшееся колено, и большой объѣздъ около него указываютъ въ какой сильной степени и какъ быстро происходитъ подмывъ. Особенно часты такіе объѣзды отъ Юнгенлы до Дашъ-кепри; здѣсь видны во многихъ мѣстахъ большія трещины въ обрывахъ береговъ; вдоль Кушска каналы, ближайшіе къ берегу его, частью обвалились и перенесены далеко на западъ.

Глубина рѣки въ низкую воду 3—4 фута, а въ высокую доходитъ до 14 и болѣе футовъ. Высокая вода бываетъ весной, вначалѣ лѣта и временно послѣ сильныхъ продолжительныхъ дождей въ горахъ, причемъ вода подымается весьма быстро; весной въ 1884 г. на бродѣ близъ аула Курджумлы, послѣ сильнаго дождя, вода менѣе чѣмъ въ 3 часа поднялась на 1½ фута.

Въ низкую воду по всей рѣкѣ очень много бродовъ; напротивъ, во все время высокой воды нѣтъ ни одной переправы въ бродъ и сообщеніе между обоими берегами поддерживается почти исключительно каюками (большія лодки).

Кромѣ Мервскаго оазиса, гдѣ до нашего занятія было два весьма плохихъ моста, на Мургы-абѣ имѣется лишь еще одинъ въ Иоль-отанѣ. Онъ также весьма плохой конструкціи: отверстіе его около 6 саж. изъ 30 саженой ширины рѣки въ этомъ мѣстѣ; остальная часть ея перегорожена дамбами изъ земли и фашипъ. Отверстіе недостаточно и высокія воды ежегодно сносятъ часть дамбы; бревна, покрывающія два пролета по 3 сажени, при приближеніи высокой воды убираются на берегъ. Въ мартѣ настоящаго года я проѣзжалъ по этому мосту; въ маѣ онъ уже былъ снесенъ; возобновлять его придется лишь осенью. Глубина рѣки близъ моста около 2 саж. За проѣздъ по мосту берется плата (баджъ).

Каюки имѣются въ Иоль-отанѣ и въ Пенде; въ этомъ послѣд-

немъ пунктѣ черезъ рѣку (имѣющую здѣсь ширину 14—15 саж.) протянуты канаты, по которымъ и движутся лодки. Каюки сдѣланы изъ короткихъ кусковъ торганти или фисташковаго дерева на деревянныхъ гвоздяхъ и проконопачены обрывками халатовъ; длина каюка двѣ саж., ширина 1 саж., глубина около 1 арш., каюкъ подымаетъ въ одинъ разъ 4 лошади или до 20 человекъ.

Какъ Мургы-абъ такъ и Гери-рудъ содержатъ въ себѣ много рыбы, но туркмены не употребляютъ ее въ пищу, предполагая, что это влечетъ за собою лихорадку.

Мургы-абъ, представляя болше удобства для заселенія, нежели Гери-рудъ и если въ настоящее время вдоль рѣки заняты кочевниками-туркменами только три пункта, остальная же часть совершенно пустынная, то это происходитъ отъ царившаго въ степи безпорядка; лежащія вдоль всего берега развалины укрѣпленій и караванъ-сараявъ указываютъ, что когда-то берегъ былъ густо заселенъ и по немъ шло оживленное торговое движеніе.

Изъ притоковъ Мургы-аба для жизни туркменъ имѣютъ значеніе Кушкъ, Кашъ и Кайсоръ.

Кушкъ начинается на сѣверномъ склонѣ Сефидъ-куха и сначала течетъ по неудобной для обработки гористой мѣстности. Отъ Чиль-духтера долина расширяется и почти на всемъ протяженіи до впаденія въ рѣку Мургы-абъ у Дашъ-кепри сарыки вывели изъ рѣки каналы и занимаются хлѣбопашествомъ; ширина обрабатываемой полосы рѣдко гдѣ болѣе 300—400 саж., и лишь у Калеи-моръ достигаетъ до 6 верстъ.

Грунтъ р. Кушкъ ниже Калеи-моръ вязкій, иловатый и потому, хотя глубина воды болшую часть года нигдѣ не болѣе 1 арш., переправы въ бродъ возможны только въ рѣдкихъ опредѣленныхъ пунктахъ. Выше Калеи-моръ грунтъ гравелистый и переправы возможны вездѣ.

Вода въ Кушкѣ прѣсная, но послѣ продолжительной засухи становится слегка солоноватой и случается, что рѣка пересыхаетъ вовсе; когда это пересыханіе случается раннимъ лѣтомъ, то бываетъ причиною гибели сдѣланныхъ туркменами поѣздовъ. По берегамъ Кушка имѣются прѣсные родники и при пересыханіи въ руслѣ сохраняются плесы слегка солоноватой воды, достаточной для снабженія проходящихъ каравановъ.

Оба притока Кушка (Гюрленъ-су и Хомбу-су) имѣютъ почти на всемъ протяженіи сильно солоноватую воду, негодную для орошенія; встрѣчающіеся по берегамъ прѣсные родники содержатъ

довольно воды для проходящихъ здѣсь каравановъ. Впрочемъ, Гюр-лень-су въ началѣ имѣть прѣсную воду и близъ развалинъ того же имени сохранились слѣды довольно значительныхъ посѣвовъ.

Въ тѣхъ же условіяхъ, какъ р. Кушкъ, находится и Камъ; раннее пересыханіе ея имѣетъ тѣ же печальныя послѣдствія, какъ и вдоль первой изъ нихъ.

На р. Кайсоръ развалины Калеи-вали въ послѣднее время заняты сариками.

Родники и колодцы. Мѣстность, лежащая на югъ отъ Эльбиринъ-кыра, какъ по количеству, такъ и по качеству, лучше снабжена водою, нежели сѣверная часть. Особенно богаты родниками пологіе восточные склоны, окаймляющіе Гери-рудъ; здѣсь весьма часты прѣсные родники, впрочемъ въ настоящее время достаточные только для снабженія водою каравановъ; слѣды же посѣвовъ встрѣчаются рѣдко (Кэризъ-илиякъ). Весьма вѣроятно, что количество воды въ этой мѣстности можетъ быть значительно увеличено разработкою родниковъ и устройствомъ кэризовъ.

Далѣе на востокъ идетъ рядъ колодцевъ болѣею частью прѣсныхъ или съ самою незначительною примѣсью солей. Горы Борхутъ и ихъ склоны также богаты родниками и колодцами. Родники почти всѣ прѣсные, но грунтъ очевидно содержитъ соли, такъ какъ ручьи, образующіеся изъ родниковъ, въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ истоковъ совершенно соленые и негодны для питья.

Относительно снабженія водою сѣверная часть междурѣчья весьма близко подходитъ къ Кара-кумамъ: она обладаетъ рѣдкими колодцами, расположенными иногда въ 80 верстахъ другъ отъ друга; вода въ нихъ вездѣ съ нѣкоторою примѣсью солей и для раздѣленія колодцевъ на прѣсные и соленые приходится принять тотъ же масштабъ, какъ и въ пустынѣ, т. е. называя прѣсными тѣ, изъ которыхъ туркмены дѣлають запасъ воды на дорогу и при кочевкахъ; солеными—негодные для питья людямъ; впрочемъ надобно замѣтить, что здѣсь нѣтъ колодцевъ съ горькою водою и всѣ колодцы въ пескахъ пригодны для скота; бараны и верблюды и даже лошади весьма охотно пьютъ ихъ солоноватую воду.

Всѣ пески юго-западной Туркменіи лежатъ на болѣе или менѣе водопроницаемомъ грунтѣ; чистыхъ такировъ не встрѣчается вовсе, а потому и бѣковъ (дождевыхъ ямъ) не бываетъ даже послѣ самыхъ сильныхъ дождей.

Климатъ. Какъ ни незначительны сравнительно баиры Эльбиринъ-кыръ, но эта возвышенность достаточна для раздѣленія юго-

западной Туркменіи въ климатическомъ отношеніи на двѣ весьма отличныя другъ отъ друга части. Сѣверная часть по климату вполне сходна съ Кара-кумами; при подъемѣ же къ горамъ Борхутъ, тогда за переваломъ Эльбиринъ-кыръ, начинаются постоянные сильные южные вѣтры. На сколько можно судить по времени, проведенному мною въ этой мѣстности (одна недѣля въ апрѣлѣ, одна недѣля въ августѣ), утверждение текннцевъ, что здѣсь не бываетъ хорошей погоды, совершенно вѣрно. Хотя на равнинѣ было вполне спокойно, близъ горъ Борхутъ вѣтеръ дулъ съ силою шторма. Часто набѣгали облака и на сѣверномъ склонѣ при нашемъ проѣздѣ оба раза шелъ дождь, впрочемъ очень мелкій, едва смачивавшій дорогу. На южномъ склонѣ вѣтеръ, по мѣрѣ удаленія отъ горъ, становился все слабѣе и на полъ-дорогѣ къ Кусану уже былъ вовсе нечувствителенъ. Въ Персіи мнѣ объясняли, что самое названіе Бадкызь страна, сосѣдняя съ этою частью юго-западной Туркменіи и имѣющая съ ней одинаковый климатъ, получила именно отъ этого постоянна атмосферы: бадъ значитъ вѣтеръ, хастень (корень—хызъ)—подниматься, вставать. По словамъ туркменъ, эта погода длится здѣсь цѣлый годъ; эти же мѣстные вѣтры, хотя и нѣсколько слабѣйшіе, дѣлають жизнь въ Пенде весьма тяжелою.

Растительность. Растительность главнымъ образомъ зависитъ отъ качества грунта и обилия воды. Какъ по Гери-руду, такъ и по Мургу-абу вдоль береговъ (по развалинамъ) встрѣчается въ большомъ количествѣ тополь, тутъ, верба (торрангы) и кустарники разныхъ породъ, настолько густые, что во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ не только невозможно подъѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ. Кормъ для лошадей вездѣ въ изобилии и хорошаго качества. Деревья, находящіеся здѣсь, достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ и этимъ надобно объяснить мнѣніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, будто по берегамъ этихъ рѣкъ имѣется строевой лѣсъ^{*)}; всѣ существующія здѣсь породы годны конечно для покрытія небольшихъ помѣщеній, для мостиковъ черезъ арыки и т. п., но совершенно не соотвѣтствуютъ понятію о строевомъ лѣсѣ, которое сложилось въ Россіи. Верба и тополь непригодны для большихъ построекъ или столярныхъ работъ; для значительныхъ сооружений изъ дерева лѣсъ долженъ быть доставленъ съ Волги или съ Кавказа; въ Закаспійскомъ краѣ его нигдѣ не имѣется.

^{*)} Г. Азихановъ передаетъ о существованіи строеваго лѣса даже по дорогѣ изъ Мерва въ Хиву.

Внутри междуречья на песчано-глинистом грунті встрѣчаются тутовые деревья только близъ родниковъ и фисташковыя, разбросанныя по всѣмъ склонамъ холмовъ, болѣею частью въ видѣ отбѣльных деревьевъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Какъ кустарники, такъ и травы на кырахъ растутъ плохо и потому сравнительно съ сѣверною, южная часть гораздо бѣднѣе ими, только близъ рѣкъ пастбища могутъ считаться вполнѣ хорошими; кустарника же вообще очень мало. Совсѣмъ не то сѣверная часть; разъ кыры уступили мѣсто грунту съ преобладаніемъ песка — самыя роскошныя травы, которыя только извѣстны туркменамъ, покрываютъ мѣстность. Эта часть была источникомъ богатства сарыковъ, причину прекраснаго качества ихъ стада. „Мисиръ“ называютъ ее туркмены; это значитъ Египетъ и употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ обитованная страна. Здѣсь не бываетъ такого выгорания растительности, какъ въ Кара-кумахъ; даже высохшая лѣтомъ трава — все еще прекрасный кормъ для скота. Центромъ лучшихъ пастбищъ считаются колодцы Кюнь-куи.

Кустарники вездѣ въ изобиліи и по мѣрѣ приближенія отъ седины степи къ р. Муръ-абу становится все гуще и выше и близъ рѣки обращается почти въ лѣсъ; вырубленъ онъ только у колодцевъ и населенныхъ мѣстъ; такъ, во всемъ оазисѣ Пенде и на цѣлый переходъ на сѣверъ и на югъ отъ него нѣтъ ни одного кустарника или дерева; топливо подвозится изъ песковъ и отъ Чоменты-и-биди.

Минеральныя богатства. О существованіи какихъ-либо минеральныхъ богатствъ въ горахъ Борхуъ туркмены ничего не знаютъ.

Большую извѣстностью во всѣхъ окрестныхъ странахъ пользуются богатые соляныя озера, называемыя Ер-ойланъ или Дузъ. Дузъ значитъ просто соль, а Ер-ойланъ — провалъ земли; есть преданіе, что здѣсь когда-то была крѣпость, которая провалилась и на ея мѣстѣ явились два соляныя озера. Провалъ глубиною 130 сажень; берега, состоящіе изъ красныхъ глинъ, мѣстами вертикальныя обрывы, мѣстами пологіе; оба озера раздѣляются возвышеніемъ (70 саж. надъ дномъ), по которому и проходитъ дорога изъ Кюнь-куи въ Акъ-робатъ. По южной сторонѣ озера есть нѣсколько отдѣльно стоящихъ кыровъ, видныхъ издали. Въ озерахъ надъ солью около $\frac{1}{2}$ аршина воды; для добычанія ломами вырубаютъ куски въ видѣ мельничныхъ камней; на слѣдующій годъ разрабо-

танное мѣсто снова заполняется солью, которой, по словамъ туркменъ, неисчерпаемое количество. Соль прекраснаго качества.

Этими озерами пользовались всѣ туркменскія племена, обитающія окрестныя страны; мервцы и юль-отанцы пользовались западнымъ озеромъ, сарыки изъ Пенде восточнымъ. Большая дорога, которою направлялись мервскіе караваны за солью, проходила черезъ Келе-бурунъ и Кюнь-куи; но въ виду опасности по ней могли двигаться только большіе караваны съ сильнымъ конвоемъ для защиты отъ нападений сарыковъ или персовъ; поэтому кромѣ этой главной дороги къ Дузу отъ Мерва сардары знали еще много тропинокъ, по которымъ и проводили небольшіе караваны. Прошлою зимою послѣ назначенія въ Серахъ энергичнаго персидскаго правителя Али-Мерданъ-хана, отомстившаго мервцамъ за ихъ разбой разграбленіемъ текинскаго каравана близъ Кюнь-куи, движеніе изъ Мерва и Юль-отана къ Дузу прекратилось вовсе и мервцы стали покупать соль изъ Пенде чрезъ посредство юль-отанцевъ; по занятіи Мерва и послѣдовавшемъ за тѣмъ умиротвореніи края прежнее движеніе возобновилось.

Сарыки Пенде также имѣютъ извѣстныя имѣ тропинки и кромѣ того двѣ большія дороги: первая по Кушку и далѣе черезъ Акъ-робатъ, длиннѣйшая, но богатая водою, и вторая безводная, кратчайшая, отъ Дашъ-кепри прямо на Дузъ.

Солью изъ Ер-ойлана пользовались и другія племена, но они не осмѣливались являться за нею сами, а покупали ее главнымъ образомъ у жителей Пенде. Джемшиды приобретали ее не только для себя, но и для продажи въ Гератъ, гдѣ она очень цѣнилась, такъ какъ соль, добываемая близъ этого города въ Афганистанѣ, худшаго качества; въ Пенде покупали соль также и жители Маймене.

Сообщенія въ краѣ. Со времени водворенія текинцевъ въ Мервѣ и наступившаго безпорядка въ степи, движеніе по юго-западной Туркменіи почти вовсе прекратилось; даже между Юль-отаномъ и Пенде сообщеніе было весьма мало оживленное; дорога изъ Пенде въ Гератъ по Кушку, бывшая прежде большимъ караваннымъ путемъ, нынѣ едва замѣтная тропинка. Внутри же страны проѣзжали только хорошо вооруженные караваны къ озерамъ Ер-ойланъ, а главнымъ образомъ разбойники изъ Мерва и Пенде, ходившіе грабить другъ друга или чаще всего персовъ и афганцевъ. Торговые же караваны совершенно не могли двигаться. Но только что сказанное относится къ позднѣйшему времени и едва ли справедливо мнѣніе Роулинсона о томъ, что здѣсь никогда не было большой

дороги ¹⁾). Развалины робатовъ въ Кунгрюзли и близъ перевала Хомбу указываютъ на одно изъ направлений; другое составляла дорога черезъ Акъ-робать; въ Гюрленѣ и близъ перевала Караунъ-ашанъ существуютъ даже остатки укрѣпленій и слѣды посѣвовъ.

Дороги въ настоящемъ видѣ конечно выючныя тропинки, но общій характеръ мѣстности въ высшей степени благоприятствуетъ проложенію здѣсь хорошихъ колесныхъ путей и даже устройству рельсового.

Подробное описаніе дорогъ изложено въ дневникахъ и маршрутахъ.

Населеніе юго-западной Туркменіи. Во внутренней части юго-западной Туркменіи мало мѣстъ, пригодныхъ для земледѣлія, и она имѣетъ значеніе только для скотоводства; поселенія же сарыковъ и салоровъ, чорва которыхъ пользовалась междурычьемъ для своихъ стадъ, расположены по рѣкамъ Муръгъ-абу и Гери-руду.

Сарыки; раздѣленіе на отдѣленія. Племя туркменъ сарыковъ, занимающихъ на Муръгъ-абѣ оазисы Іоль-отанъ и Пенде, раздѣляется на слѣдующія отдѣленія: байраджъ, сукты, алаша, хорасаллы и герзеки. Впрочемъ, на вопросъ сколько у нихъ отдѣленій сарыки всегда отвѣчаютъ не пять, а шесть, такъ какъ, при соображеніи о распредѣленіи воды и земли, при выборѣ старшинъ и пр. герзеки считаются за два отдѣленія.

Способъ управленія оазисами былъ такой же, какъ и въ Мервѣ, т. е. дѣйствительной власти не было никакой; всякій поступалъ какъ хотѣлъ и только въ случаѣ крайней необходимости принять какое либо рѣшеніе, касающееся всего оазиса, дѣло рѣшалось аксакалами; власть хановъ такъ же ничтожна, какъ было и въ Мервѣ; такъ въ Іоль-отанѣ Сары-ханъ былъ простымъ исполнителемъ постановленій аксакаловъ; приказатъ же онъ никому не могъ. Само собою теперь въ Іоль-отанѣ все измѣнилось; Сары-ханъ въ настоящее время русскій чиновникъ и его приказанія исполняются, но уже какъ приказанія русскаго начальника, а не какъ туркменскаго хана.

Численность племени. Сарыки сами опредѣляютъ численность своего племени въ 20,000 кибитокъ. Но чтобы казаться сильнѣе, туркмены всегда увеличиваютъ дѣйствительную цифру населенія и болѣе довѣрія заслуживаетъ число 12,000 кибитокъ, принимае-

мое Петрусевичемъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что при повѣркѣ и оно окажется сильно преувеличеннымъ.

Изъ этихъ 12,000 кибитокъ треть, т. е. около 4,000, живетъ въ Іоль-отанѣ; остальные въ Пенде и по Кушку, Кашу и Кайсору.

Между сарыками живетъ небольшое количество евреевъ; большая часть изъ нихъ прибыла изъ Герата; въ медресе этого города евреи и до сихъ поръ посылаютъ воспитываться своихъ дѣтей.

Сарыки не преслѣдуютъ Моисеевъ законъ, но притѣсняютъ и отнимаютъ деньги у его послѣдователей, когда тѣ богатеютъ.

Нравы и обычаи. По своимъ нравамъ, обычаямъ, занятиямъ и образу жизни сарыки мало отличаются отъ текинцевъ. Впрочемъ, жители Пенде едва ли не самое кочевое племя изъ всѣхъ туркменъ; мериды уже начинаютъ прикрѣпляться къ землѣ хотя глиняными домиками для гостей и стѣнами своихъ кале и шехра. Сарыкъ же еще до сихъ поръ гордится тѣмъ, что его крѣпость—это сѣдо и ружье. Находящіеся въ треугольникѣ между Муръгъ-абомъ и Кушкомъ укрѣпленія Таза и Кегне-Пенде были развалины еще до прихода сарыковъ; они не возобновлены и во всемъ оазисѣ нѣтъ ни одного укрѣпленія, ни одной самой простой постройки: всѣ живутъ поселеніями по 20, 30, иногда до 100 кибитокъ, стоящихъ на совершенно открытыхъ и ничѣмъ не огражденныхъ мѣстахъ. Мазанки, существующія въ Іоль-отанѣ, служатъ только какъ склады.

Вслѣдствіе большаго развитія у нихъ скотоводства живутъ сарыки весьма богато; у зажиточныхъ хозяевъ по нѣскольку кибитокъ; войскою обшты съ обѣихъ сторонъ бѣлымъ полотномъ, что придаетъ кибиткамъ нарядный, чистый видъ, весьма выгодно отличающій ихъ отъ кибитокъ другихъ племенъ. Стоимость кибитки отъ 300 до 800 тенге; внутри много ковровъ и имущества и даже снаружи многія кибитки украшены дорожками и весьма цѣнными коврами. Столь частыя въ Мервѣ камышевы хижинки, обмазанныя глиною, въ которыхъ живутъ бѣдняки, въ Пенде почти вовсе не встрѣчаются.

Языкъ. По словамъ туркменъ, можно отличить по разговору сарыка отъ салора или текинца, не говоря о болѣе удаленныхъ юмудахъ, ерсаряхъ и пр. Это весьма вѣроятно: обособленность каждаго племени, происходящая отъ постоянной вражды другъ съ другомъ, имѣетъ конечно послѣдствіемъ, что каждое изъ нихъ въ различной степени дѣлаетъ заимствованія у своихъ сосѣдей и даже вырабатываетъ себѣ нѣсколько отличное отъ другихъ нарѣчіе. Такъ напр. каналъ сарыки зовутъ поу-хана, а не арыкъ, жарь, джуй или

¹⁾ Proceedings of the R. G. S. Jan. 1883 p. 16. „I have stated that there never was a high road through Badgheis along the line of the Hari-rud“.

ябъ, какъ другіе туркмены. Особенно отличны имена собственных: большая крѣпость въ Мервѣ у сарыковъ носитъ названіе Ханъ-геченъ, совершенно неизвѣстное текинцамъ, называющимъ ее Коушутъ-ханъ-кала или Мары-шигаръ (городъ Мервѣ). На этомъ мѣстѣ при сарыкахъ было небольшое укрѣпленіе и посѣвъ; Медемі-ханъ въ теченіи 12 лѣтъ велъ войну съ туркменами и разорялъ это мѣсто, отчего оно и получило свое названіе Ханъ-геченъ, т. е. ханъ прошелъ. Укрѣпленіе, извѣстной текинцамъ подъ именемъ Порсу-кала, построено сарыками во время войнъ съ хивинцами для защиты плотины Дженаали-бендъ (нынѣ Коушутъ-ханъ-бендъ) и у сарыковъ еще въ настоящее время носитъ названіе Дженаали-бендъ-кала.

Одежда. Одежда мужчинъ весьма мало отличается отъ одежды другихъ туркменскихъ племенъ. Лишь сапоги у нихъ часто замѣняются мягкой кожаной обувью, поверхъ которой надѣваются дощатенныя изъ Бухары калоши съ жѣдными задками. Дома весьма многіе вмѣсто туркменской бараньей шапки носятъ бухарскія суконыя тубетейки, обшитыя узкою полоскою мѣха.

Женскій костюмъ нѣсколько болѣе отличается отъ текинскаго: рубашки и шаравары такіе же, какъ у текинцевъ, но только почти исключительно синяго цвѣта, между тѣмъ какъ у этихъ послѣднихъ преобладаетъ красный. Головной уборъ совершенно особенный и состоитъ изъ высокой войлочной шапки, обмотанной до половины тонкимъ тюбаномъ изъ цѣтной матеріи, которая затѣмъ спускается сзади широкимъ покрываломъ до пояса, а спереди приподнята и закрываетъ подбородокъ.

Занятія. Главныя занятія сарыковъ скотоводство и земледѣліе; торговля и занятіе ремеслами развиты весьма мало; разбои же со стороны Іюль-отана прекратились вовсе, а со стороны Пенде сильно сѣщены.

Также какъ у другихъ туркменъ, скотоводы у сарыковъ называютъ чорва, земледѣльцы — чомуръ.

Скотоводство у сарыковъ развито болѣе, нежели у какого либо другаго туркменскаго племени, не смотря на то, что тревожное положеніе края до настоящаго времени не позволяло пользоваться лучшими пастбищами вокругъ Коюнъ-куи и заставляло ограничиваться ближайшими къ оазисамъ мѣстами. Жители Пенде — наиболѣе богатые скотоводы — пасли свои стада по холмамъ обоеихъ береговъ Кушка и даже внутри Бадхыза, за что платили афганскому правителю подать около 6 талге за 100 барановъ.

На сѣверъ отъ Дашъ-кепри стадъ не выгоняли дагѣ переправы Юнгелы, въ виду трудности охранять ихъ отъ мерскихъ разбойниковъ. Затѣмъ всѣми пастбищами до Курджукли никто не пользовался; это мѣсто было самое опасное во всей степи; тутъ бродили для набѣговъ разбойники всѣхъ окружающихъ племенъ.

Въ Іюль-отанѣ стадъ очень мало: здѣсь живутъ только бѣдніи, переселившіеся сюда изъ Пенде, именно вслѣдствіе неимѣнія скота и недостатка хорошей земли при слияніи Муръ-аба и Кушка. Свои немногочисленныя стада Іюль-отанцы пасутъ близъ своихъ ауловъ.

Охранять каждое стадо особыми нанятыми людьми было бы невыгодно, и потому система защиты принята другая: въ удобныхъ пунктахъ ставятся скрытно караулы, которыхъ обязанность слѣдить за движеніемъ разбойниковъ; въ случаѣ нападенія караульщики спѣшатъ сообщить въ оазисъ, откуда и снаряжается соотвѣствующая силѣ аламана погоня; стада гнать быстро нельзя и потому успѣшный угонъ рѣдко удавался; обыкновенно дѣло ограничивалось захватомъ лошадей, оружія и отдѣльных людей.

Овцы сарыковъ очень хорошей породы; пастбища лучшія во всей степи, а потому, не смотря на бывшее тревожное время, сарыки самое богатое изъ туркменскихъ племенъ; многіе имѣютъ до 1000 барановъ; самые богатые — баи — даже до 2000 барановъ и 60—70 верблюдовъ.

Теперь, при полномъ умиротвореніи края, большая часть стадъ конечно будетъ пастись на сѣверномъ склонѣ Эльбизиръ-кыра; рѣдкіе колодцы не препятствіе для пастбы; часть времени стада поятъ изъ рѣки, пока не съѣдены ближайшія къ ней пастбища; потомъ перекочевываютъ къ колодцамъ; барановъ на пастбѣ даже дѣломъ можно поить одинъ разъ въ 4—5 дней; въ промежуткѣ достаточно влаги, заключающейся въ травѣ.

Въ худшихъ условіяхъ, нежели скотоводство, находится у сарыковъ земледѣліе. Также какъ и въ другихъ низменныхъ частяхъ Средней Азіи, земля здѣсь не производитъ ничего безъ орошенія, а въ Пенде оно представляетъ большія трудности. Почти всюду долины Муръ-аба и его притоковъ не широки; окаймляющіе ихъ холмы, хотя не высоки, но безъ серьезныхъ сооруженій все же не допускаютъ вывода каналовъ и потому сарыки, по вѣтѣсеніи отсюда салоровъ, заняли всѣ долины рѣкъ.

Главныя каналы для орошенія Пенде выведены изъ Муръ-аба; но берега его здѣсь неудобны для установки плотины и потому

сарыки довольствуются небольшими каналами, питаемыми естественным течением рѣки; только въ очень низкую воду устраиваются у истока западныхъ каналовъ нѣсколько ниже Меручака изъ камней и хвороста временныя загражденія для поднятія горизонта воды, которыя весною уносятся высокими водами. Начало этого канала отдѣляется отъ разлизовъ рѣки дамбою, называемою Бендъи-Надири, построенною еще ерсарями-чорпангы, жившими здѣсь раньше салоровъ.

Впрочемъ, кромѣ препятствій со стороны мѣстныхъ условий, есть и другія причины, почему сарыки не дѣлаютъ чего-либо болѣе совершеннаго для орошенія Пенде, это—неопредѣленность ихъ положенія, боязнь притѣсненій со стороны афганцевъ, которые могутъ принудить сарыковъ откочевать на сѣверъ, а главное—отсутствіе какого бы то ни было порядка среди самаго племени.

При такомъ положеніи только самая низкая часть долинъ шириною 200—300 саж. орошена; мѣстности же, возвышающіяся на 2—3 саж., уже недоступны для поливки.

Каналами праваго берега Муртъ-аба пользуются отдѣленія байраджъ и алаша, лѣваго берега сукты, хорассалы и герзеки.

Прежде сарыки пользовались водою, взятою изъ Муртъ-аба, близъ укр. Бала-Муртъ-абъ, гдѣ ежегодно устанавливалось временное загражденіе Бендъи-джоукара; въ послѣднее время афганцы вытѣснили сарыковъ изъ Бала-Муртъ-аба и ихъ посѣвы заняты теперь джемшидами и хазаре.

При проздѣ въ 1878 году генерала Гродекова черезъ Калеивали, укрѣпленіе это лежало въ развалинахъ, никѣмъ не занятое; нынѣ въ немъ поселились сарыки-хорассалы.

Изъ рѣки Камъ также выведены небольшіе каналы отдѣленіемъ герзеки. Какъ выше уже было сказано, Камъ иногда пересыхаетъ лѣтомъ и потому пользованіе имъ рискованно; впрочемъ даже при благоприятныхъ обстоятельствахъ онъ не даетъ много воды.

Не смотря на такой же рискъ отъ пересыханія, болѣе значенія для оазиса имѣетъ р. Купкъ, обильная водою весною и послѣ дождей въ горахъ; вдоль всей долины рѣки племенемъ сукты и хорассалы выведены каналы, начиная отъ Чиль-дуктера до входа въ оазисъ Пенде (около 20 верстъ южнѣе Дашъ-Кепри); близъ этихъ посѣвовъ сарыки не живутъ круглый годъ; оставивъ семейства въ Пенде, сюда приходятъ лишь дехканы (земледѣльцы) для засѣванія полей и сбора жатвы; въ нѣсколькихъ пунктахъ по долину построены ими небольшія укрѣпленія.

Далѣе на сѣверъ отъ герзеки отдѣленіе сукты ведетъ нѣсколько каналовъ, изъ которыхъ главный по акведуку Дашъ-кепри прокладываетъ на лѣвую сторону рѣки и орошаетъ земли до переправы Юнгенлы.

Но всѣ вышеописанныя мѣста еще были недостаточны для сарыковъ; они прямо говорятъ, что въ Пенде орошенной земли слишкомъ мало: тамъ могли жить только богатые скотоводы и разбойники. Возобновить бывшее прежде орошеніе между Юнгенлы и Иоль-отаномъ не позволяло тревожное состояніе степи и потому, черезъ 10 лѣтъ по занятіи Пенде, бѣднѣйшая часть населенія, не имѣвшая стадъ и слѣдовательно менѣе всего рисковавшая, по соглашенію съ мервцами, рѣшила выселиться къ развалинамъ брошеннаго салорами укрѣпленія Иоль-отанъ. На 45 верстъ выше этого пункта они построили плотину Бендъи-Казахлы, отъ которой и идетъ каналъ, орошающій Иоль-отанскій оазисъ; противъ мѣста Чаръ-багъ каналъ раздѣляется на два параллельные, идущіе почти до самаго Мерва. Болѣе мелкія подраздѣленія не постоянны, и въ нихъ пускается вода, смотря по тому, гдѣ сдѣланы посѣвы. Ширина большихъ каналовъ 3 сажени, одиночнаго же идущаго до Чаръ-бага—4 саж.; глубина 1 до 1½ аршина. Весь оазисъ Иоль-отанъ состоитъ изъ узкой полосы, рѣдко болѣе 2 верстъ шириною, тянущейся отъ Казахлы почти до Мерва, т. е. на протяженіи почти 60 верстъ. Справа онъ ограниченъ рѣкою, слѣва—песками, все время то подходящими къ рѣкѣ мысами, то удаляющимися заливами; каналы идутъ близъ самыхъ песковъ, иногда даже пересѣкаютъ ихъ. Собственно обработанная часть Иоль-отанскаго оазиса начинается лишь у Чаръ-бага и продолжается до развалинъ Талхатанъ-баба, гдѣ къ ней непосредственно прилегаютъ мервскія поля.

Кромѣ главнаго канала въ самомъ разливѣ близъ Иоль-отана есть небольшіе посѣвы, вода на которые подымается при низкомъ горизонтѣ ея въ рѣкѣ, чигирями (водоподъемными колесами), такою же устройства, какъ употребляемые въ Хивѣ.

Нѣтъ сомнѣній, что по окончательномъ умиротвореніи края, значительная часть жителей Пенде перекочетъ кинзу и займетъ всѣ свободныя мѣста по Муртъ-абу, особенно близъ Иоль-отана, гдѣ земля очень хорошая и ея много, тѣмъ болѣе, что и прекрасныя пастбища находятся близко.

(На прилагаемой картѣ нанесены всѣ означенные каналы; изъ нихъ часть каналовъ, идущихъ изъ Меручака и Бала-Муртъ-аба—

по разпросамъ; остальные же были осмотрѣны при побѣдѣ моей въ Пенде въ мартѣ 1884 г.).

Въ оазисахъ Пенде и Юль-отанъ главнымъ образомъ воздѣлываются пшеница, джугара (сорго), ячмень (очень мало), рисъ прекраснаго качества, кунджутъ, юрунджа (люцерна), хлопокъ (очень не много); огороды также весьма незначительны. Садовъ вовсе нѣтъ ни въ Юль-отанѣ, ни въ Пенде.

Не смотря на то, что, какъ сказано выше, весь успѣхъ земледѣлія зависитъ отъ орошенія, оно находится у сарыковъ также, какъ и другихъ туркменъ, на самой низкой степеніи развитія.

У другихъ народовъ Средней Азіи отсутствуютъ только теоретическія познанія въ этомъ дѣлѣ; у туркменъ же весьма мало и практической сноровки какъ въ устройствѣ каналовъ, такъ и въ содержаніи ихъ. Практики-строители ирригаціонныхъ сооружений, называемые панджварами, вообще весьма неуксусны.

Мѣсто для расположенія плотины или истока канала выбирается въ колѣнѣ рѣки, чтобы воспользоваться направляющимся сюда теченіемъ; затѣмъ каналы проводятъ руководствуясь остатками существовавшихъ прежде и покинутыхъ сооружений, которыхъ всюду много; если же таковыхъ нѣтъ, то направленіе выбирается ощупью; не имѣя понятія о нивелировкѣ, туркмены никогда не увѣрены, что вода пойдетъ куда они желаютъ; поэтому каналъ роютъ, начиная отъ рѣки, небольшими участками, въ которые тотчасъ пускаютъ воду; если она не идетъ, то сдѣланный участокъ ставятъ и вырываютъ новый; всюду видно множество такихъ брошенныхъ неудавшихся участковъ, иногда весьма длинныхъ. О приданіи улопа, соответствующаго качеству грунта, туркмены не имѣютъ понятія; это дѣлаетъ впоследствии сама вода, подымая берега и увеличивая извилинами длину канала; даже содержаніе въ исправности береговъ и дамбъ каналовъ не соблюдается: значительная часть воды пропадаетъ въ разливахъ, занимающихъ большія пространства, особенно въ Мервскомъ оазисѣ; при этомъ, кромѣ бесполезной траты воды, гибнутъ, если не на всегда, то на весьма продолжительное время, хорошія земли; вода испаряясь оставляетъ соли, которыя обращаютъ почву въ негодные для обработки солончаки.

Водосливы почти никогда не достаточны; при возвышеніи горизонта, вода не проходитъ черезъ нихъ и разрушаетъ плотину; если же она настолько прочна, что вода не можетъ прорвать ее, то обходить сооруженіе, что рѣдко представляетъ затрудненія, такъ

какъ укрѣпленія береговъ у плотинъ не дѣлается. При возвышеніи горизонта воды, стража у плотины даетъ знать объ этомъ въ поселеніе; является нѣсколько сотъ, иногда даже двѣ, три тысячи человѣкъ и начинается борьба съ водою: все дѣлается безъ всякаго толка и почти нѣтъ плотины, которую бы не рвало каждыя 5—6 лѣтъ.

Понятно, какъ непроизводительно расходуетъ вода, какая безобразная въ общемъ получается система орошенія и какіе ничтожные, болѣею частью, результаты, вовсе не соответствующіе громадной затратѣ труда.

Сооруженія для ирригаціи самаго примитивнаго устройства. Какъ сказано выше, въ оазисѣ Пенде нѣтъ плотинъ: въ низкую воду какъ въ Бендъ-и-джоу-кара, такъ и по Кушку дѣлаютъ возобновляемыя ежегодно временныя загражденія изъ камней и хвороста для поднятія уровня воды и направленія ея въ каналы.

Акведукъ Дашъ-кепри построенъ во время господства здѣсь арабовъ; онъ состоитъ изъ девяти стрѣльчатыхъ арокъ пролетомъ по 1,8 саж., толщина бѣковъ 1,1, а вся длина акведука 30 саж., высота отъ горизонта воды до верха парапета 2,4 саж. Каналъ, проходящій по верху, имѣетъ 5 арш. ширины и 1 1/2 арш. глубины. Видъ акведука—неуклюжій, придавленный; при небольшой высотѣ, его стрѣльчатая арка начинается почти у два рѣки и весьма некрасивы. Кладка сдѣлана на сарычѣ; такъ называется цементный растворъ, въ который кладутъ гажу, золу, солому и даже яйца для увеличенія его гидравлическихъ свойствъ; это впрочемъ не предохраняетъ акведукъ отъ разрушенія; многія арки выпали вполнѣ, другія, частью и своды, обратились въ простое покрытие; все держится лишь благодаря массивнымъ разѣбрамъ, приданнымъ весьма частымъ сооруженіямъ.

Сарыки пробовали обратить акведукъ въ плотину, но при отсутствіи водослива поднимавшаяся вода грозила обойти или снести акведукъ; поэтому загражденіе пролетомъ было разобрано.

Плотина Бендъ-и-казахлы, доставляющая воду въ каналы Юль-отана и Курджуки, устроена изъ земли и хвороста, водосливъ для пропуска не входящей въ каналъ высокой воды сдѣланъ изъ камня и фашинъ и потому требуетъ постоянного присмотра и ремонта. При сарыкахъ, т. е. за послѣднія 17 лѣтъ, плотину три раза сносила вода; одинъ разъ вслѣдствіе того, что мервцы подожгли фашинникъ.

Каналъ отъ Казахлы до Чаръ-бага былъ построенъ еще сало-

рами; тогда рѣка въ этомъ мѣстѣ текла по другому руслу, которое и было преграждено плотиною, направленною воду въ каналъ; высокая вода обошла плотину и прорыла рукавъ, соединяющийся со старымъ русломъ у Баба-кемберъ; плотина сарыковъ расположена въ этомъ новомъ рукавѣ. Вода идетъ сначала по старорѣчью до дамбы, расположенной на мѣстѣ сарской плотины и отсюда по старому каналу; уклонъ дна его весьма значительный и если бы онъ на всемъ протяжении содержался чисто, то можно бы обойтись вовсе безъ плотины. Съ этою же цѣлью сарыки пробовали сдѣлать истоки канала еще выше: прорыть громадный арыкъ, но направление ему придано неудачное, онъ уперся въ песокъ и брошенъ.

Торговля. Отсутствие у сарыковъ почти всякихъ потребностей, вслѣдствіе ихъ бѣдности и малаго развитія съ одной стороны, и трудности сообщеній съ сосѣдними странами съ другой, объясняютъ незначительные размѣры ихъ торговли.

Получаютъ сарыки въ Иоль-отанѣ—ситцы, красный товаръ, желѣзо, котлы, чай и шелкъ, главнымъ образомъ изъ Бухары, халаты изъ Хивы. Изъ Герата привозятъ также чай, шелкъ, канаусъ, лендцы, индиго (отправляемое въ Бухару и Хиву).

Въ Пенде предметы торговли почти тѣ-же, но, въ виду чрезвычайной опасности пути изъ Иоль-отана въ Пенде, первый изъ этихъ пунктовъ ведетъ торговлю главнымъ образомъ съ Бухарою, второй съ Гератомъ.

Изъ Бухары также привозятся столярныя подѣлки и предметы изъ дерева, сундуки, двери для кибитокъ и пр., изъ Хивы остоны для кибитокъ. Въ года ранняго пересыханія Кушка и Кама или неурожаевъ, часто бывающихъ въ Пенде, и вслѣдствіе другихъ причинъ, пшеница въ значительномъ количествѣ закупаается въ Мервѣ или Гератѣ.

Главные предметы отпуска изъ обоихъ оазисовъ—это бараны, отправляемые въ Бухару и лошади и верблюды—въ Гератъ. Цѣна самаго большого барана 20—25 тенге.

Лѣсъ, растущій по Муръ-абу, рубятъ и сплавляютъ для продажи въ Мервѣ, гдѣ хорошее дерево стоитъ 6—7 краповъ. У Вендъ-и-казахлы плоты развизываютъ и переносятъ на другую сторону плотины; за это караульные берутъ баджъ натурою: съ нѣсколькихъ деревъ по одному, употребляя полученное на исправленіе плотины и моста у Иоль-отана.

Рисъ, воздѣлываемый въ Пенде, славится во всѣхъ окрестныхъ странахъ, какъ лучший и вывозится въ Гератъ, Персію и Мервѣ.

Въ буграхъ по берегамъ Муръ-аба и Кушка охотники бьютъ лисицъ, шкуры которыхъ продаются въ Бухарѣ по 36—40 краповъ за начку.

Затѣмъ вывозятся нѣкоторые произведенія сарыковъ:

1) Первое мѣсто занимаютъ ковры; по рисунку они нѣсколько отличаются отъ мервскихъ, а по качеству хуже этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе примѣси бумаги и отсутствія примѣси шелка; въ оазисѣ, за неимѣніемъ тутовыхъ деревьевъ, шелководствомъ не занимаются вовсе. Цѣна ковровъ почти такая же, какъ мервскихъ.

2) Кошмы (войлоки) выдѣлываются въ довольно значительномъ количествѣ въ Пенде; кусокъ въ 5 аршинъ длиною и около 3 шириною стоитъ 20 краповъ.

3) Изъ шерсти молодыхъ верблюдовъ (одного, двухъ лѣтъ) дѣлаютъ прекрасную ткань для халатовъ; одна женщина въ годъ можетъ сдѣлать одинъ кусокъ около 9 аршинъ длиною и отъ 14 до 15 вершковъ шириною. Ткань эта очень высоко цѣнится въ Персіи и Гератѣ; кусокъ ея стоитъ 200—300 краповъ; у самихъ сарыковъ нѣтъ достаточно богатыхъ людей чтобы носить подобные халаты. Въ томъ же родѣ болѣе дешевой ткань (80 краповъ за кусокъ) дѣлается изъ бараньей шерсти; она бѣлаго цвѣта.

Остальные произведенія сарыковъ ремесленниковъ служатъ только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей.

Вслѣдствіе неспокойнаго положенія края, торговое движеніе могло происходить только при соблюденіи большихъ предосторожностей: для охраненія каравана въ 100 верблюдовъ приходилось нанимать 50—60 человѣкъ, за плату по 50 тенге до Чарджуи; эта охрана состояла изъ пѣшихъ людей (мергеновъ). Шли въ Бухару отъ 5—7 дней съ верблюдами и 12 дней съ баранами, болѣею частью по дорогѣ черезъ Репетекъ, которая считалась лучшею; она достаточно снабжена водою и количество песка на ней не велико; движеніе по ней затруднилось разбоями мервцевъ и ерсарей.

Трудность сообщеній вышла на цѣну предметовъ: кусокъ кумача въ 56 аршинъ стоющій въ Бухарѣ 38 тенге, въ Иоль-отанѣ продавался за 60; фунтъ сахара стоилъ 60 коп.

На базары, бывающіе два раза въ недѣлю, вывозятся главнымъ образомъ мѣстныя произведенія; предметы же, получаемые изъ другихъ странъ, продаются въ лавкахъ у евреевъ, которыхъ въ Иоль-отанѣ около 20 человѣкъ; въ ихъ же рукахъ находится и вся транзитная торговля между Гератомъ и Бухарою; Иоль-отанъ былъ очень удобнымъ посредникомъ, вслѣдствіе дружественныхъ отноше-

ний его жителей къ Пенде и болѣе или менѣе мирныхъ къ мервцамъ.

До настоящаго времени у сарыковъ главнымъ образомъ обращались бухарскія деньги—тенге (4 тенге составляютъ 1 кредит. рубль) и старые персидскіе краны (около 30 коп.); еще весною настоящаго года сарыки не знали ни новыхъ персидскихъ крановъ (40 коп.), ни бумажныхъ денегъ.

Салоры. По свѣдѣніямъ генерала Петрусовича, салоры дѣлятся на три племени: кипчагы, даярду-ходжа и карамагы-ялавачъ. У Старога Серакса ихъ теперь около 3.000 кибитокъ (салоры сами считаютъ, что 4.000 кибитокъ); кромѣ того по Муръгъ-абу (среди меривцевъ и сарыковъ) около 1.000 кибитокъ, у Чарджуа 400, Маймене 200, близъ Герата у Пуль-и-Саларъ около 100 домовъ.

Салоры самое слабое и бѣдное изъ туркменскихъ племенъ; кибитокъ почти ни у кого нѣтъ; всѣ живутъ въ камышевыхъ шалашахъ, обмазанныхъ глиною; стада почти вовсе нѣтъ; лошади и верблюды очень рѣдки; разбоями салоры уже давно не занимаются; земледѣліе почти единственное ихъ занятіе. Поселенія ихъ расположены частью у Ст. Серакса, частью у развалинъ Кошутъ-калы; для орошенія салоры пользуются каналами, берущими начало у Даулетъ-абада, вода въ которые направляется временными плотинами, возобновляемыми ежегодно при спаде воды. Система ирригаціи такъ же не совершенна, какъ у мервцевъ и сарыковъ.

Историческій очеркъ. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія ¹⁾, послѣ того какъ Мервъ былъ разрушенъ эмиромъ Масумомъ бухарскимъ и жители его уведены частью въ Бухару, частью въ Мешхедъ и Гератъ, мѣстность по Муръгъ-абу близъ Вайрамъ-Али-кала заняли туркмены сарыки и владѣли ею до конца пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія, совершая отсюда свои набѣги на всѣ сосѣднія страны, не исключая и занятыхъ другими туркменскими племенами.

Для орошенія своихъ земель они построили плотину Дженаали-бейдъ, недалеко отъ нынѣ существующей; ее часто разрушали всокиа воды, а иногда и враги сарыковъ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія сарыки подчинились хивинскимъ ханамъ и продолжалось это еще въ 1839 г.,

какъ свидѣтельствуеетъ объ этомъ Абботъ. Туркмены часто возставали противъ хивинцевъ и борьба сдѣлалась особенно ожесточенной при Медеміи-ханѣ, который почти ежегодно предпринималъ походы противъ возставшихъ. По всѣмъ дорогамъ изъ Хивы въ Мервъ и Атекъ, затѣмъ по Муръгъ-абу къ Пенде и оттуда въ Сераксъ, сохранились еще нынѣ слѣды этихъ движеній; въ искалахъ это непрерывныя линіи костей выкопанныхъ животныхъ, въ другихъ мѣстахъ на каждомъ переходѣ указываютъ хандеки Медеміи-хана, т. е. окопы, которыми окружали свой лагерь хивинцы.

Во время этихъ войнъ построено у плотины Дженаали-бейдъ укрѣпленіе, развалины котораго въ настоящее время, какъ уже было упомянуто выше, извѣстны у текинцевъ подъ именемъ Порсу-кала.

Сначала походы Медеміи были успѣшны, но послѣдній изъ нихъ, въ 1855 году, противъ текинцевъ, жившихъ у Ст. Серакса, кончился полною неудачею; самъ ханъ былъ убитъ и хивинцы бѣжали не только изъ Серакса, но и изъ Мерва.

Почти тотчасъ же послѣ этого, тѣснимыя персами, текинцы подъ начальствомъ Кошутъ-хана двинулись изъ Серакса на Мервъ и послѣ двухлѣтней борьбы отгѣснили сарыковъ въ Пенде, откуда эти послѣдніе въ свою очередь вытѣснили жившихъ здѣсь салоровъ. Въслѣдствіе изложеннаго выше недостатка въ Пенде земли и трудности ея орошенія, десять лѣтъ спустя по занятіи Пенде, бѣднѣйшая часть сарыковъ заняла Юль-отанъ (1867 г.).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія мы застаемъ салоровъ у Старога Серакса. Пунктъ этотъ считался очень важнымъ; за него спорили и хивинскій ханъ и бухарскій эмиръ. Когда Аббасъ-Мирза рѣшился утвердить власть шаха отъ Хорасана до Окса, то первымъ дѣломъ онъ счелъ необходимымъ занять Сераксъ.

Хотя жившіе здѣсь салоры и не дѣлали сами набѣговъ, но они доставляли оружіе врагамъ Персіи и за это въ обмѣнъ получали персидскихъ плѣнныхъ, которыхъ частью удерживали въ качествѣ рабовъ, частью продавали въ Хиву и Бухару. Всего въ Сераксѣ было около 3.000 рабовъ шитовъ.

Въ 1832 г. Аббасъ-Мирза потребовалъ сдачи Серакса и когда жители не согласились, то взялъ его приступомъ. Поселеніе было разграблено и большая часть жителей перерѣзана. Остальные, около 5.000 человѣкъ, были выкуплены хивинскимъ ханомъ за 50.000 тумановъ и приняла обязательство защищать персидскую границу

¹⁾ Нѣсколько свѣдѣній о болѣе древней исторіи этой мѣстности приведены Sir H. Rawlinson'омъ въ Proceedings of the R. Geographical Society. January 1883. См. Приложение I.

отъ текинцевъ и сарыковъ. Конечно, это послѣднее исполнено не было.

Послѣ этого разгрома салоры удалились съ береговъ Гери-руда на среднее теченіе рѣки Муръгъ-аба и построили здѣсь Таза-Пенде и обширное укрѣпленіе Юль-отанъ, развалины котораго нынѣ заняты сарыками. Изъ Пенде они вытѣснили жившихъ здѣсь ерса-рей (племени чоршангы), которые перешли въ Шибирханъ и Балхъ.

Разореніе салоровъ было настолько сильно, что они уже никогда не могли поправиться; когда 25 лѣтъ спустя сарыки явились на ихъ земли, то не встрѣтили почти никакого сопротивленія; салоры откочевали, съ разрѣшенія персидскихъ властей, къ Зуръ-абаду; здѣсь въ горахъ вода въ изобиліи, но ручьи текутъ въ узкихъ ущельяхъ и нѣтъ мѣста для посѣвовъ; у самаго же Зуръ-абада равнина, годная для обработки, невелика и воды весьма немного, такъ что приходится пользоваться арыками изъ кѣризовъ, а выведеніе каналовъ изъ Гери-руда представило бы слишкомъ большія затрудненія. Поэтому послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія здѣсь, салоры стали проситься на правый берегъ Гери-руда къ Старому Серахсу. Персы согласились, но потребовали, чтобы салоры приняли на себя содержаніе кордона для защиты персидской границы отъ сарыковъ и мервцевъ. Эти послѣдніе, разсерженные такимъ поведеніемъ салоровъ, угнали весь скотъ ихъ и согласились вернуть его владѣльцамъ только въ случаѣ, если все племя переселится въ Мервъ, что и было исполнено. Здѣсь тѣ немногіе, у кого были стада, занимались скотоводствомъ; часть занималась земледѣліемъ и за пользованіе землею и водою отдавала мервцамъ четверть жатвы; а большинство — бѣдняки прямо поступали въ работники къ мервцамъ.

Лѣтомъ 1881 года, по совѣту Тикма-сердара, мервцы рѣшили болѣе не задерживать салоровъ, а отпустить ихъ на старыя мѣста. Они въ числѣ болѣе 2.000 кибитокъ явились къ Серахсу, проси разрѣшенія персидскихъ властей поселиться здѣсь; вмѣсто этого, частью подкупомъ старшинъ, частью обѣщаніемъ вспоможенія, хорасанскій вали успѣлъ поселить большинство салоровъ у Зуръ-абада, съ тѣмъ, чтобы образовать вдоль Гери-руда кордонъ отъ набѣговъ сарыковъ и мервцевъ. Салоры заняли отъ Пуль-ихатунѣ до Зуръ-абада и далѣе на югъ по берегу рѣки всѣ мѣста, годныя для посѣвовъ. Небольшое количество домовъ, впрочемъ, осталось у Старого Серахса.

Отношенія салоровъ къ персамъ были самыя непріязненныя:

по тѣмъ же причинамъ, какъ и прежде, кочевники не любили горной мѣстности у Зуръ-абада; персы же построили здѣсь укрѣпленіе, поставили гарнизонъ и пушки и не стѣснялись притѣснять поселенцевъ.

Вслѣдствіе этого, тотчасъ по занятіи русскими войсками Коушутъ-калы (близъ Старого Серахса), къ салорамъ, жившимъ здѣсь, присоединились всѣ бывшіе у Зуръ-абада и въ настоящее время на правомъ берегу Гери-руда собралось около 3.000 кибитокъ этого племени.

Отношенія сарыковъ къ своимъ сосѣдямъ. Введенные сарыками на занятыхъ земляхъ порядки и способы хозяйства сохранились почти безъ измѣненія отъ начала поселенія до настоящаго времени. Напротивъ, сношенія сарыковъ съ ихъ сосѣдями, турменами другихъ племенъ, персами и афганцами существенно измѣнились въ послѣдніе годы, главнымъ образомъ въ зависимости отъ двухъ событий: взятія Гекъ-тепе (12 января 1881 года) и занятія Мерва (3 марта 1884 года).

Отношенія сарыковъ къ текинцамъ всегда были враждебны; борьба за обладаніе мервскимъ оазисомъ довела взаимную ненависть племенъ до высшей степени; и до сихъ поръ сарыки не могутъ примириться съ мыслью объ утратѣ плодородныхъ низовьевъ Муръгъ-аба. При проѣздѣ моемъ весною настоящаго года черезъ Пенде, многіе заявляли, что теперь, когда русскіе заняли Мервъ, было бы справедливо выгнать оттуда текинцевъ на прежде занимаемыя ими земли въ Атекъ и близъ Серахса, а Мервъ возвратитъ сарыкамъ.

Во время похода персовъ противъ Мерва въ 1860 году сарыки были на сторонѣ персовъ и затѣмъ до послѣдняго времени не прекращалась между обоими племенами самая ожесточенная борьба, конечно, выражавшаяся не какими либо военными дѣйствіями, а, по туркменскому обычаю, рядомъ разбоевъ: разбойники обоихъ племенъ шли особыми путями, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ и нападали только на безоружныхъ лицъ по границамъ оазисовъ, на стада и караваны. Мервцы на аламанъ ходили по дорогѣ къ Серахсу до Кель-хоуза или Ниязъ-абада, сворачивали на Адамъ-еланъ, Акъ-робатъ и Пенде. Сарыки обыкновенно держались рѣки Муръгъ-абъ.

Въ Кара-кумы они рѣдко заходили съвѣрѣе дороги изъ Бухары въ Мервъ и Серахсъ, хотя иногда и случались нападенія близъ Деръгъ-куи и Карры-бенда; по названной же дорогѣ появля-

ніе сарыковъ было дѣло весьма обыкновенное и составляло главное препятствіе развитію торговыхъ сношеній Бухары съ Мервомъ и Персією.

Въ виду всего этого свѣдѣнія о томъ, что сарыки Пенде помогали текинцамъ во время осады Гіскъ-тепе, едва ли справедливы; если сарыки и принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то вѣроятно это были жители Іоль-отана.

Эти послѣдніе были въ значительной зависимости отъ мервцевъ; даже занятіе ими сѣвернаго оазиса не могло произойти безъ согласія текинцевъ. До сихъ поръ многие въ Мервѣ съ презрѣніемъ говорятъ объ іоль-отанцахъ, указывая, что Іоль-отанъ, это пешкемъ, который Нуръ-верди-ханъ и Козшутъ-ханъ дали сарыкамъ. Поля сарыковъ были рядомъ съ полями мервцевъ; но при этомъ все же отношенія были весьма неопредѣленныя и возможныя только въ Азій: нѣкоторые жители ѣздили другъ къ другу, вели торговлю, другіе ходили туда же грабить лошадей, верблюдовъ и барановъ; конечно, это не могло оставаться въ тайнѣ и влекло за собою месть со стороны обиженныхъ и борьба продолжалась, но лишь скрытно. Относительно другихъ сосѣдей Іоль-отанъ и Пенде сохраняли постоянную связь: жители вмѣстѣ ѣздили на ерсарей, персовъ и афганцевъ. Связь Іоль-отана и Мерва лучше всего выражалась по занятіи этого послѣдняго русскими войсками: іоль-отанцы вполнѣ сознавали невозможность отдѣльнаго существованія и по выступленіи нашего отряда изъ Карры-бенда обратились къ мервскимъ старшинамъ, предлагая соединить судьбу обоихъ народовъ; когда же оазисъ былъ занятъ, то прямо просили о принятіи ихъ въ русское подданство.

Занятіе Мерва повліяло весьма существенно и на отношенія пендинцевъ къ мервцамъ; эти послѣдніе совершенно прекратили грабежи; пендинцы съ своей стороны сознаютъ, что нападеніе на русскихъ подданныхъ не останется безнаказаннымъ и въ настоящее время по Муръ-абу стало довольно спокойно.

Ерсари въ своихъ набѣгахъ доходили до Муръ-аба, откуда и угоняли стада сарыковъ; это причина почему на правомъ берегу не держали стадъ ни жители Пенде, ни Іоль-отана, ни даже туркмены, жившіе далѣе на востокъ.

Съ салорами сношенія сарыковъ были тѣ же, что съ мервцами и ерсарями.

Гдѣ бы ни жили сарыки, они всегда тревожили восточную часть Персіи; послѣ вытѣсненія ихъ въ пятидесятыхъ годахъ на

югъ, районъ грабежей ихъ перемѣнился и главнымъ образомъ стали страдать провинціи Джамъ, Бахаръзъ и Сеистанъ; нападать на сѣверныя части Хорасана они не рѣшались изъ страха встрѣчи съ мервцами. За эти грабежи персы мстили отдѣльными набѣгами, иногда весьма серьезными, какъ, напримѣръ, набѣгъ въ 1877 г. изъ Турбетъ-Шейхъ-и-Джама на оазисъ Пенде; при этомъ у сарыковъ было угнано до 100.000 овецъ (подробности можно найти въ статьѣ ген. Петрусовскаго. Записки Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О., книга XI. Вып. I, стр. 40 и 41).

Никогда однако персы не пробовали принять радикальныя мѣры для обузданія сарыковъ и утвердиться на правомъ берегу Гери-руда; даже и на лѣвомъ берегу этой рѣки между Дуулетъ-абадомъ и Кусаномъ ихъ власть была чисто номинальная. Генераль Петрусовичъ посѣтилъ эти мѣста въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. именно передъ самымъ покореніемъ Ахала, и весьма обстоятельно описалъ бывшее тогда положеніе дѣлъ въ этой части Персіи (тамъ же, стр. 91—93): „Въ треугольникѣ, образуемъ рѣкою Кешафъ-рудомъ, прямою линією отъ Мешхеда до границы съ Гератомъ (по ней идетъ дорога изъ Мешхеда въ Гератъ) и рѣкою Гери-рудомъ, отъ впаденія Кешафъ-руда до Гератской границы, было прежде, по рассказамъ сторожиковъ, громадное населеніе, въ одномъ только округѣ Писъ-и-кухъ-и-Джамъ (онъ заключается въ горной мѣстности, лежащей сѣверъ Гери-руда, вокругъ Зуръ-абада) считалось до 460 деревень, изъ которыхъ теперь не осталось и 20 деревень, да и тѣ держатся только благодаря близкому своему положенію къ Мешхеду; остальные же уничтожены нашествіями бухарцевъ и хивинцевъ и въ особенности послѣдовавшими за ними туркменскими набѣгами, не прекращающимися и до сихъ поръ.

„Весь треугольникъ, въ описанныхъ выше границахъ, я имѣлъ возможность объѣхать и убѣдился, что не только по Гери-руду не существуетъ населенія, но нѣтъ его и вблизи этой рѣки. По Кешафъ-руду крайнее поселеніе—это деревня Шадиче, отстоящая отъ Мешхеда въ 50 верстахъ. За нею далѣе на сѣверъ нѣтъ поселеній, хотя развалины прежнихъ деревень не мало; но для прикрытія жителей отъ внезапныхъ хищническихъ набѣговъ, у начала тѣсины Акъ-дербендъ, въ которую прорывается Кешафъ-рудъ, прошедши еще верстъ 40 отъ деревни Шадиче, стоитъ незначительное укрѣпленіе Акъ-дербендъ съ 14 человѣками караула изъ шамхалей и, верстахъ въ 20 не доходя до него, въ полуразрушенной оградѣ деревни Вагъ-и-баганъ стоитъ постъ изъ 4 человѣкъ шамхалей.

По прямой дорогѣ на югъ отъ деревни Шадиче, близъ мѣстности, носящей названіе Оленги-шахи, есть еще 6 деревушекъ: Сулеймани, Аррау, Джелаль-абадъ, Джизъ-абадъ, Кельмесанъ и Гейамей, имѣющихъ всѣ выстѣ до 100 дворовъ и населенныхъ племенемъ систани и мервали. Эти шесть деревень составляютъ совершенно особенное населеніе, отдѣленное отъ остальныхъ населеній Хорасана своимъ выдающимся положеніемъ, вслѣдствіе чего деревушки чаще другихъ подвергались нападеніямъ хищническихъ партій туркменъ. Это самое крайнее восточное поселеніе Хорасана, а на югъ отъ Мешхеда всѣ поселенія тянутся по дорогѣ, идущей къ Герату и восточнѣе этой дороги нѣтъ уже ни одного поселенія, такъ что, хотя персіяне и признають Гери-рудъ своею границею, но на ней нѣтъ у нихъ не только поселеній, но даже карауловъ или какихъ либо постовъ, за исключеніемъ большаго укрѣпленія Серахса и лежащаго выше его по теченію рѣки Гери-рудъ, въ 15 верстахъ, форта Даулетъ-абада, гдѣ должны бы находиться 20 человекъ шамхальчи, но въ дѣйствительности есть только 6 человекъ. Правда, говорятъ, что сертипъ Али-Мерданъ-ханъ-теймури обязанъ содержать конные разъѣзды по лѣвому берегу Гери-руда; но въ свою поѣздку по тѣмъ именно мѣстамъ, гдѣ должны были встрѣтиться разъѣзды, я не только не видавъ никого, но даже не замѣтилъ слѣвовъ разъѣздовъ, хотя во время поѣздки мы прошли мимо небольшой партіи текинцевъ, совершившей грабежъ на границѣ Герата и Хорасана, а послѣ насъ на Кешафъ-рудъ значительная партія напала на 30 человекъ шамхальчи, шедшихъ на смѣну шамхальчи, содержавшихъ караулъ въ форѣ Муздеранъ, лежащемъ на прямой дорогѣ отъ Мешхеда въ Серахсѣ.

„Такимъ образомъ, фактическая граница на востокъ проходитъ не по Гери-руду, а западнѣе его, именно отъ укрѣпленія Серахса на укрѣпленіе Даулетъ-абадъ, отсюда уклоняется немного на юго-западъ на брошенное укрѣпленіе Шурдже и затѣмъ на укрѣпленіе Акъ-дербендъ, а потомъ идетъ вверхъ по долинѣ Кешафъ-руда до деревни Шадиче, и отъ нея прямо на югъ на группу 6 поселковъ, близъ Оленги-шахи, откуда переходитъ къ верховьямъ рѣки Джама, въ селеніе Фери-мунъ, затѣмъ теченіемъ рѣки Джама до городка Турбетъ-и-шейхъ-и-Джамъ, а потомъ большою караванною дорогою на деревню Мухсинъ-абадъ и Кэзизъ, за которыми поселенія на восточной границѣ прекращаются на значительное разстояніе. Перечисленные пункты составляютъ фактическое право

владѣнія персіанъ, или границу распространенія поселеній Хорасана на востокъ“.

Извѣстно какой переворотъ въ поведеніи персидскихъ властей относительно туркменъ-теке совершило взятіе нашими войсками Гекъ-тепе; уже въ концѣ 1881 года было положено начало цѣлому ряду попытокъ захватить не принадлежавшія прежде Персіи мѣстности: въ Баба-дурмасъ начато возобновленіе разрушенной туркменской крѣпости, затѣмъ засѣяны поля на равнинахъ Атека, а на правомъ берегу Теджена возведено укрѣпленіе Рукнь-абадъ.

Но въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ сарыкскимъ поселеніямъ, персы не смѣли дѣйствовать такъ рѣшительно: это послѣднее племя не пострадало отъ взятія Гекъ-тепе и продолжало свою прежнюю дѣятельность. Еще въ началѣ 1882 года, въ Серахсѣ, персы мнѣ утверждали, что правый берегъ Гери-руда совершенно недоступенъ вслѣдствіе грабежей сарыковъ; но уже осенью того же года комендантъ Зуръ-абада передавалъ, что онъ посылаетъ разъѣзды отъ Зюлфагара въ Кэзизъ-Иліасъ; спрошенные же объ этомъ салари, жившіе въ этой же крѣпости, смѣялись надъ этимъ хвастовствомъ хана: „мы туда не ходимъ, говорили они, а персы никогда не осмѣлятся этого сдѣлать“. Расположенные въ Мохсинъ-абадѣ всадники также передавали, что разъѣзды ихъ ограничиваются лѣвымъ берегомъ рѣки.

Послѣ назначенія въ Серахсѣ комендантомъ Али-Мерданъ-хана персы начали дѣйствовать нѣсколько рѣшительнѣе и, пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ движеніемъ русскаго отряда къ Мерву, стали посылать разъѣзды и на правый берегъ рѣки. Разъѣзды эти, конечно, не составляли ничего правильнаго или постояннаго: персидскіе всадники пробирались тайкомъ, слѣдили за движеніями разбойниковъ и въ случаѣ приближенія ихъ предупреждали поселенія лѣваго берега, сами большею частью не вступая въ битву, такъ какъ составъ разъѣзда всегда очень незначительный; въ аламанахъ же напротивъ принимали обыкновенно участіе не менѣе 10 — 20 человекъ. Необходимо при этомъ сказать, что этими разъѣздами и ограничивается вся система защиты своихъ владѣній персами; никакихъ постовъ на правомъ берегу Гери-руда они не только не имѣютъ, но и имѣть не могутъ до полнаго умиротворенія края (т. е. до подчиненія Россіи пендинцевъ), безъ устройства укрѣпленныхъ пунктовъ для защиты отъ нападений сарыковъ и для храненія припасовъ, иначе небольшой постъ непременно будетъ истребленъ, или по крайней мѣрѣ ограбленъ кочевниками;

присутствіе русских въ Иоль-отанѣ не удерживаетъ пединцевъ отъ разбоевъ въ Сеистанѣ и Бахарѣ и весною этого года они еще происходили.

Разсказы о постахъ и т. п. — результатъ, главнымъ образомъ, хвастовства пограничныхъ персидскихъ властей и кромѣ того продуктъ недоразумѣнія, происходящаго отъ смѣшенія нашихъ понятій о постахъ, разбѣдахъ и караулахъ съ тѣмъ, что подъ этимъ именемъ понимается въ Азіи.

Что касается до отношеній жителей Южной Туркменіи къ властямъ Кабула и Герата, то занимавшее до сариковъ среднюю часть Муръгъ-аба сначала племя ерсари (отдѣленіе чоршанги) и вытѣснившіе ихъ затѣмъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ салоры не имѣли никакихъ сношеній съ афганскими властями; въ 1839 году Абботъ, проживавшій вдоль Кушка и Муръгъ-аба, по дорогѣ изъ Герата въ Хиву, передаетъ, что джемшиды не смѣли селиться ниже Каратепе; пасты же свои стада сюда ливали пастухи изъ Мерва; въ Кален-моръ начинались владѣнія харезмскаго хана¹⁾.

Послѣднія афганскія поселенія были Кусанъ и Бала-Муръгъ-абъ; близъ нѣкоторыхъ переваловъ черезъ горы Борхутъ въ настоящее время сохранились еще слѣды сторожевыхъ башенъ (Каруанъ-ашанъ), брошенныхъ афганцами во время безпорядковъ, сопровождавшихъ осаду персами Герата въ 1839 году; съ тѣхъ поръ эти башни не возобновлялись и не были нигдѣ заняты.

Афганцы никогда не вытѣснялись въ дѣла на Муръгъ-абъ. Хотя уже въ 1850 году Достъ-Магомедъ-ханъ окончательно покорилъ себѣ провинцію афганскаго Туркестана, но онъ не предъявлялъ никакихъ претензій на мѣстность восточнѣ Маймене. Она была подчинена Хивѣ, наравнѣ съ Мервомъ. Медемъ-ханъ хивинскій являлся сюда неоднократно съ своими войсками для борьбы съ возставшими противъ него туркменами, стоялъ подолго въ Пенде, ходилъ оттуда въ Серахъ и все это не возбуждало никакихъ претензій со стороны правителей Кабула или Герата²⁾.

Сарыки, поселившіеся въ Пенде, имѣли весьма значительныя стада; тревожное же состояніе края дѣлало большую часть паст-

¹⁾ Приложение II заключаетъ переводъ той части „Narrative of a journey from Herat to Khiva“ by Capt. James Abbot, которая касается дороги отъ Букхи и Муръгъ-абу и до положенія дѣль въ Юго-западной Туркменіи и Вадхитъ во время, предшествовавшее утвержденію Достъ-Магомедъ-хана въ Кабулѣ.

²⁾ Гератъ завоеванъ Достъ-Магомедъ-ханомъ въ 1863 году; это также годъ смерти хана.

бищъ недоступною для нихъ и потому новымъ поселенцамъ пришлось войти въ соглашеніе съ своими сосѣдями; борьба и оттѣсненіе джемшидовъ на югъ были невозможны вслѣдствіе поддержки, которую этому племени оказывало гератское правительство и сарыки стали гонять свои стада для пастбы за сѣверные склоны Паропамиза, уплачивая за это гератскимъ властямъ по 6 и даже по 8 тенге за каждые 100 барановъ. За земледѣліе и пользованіе водою, сарыки попрежнему никому ничего не платили, такъ какъ земли, занятыя ими, издавна считались туркменскими. Плата за пастбу стада была весьма непостоянная: когда власть эмира была прочна въ Афганистанѣ и особенно въ Чаръ-вилайетѣ и Гератѣ, сарыки аккуратно вносили слѣдующія съ нихъ деньги; но лишь только начинались какіе-либо безпорядки, сарыки тотчасъ же ими пользовались для того, чтобы отказаться отъ уплаты условленнаго; афганцы никогда не являлись за полученіемъ денегъ, а въ случаѣ сопротивленія сариковъ захватывали на пастбищахъ часть стада ихъ, которые и не отпускали до полученія требуемаго.

Въ то же самое время грабежи сариковъ въ Гератской долинѣ были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Не прочіе была связь сариковъ и съ Бухарою. Была значительная партія какъ въ Пенде, такъ и въ Иоль-отанѣ, которая признавала власть эмира бухарскаго; подчиненіе заключалось въ томъ, что сарыкскіе ханы ѣздили въ Бухару, получали подарки отъ эмира и въ случаѣ, если онъ лично терпѣлъ отъ разбоевъ племени, то старались вернуть пограбленное. Конечно, сарыки при этомъ не переставали грабить бухарскіе караваны, а ерсари сарыкскіе.

Таково было положеніе края въ моментъ взятія Гекъ-тепе и нѣкоторое время послѣ сего.

Только въ послѣднее время эмиръ Абдулъ-Рахманъ сталъ заявлять притязанія на владѣніе Пенде, а для поддержанія ихъ въ концѣ прошлаго года въ Бала-Муръгъ-абъ поставилъ 1.000 всадниковъ съ ихъ семействами изъ племенъ хазаре и джемшидовъ подъ начальствомъ афганскаго генерала (джернейлъ); жившіе же вдоль канала, выведеннаго отъ Бендъ-и-джоу-кара, сарыки были вытѣснены изъ своихъ поселеній и земли ихъ отданы водвореннымъ здѣсь племенамъ.

При джернейлѣ находится и специально назначенный сборщикъ податей, который теперь, опираясь на близость афганскихъ войскъ, является прямо въ Пенде за полученіемъ платы за пастбу скота

на склонах Паропамиза. Осенью прошлого года афганцы стали требовать съ сарыковъ еще новой подати, именно $\frac{1}{10}$ часть жатвы; только жители Меручака, ближайше къ занятымъ афганцами укрѣпленіямъ, согласились ее уплатить, такъ какъ въ случаѣ неисполненія требованія, джержней могъ уничтожить ихъ посѣвы. Въ остальныхъ поселеніяхъ новаго налога никто не признаетъ; вступить же для насильственныхъ дѣйствій въ самый оазисъ при имѣющихся количествахъ войскъ афганцы не смѣютъ.

Въ маѣ настоящаго года, пріѣзжавшіе въ Асхабадъ сарыки передавали, что въ Бала-Мургъ-абъ прибыли еще три фоджа (баталіона) афганскихъ войскъ, и что будто они приготовляются строить укрѣпленіе близъ Дашъ-Бѣпри; это послѣднее до настоящаго времени не подтвердилось.

Сарыки весьма враждебно относятся къ дѣйствіямъ афганцевъ, но сопротивляться имъ не могутъ; отношенія ихъ тѣ же, что были у жителей Атека къ ханамъ Келата и Дерезега: ихъ поля и стада всегда могутъ подвергнуться внезапнымъ набѣгамъ афганскихъ войскъ.

Сарыки теперь убѣдились, что подданство Афганистану не представляетъ выгоды. Правда, афганскія власти не препятствуютъ производить грабежи въ Персін и у ерсарей; но теперь это затрудняется сосѣдствомъ русскихъ и потому эта единственная приманка почти исчезаетъ, а затѣмъ произволъ начальниковъ, поборы и высокіе налоги заставляютъ сарыковъ желать сравненія своего положенія съ положеніемъ мервцевъ или ахальцевъ. Только самыя упорные разбойники не хотятъ забыть старое и надѣются, что подъ покровительствомъ афганцевъ оно еще можетъ продолжаться; такихъ людей мало и, конечно, въ случаѣ появленія русскихъ въ Пенде они будутъ встрѣчены въ высшей степени сочувственно громаднымъ большинствомъ населенія оазиса.

Приложение I.

Исслѣдованія мѣстности между рѣками Мургу-абомъ и Гери-рудомъ, выяснившія дѣйствительный характеръ ея и отсутствіе прежде предполагавашагося здѣсь хребта горъ высотой въ 20.000 футъ и слѣдовательно отсутствіе непреступной преграды для движенія въ Герату съ сѣвера обратило на себя гораздо болѣе вниманія въ Англіи, нежели у насъ въ Россіи.

Замѣтка о моей первой поѣздкѣ въ эту мѣстность, помѣщенная въ газетѣ „Голось“ (отъ 1 и 4 сент. 1882 г.) была переведена на англійскій языкъ и составила предметъ парламентской книги Central Asia № 1 (1883)¹⁾ и затѣмъ была доложена въ засѣданіи Лондонскаго Геогр. Общества (15/21 ноября 1882 г.). Докладъ состоялъ изъ названной замѣтки съ нѣкоторыми сокращеніями. Отноительно населенія Атека докладчикъ сдѣлалъ два замѣчанія, впрочемъ совершенно неосновательныя. Полковникъ Стюартъ въ запискахъ Лондонскаго же Геогр. Общества говорить: „Ханъ Дерезега, находя невозможнымъ существованіе курдскаго или тюркскаго населенія въ этихъ пограничныхъ деревняхъ, убѣдилъ текинцевъ и другихъ туркменъ занять ихъ“²⁾, что вполне согласно съ моими словами о составѣ населенія; но желая доказать присутствіе въ Атекѣ персовъ, докладчикъ говорить: „полк. Стюартъ передаетъ, что населеніе Атека состоитъ изъ курдовъ, персовъ и туркменъ“³⁾. Точно также неосновательно, что аліелинцы въ Кахка пришли изъ Афганистана; близъ Андока есть аліелинцы; но тѣ, которые населяютъ Кахка, пришли изъ Хивы, гдѣ и теперь еще есть туркмены этого племени. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ не только въ Атекѣ, но и въ Келатѣ и Дерезѣ и объ немъ заявляли англійскіе же путешественники⁴⁾, посѣщавшіе эти страны.

По окончаніи доклада, Sir Henry Rawlinson прочелъ по поводу его замѣтку, представляющую весьма много интереса, какъ по заключающимся въ ней географическимъ и историческимъ свѣдѣніямъ, такъ и по выясненію въ ней и въ послѣдовавшихъ преніяхъ взглядовъ нѣкоторыхъ изъ выдающихся англійскихъ государственныхъ людей на проведеніе русско-индійской желѣзной дороги.

Здѣсь приведемъ съ нѣкоторыми сокращеніями переводъ этой замѣтки:

„Г. Лессаръ, пополнивъ недостававшее звено въ начертаніи кратчайшей линии сообщенія Россіи съ Индією, разсѣялъ заблужденія, которыя до настоящаго времени затемняли дѣло, и далъ намъ впервые вѣрный очеркъ вида страны. Много и много разъ въ этомъ

¹⁾ Despatches from her Majesty's Ambassador at St Petersburg forwarding translations of the published reports of M. Lessar's journeys in Central Asia. (C. — 35 6).

²⁾ Proceedings. R. G. S. 1881, № 9.

³⁾ Тамъ же 1883 № 1.

⁴⁾ Extracts from a diary of a tour in Khorassan, by capt. Napier. Journal of the R. G. S. Vol XLVI p. 91.

Общества и в других собраниях слышал я о „непроходимых пустынях“, „недоступных горных хребтах“, воздвигнутых самою природою, как преграда приближению к Индии с севера и северо-запада. Еще не далее как в последней книге „The Nineteenth Century“ я читал следующие слова, принадлежащие перу одного из наших выдающихся политических писателей и сказанные им в опровержение мифа о возможности движения русских к Индии: „не трудно, столкнувшись с варварскими племенами, покорить и присоединить их; но совсем иное дело перейти высокой горный хребет для вторжения в цивилизованную страну“. Теперь же этот „высокий горный хребет“, на который оптимисты возлагали надежды для защиты Индии, обратился, по изследованию г. Лессара, в ряд ничтожных холмов песчаника, высотой не более 1000 футов; проложить по нем колесную дорогу — дело нескольких часов; не более трудностей представить он и для постройки железной дороги. Г. Лессарь, с точки зрения инженерной и географической, проследил линию наступления России, в прошлом и будущем, от Каспия к Асхабаду, от Асхабада к Серахсу и от Серахса к Герату и выяснил, что характер местности не представит затруднений к сооружению по первому требованию в несколько месяцев железной дороги от Каспия к столице западного Афганистана. Къ этому я прибавлю, что раз это будет выполнено, то достаточно одной недели для доставки товаров (а если товаров — то почему не войск и продовольствия?) из кавказских штаб-квартир в Герат.

„Теперь перейдем к подробному разбору путешествия г. Лессара. Онъ лишь вскользь касается первой части линии, описанной в его предыдущих докладах. О второй части — от Асхабада к Серахсу — приведено более подробностей и она представляет для нас весьма большой интерес. Из описания прежних путешественников и особенно из донесений маюра Нэпира, лично осмотрѣвшего значительную часть Атека, мы были уже довольно близко знакомы с общим характеромъ страны. Мы знали, что тянувшийся с запада на восток хребет, по подножию которого протекает дорога из Кизиль-Арвата к Асхабаду, пройдя Дерезе, постепенно уменьшается в высоту. Мы знали также, что скат хребта, обращенный к пустынь, называемый Атекъ (по тюрки — пола платя), былъ весьма не густо заселен туркменами, платившими зякеть или десятину пограничнымъ персидскимъ начальникамъ за право пользоваться для обработки своихъ полей водами,

вытекающими изъ вышеуказанныхъ горъ. Обсуждая (по поводу прочитанного в вечернемъ собраніи нашего общества, 27 марта 1882 г., сообщения г. О'Донована о Мервѣ) вѣроятность наступления России по этому пути, я предполагалъ, что принадлежность Атека Персії не подлежала спору и что поэтому постройка черезъ него русской железной дороги можетъ совершиться только по особому соглашению съ шахомъ. Изъ исторіи извѣстно, что рассматриваемые скаты горъ отъ Ахала до Серахса всегда составляли нераздѣльную часть Хорасанской провинціи. Нисса, Абивердъ и Меана, лежащие всѣ три въ Атекѣ, были главными городами провинцій наравнѣ съ Нишапуромъ и Тусомъ при всѣхъ персидскихъ династіяхъ до сравнительно недавняго времени; и хотя ахальцы в послѣднее время силою завладѣли западнымъ Атекомъ, на востокъ отъ Дерезе такого нарушения границъ не было и даже, насколько мнѣ извѣстно, никогда и не предполагалось. Вслѣдствіе этого я былъ не мало удивленъ, узнавъ, что г. Лессарь, безъ сомнѣнія на основаніи извѣстныхъ ему видовъ русскаго правительства, считаетъ вопросъ о національности Атека открытымъ и даже находить, что персидскіе горные владѣтели притѣсняютъ текинскихъ земледѣльцевъ, выѣшаваясь въ дѣло ирригаціи ихъ полей, а не туркмены захватываютъ персидскія земли и нарушаютъ персидскія права.

„По независимости отъ всякихъ соображеній по политическимъ вопросамъ, сообщеніе г. Лессара содержитъ много весьма цѣнныхъ данныхъ по статистикѣ и географіи. Его замѣчанія о нижнемъ теченіи Теджена подтверждаютъ предположеніе, много разъ высказанное мною, о томъ, что на сѣверъ отъ Серахса в древности существовало большое озеро, питаемое Тедженомъ, Муртъ-абомъ, персидскими рѣчками изъ Келата и Абиверда и въ особенности южнымъ рукавомъ Оксуса, тогда извѣстнымъ подъ именемъ *Aees* или *Ochus* (нынѣ *Ogoez*). Это озеро, подобно Сеистанскому, въ зависимости отъ притока изъ рѣкъ колебалось отъ обширнаго открытаго воднаго бассейна до незначительнаго поросшаго камышомъ болота, по моему мнѣнію, было извѣстно древнимъ какъ „*Aria Palus*“, изъ котораго былъ водный путь къ Каспію¹⁾. Когда южное

¹⁾ За „*Aria Palus*“ Птоломея до настоящаго времени принималось Сеистанское озеро; но необходимо обратить вниманіе, что рѣка *Areia* (или *Гера-рухъ*), вытекающая изъ Паропамиза, направляется къ озеру на сѣверъ и что Аммианъ прибавляетъ: „*Unde naviganti ad Caspium mare quingenta stadia numerantur et mille*“. Расстояніе къ Каспію былъ можетъ слишкомъ малое, но направленіе ясно указываетъ на текевскія болота.

течение Оксуса, главным образом питавшее Aria Palus, было обращено к северу, озеро конечно высохло, но встречаемая и нынче по Теджену болота и озера, в связи с твердой наносною почвою, находимой вездѣ на нѣсколько футовъ подъ песками—достаточно доказываютъ существованіе озера въ древности и конечно нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что въ не очень далекомъ будущемъ русское инженерное искусство можетъ возобновить колоссальныя ирригаціонныя работы, возбуждавшія удивленіе Геродота и давнія поводъ Плинію считать равнину у Абиверда, какъ „fertilissimae incolitae locus“¹⁾. Второе важное и при томъ совершенно новое свѣдѣніе, сообщаемое г. Лессаромъ, относится къ имени Аракаджъ, употребляемому персами для обозначенія страны, вѣсто тюркская названія Атекъ. Это дѣйствительное этимологическое открытіе, ибо Аракаджъ, отбрасывая *дж* (обыкновенное окончаніе древнихъ восточныхъ персидскихъ названій), обращается въ Арака или Арага, имя, близко подходящее къ Рагаи Исидора (въ связи съ Абивердомъ) и кромѣ того указываетъ, что Рага, названіе, и теперь употребляемое афганцами для обозначенія „подножія возвышенности“²⁾ имѣло то-же значеніе въ древне-персидскомъ языкѣ³⁾.

„Но особенное вниманіе обращалъ г. Лессаръ на третій участокъ предполагаемаго русскаго пути, именно отъ Серакса къ Герату и тутъ достоинство его изслѣдованій составляетъ не только точность данныхъ, но и совершенная повизна ихъ, ибо раніе сего ни одинъ европѣйскій путешественникъ не заѣзжалъ въ Бадхизъ и даже у арабскихъ географовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи большого торговаго пути въ этой мѣстности. Бадхизъ, занимающей всю страну между Мургу-абомъ и Гери-рудомъ до предѣловъ пустыни, всегда славился на Востокъ своимъ лѣснымъ характеромъ. Пехлевійскій Вундегешъ говоритъ: „онъ изобилуетъ лѣсами, изоби-

луетъ деревьями“ и географы называютъ между его произведеніями тополь, чинары и фисташковыя деревья; но это вѣроятно относится только къ восточной части провинціи, гдѣ она прикасается къ Багтору и Гарджистану, на верхнемъ Мургу-абѣ. Во время перваго нашествія арабовъ въ концѣ 7-го столѣтія по Р. Х., Бадхизъ былъ занятъ Хеатиле или Бѣлыми гуннами (Тохари прежнихъ временъ), которые происходили отъ Ниоунг-пи и были прародителями Ghuzor—Туркменовъ¹⁾. Здѣсь было два города Вапъ и Вапуи, лежавшіе вѣроятно на Кушѣ или на одномъ изъ меньшихъ притоковъ Мургу-аба, такъ какъ географъ Якутъ посѣтилъ ихъ по пути изъ Герата въ Мервъ; но всѣ слѣды ихъ, также какъ и городовъ Kulwin и Baghsur²⁾, взятыхъ Чингизъ-ханомъ, нынѣ исчезли.

„Я сказалъ, что никогда не было большой дороги черезъ Бадхизъ вдоль Гери-руда. Самые берега рѣки были непроходимы, а сѣверо-западная часть края въ сторонѣ отъ рѣки была весьма бѣдно снабжена водою. Дѣйствительно, описывая пограничную линію, ведущую изъ Серакса въ Балхъ черезъ Мургу-абъ, Гамдулла говоритъ, что на 4-хъ переходахъ (около 100 миль) не было проточной воды; роботы, сооруженныя вдоль дороги, снабжались колодцами и систернами³⁾. Путь черезъ Бадхизъ далѣе на востокъ, сое-

¹⁾ Главное доказательство непрерывности связи Ниоунг-пи съ туркменами есть сохраненіе одного и того же царскаго титула, употребляемаго этимъ тюркскимъ племенемъ при его различныхъ перемѣнахъ имени и мѣстъ жительства. Chen-gu или Ien-yu племена Ниоунг-пи, такъ всегда называется китайцами въ 1-мъ столѣтіи до Р. Х. Остатки этого племени, называемые китайцами Ту-ло-хо (т. е. Тохари), впоследствии занимали Тохаристанъ и начальники этой мѣстности, сражавшіеся съ арабами въ 119 г. по Р. Х., у Ионъ-Атира названы Ien-yueh (томъ V, стр. 148); наконецъ Biruni передаетъ, что въ это время точно такой же титулъ носилъ и начальникъ Ghuz—тюрковъ, которые, какъ извѣстно, тождественны съ нынѣшними туркменами. (Хронологія, стр. 109).

Якутъ утверждаетъ положительно, что Бадхизъ былъ Даръ-Алхъ-молкъ, или мѣстопребываніе правительства Хеатиле, пришедшихъ сюда изъ Тохаристана; и вѣроятно Вундегешъ говоритъ объ этомъ поселеніи тюрковъ на верхнемъ Мургу-абѣ, описывая Bakyr (или Bakserg по Денерону), нынѣшній Baghsur, какъ твердыню Афросіаба. См. Sacred Books of the East. Vol. V, p. 33.

²⁾ Вундегешъ говоритъ объ этой мѣстности: «во времена Yim міриадъ городовъ и селеній покрывалъ этотъ прекрасный и богатый край».

³⁾ Названія этихъ роботъ между Серахсомъ и Мургу-абомъ:

Робатъ Джафери	9 фарс.
Миль-и-Омари	7 "
Робатъ-и-Абу Манма	7 "
Дизъ Гинду или Казари	7 "

Мокаддаси даетъ ту-же дорогу съ небольшими измѣненіями.

¹⁾ Nat. Hist. VI. 16.

²⁾ Какъ видно изъ „Afghan papers“ p. 74 by Raverty.

³⁾ Открытіе, что Рага или Арага есть коренное древне-персидское названіе для „подножія возвышенности“, объясняетъ нѣкоторые весьма важные факты: во первыхъ значеніе имени древней Мидійской столицы Rhages (Arhagi Страбона p. 512), лежащей у подножія Эльбурса и Damghan, также происходящее отъ Дампан (по персидски пола платка). Также разъясняется Ragh въ Бадахшанѣ, лежащей у подножія горъ Дарвалъ, и быть можетъ Arghassan (вѣсто Arghastan) въ Афганистанѣ, и наконецъ позволяеть предполагать, что Рага Вендиада, 12-е вѣсто, созданное Ормуздомъ, тождественно съ Дампан или „сплати Сулеймановаго хребта“, въ виду сопоставленія этого имени въ Zendskomъ географическомъ спискѣ съ Верене или Ваппи (Falani китайцевъ) и съ „Семью рѣками“ или Punjab.

длинавший Мерв и Герать, и слѣдовавший по притокамъ Мургаба, былъ гораздо богаче водою"...

Описавъ кратчайшій путь г. Лессара отъ Серахса къ Кусану, сэръ Роулинсонъ прибавляетъ:

„Здѣсь будетъ уместно сказать нѣсколько словъ о территоріальной зависимости Вадхиза. Хотя вся страна отъ Кусана на сѣверъ до самой туркменской пустыни въ настоящее время никѣмъ не населена вслѣдствіе набѣговъ текинцевъ и сарыковъ, не прерывавшихся въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ, по несмотря на это, не можетъ быть сомнѣнія, что весь Вадхизъ есть афганская территорія. Границу Персіи составляетъ Гери-рудъ. Туркмены не предъявляютъ претензій ни на какія земли внѣ предѣловъ пустыни. Слѣдовательно путь г. Лессара изъ Серахса въ Кусанъ и тѣмъ болѣе до Горіана, шель исключительно по афганскимъ землямъ, и если-бы по этому направленію была построена желѣзная дорога, то она была-бы на всемъ протяженіи подчинена юрисдикціи гератскаго правителя, кромѣ случая, когда слѣдовало бы какое-либо особое соглашеніе о противномъ.

„Когда г. Лессаръ прибылъ въ Кусанъ, безъ сомнѣнія, главная цѣль его путешествія была достигнута; но, какъ кажется, онъ имѣлъ еще порученіе осмотрѣть западный или персидскій берегъ Гери-руда и для этой цѣли направился въ Мешхедъ черезъ Хафъ и Турбетъ-и-Гейдари. Этотъ путь, также какъ и обратный отъ Мешхеда до Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джама, уже постигли и описали весьма многіе путешественники и отчетъ г. Лессара здѣсь не содержитъ новыхъ свѣдѣній; но между Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамомъ и Гери-рудомъ пройдено снова ранѣе неизслѣдованное мѣсто. Г. Лессаръ осматривалъ теченіе рѣки отъ Кафиръ-кале и Пешъ-робата на югъ до Зуръ-абада или Пуль-и-хатунъ, гдѣ выдаетъ Мешхедская рѣка, на сѣверѣ, пробирался черезъ горы по тропинкамъ, и пришелъ къ убѣжденію въ невозможности построить отъ Кусана къ Пуль-и-хатуну прямую колесную дорогу вдоль рѣки, или гдѣ-либо близъ ея; для избѣжанія тѣснинъ необходимо или отклониться на востокъ отъ рѣки и идти по Вадхизу или еще болѣе удлинить путь, пройдя на западъ черезъ Кэризъ, Шейхъ-и-Джамъ, Ленкэръ и Зуръ-абадъ. Въ виду этого г. Лессаръ считаетъ направленіе изъ Серахса черезъ перевалъ Борхутъ¹⁾ въ Кусанъ, какъ естественное и единственно возможное для проложенія желѣзной дороги вдоль Атека

отъ русской границы у Баба-Дурмаза черезъ Серахсъ въ Герать. По поводу вопроса объ этой желѣзной дорогѣ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, пользуясь недавнимъ рѣшеніемъ нашего предсѣдателя, заявившаго, что если желательно, чтобы въ засѣданіяхъ общества пренія не обращались въ споры партій, то напротивъ, нѣтъ никакихъ причинъ избѣгать политическихъ замѣчаній и разсужденій болѣе общаго характера.

„Никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на востокъ отъ Каспія въ послѣдніе 20 лѣтъ принесли громадную пользу краю; дѣйствительно, замѣна въ значительной части Азии власти киргизовъ, узбековъ и туркменъ русскою властью есть несомнѣнное благо. Отвратительный торгъ невольниками, со всѣми сопутствующими ужасами, уничтоженъ; разбои прекращены и магометанскій фанатизмъ и жестокость ослаблены и сдержаны. Торговля стала болѣе безопасною; мѣстное искусство и промышленность поощряются и на нужды населенія обращается болѣе вниманія, нежели это дѣлалось при азіатскихъ правителяхъ. Но какъ ни увлекательна подобная картина, я все же никоимъ образомъ не могу признать, что желательно распространеніе сферы благотѣльного русскаго вліянія по направленію къ Индіи и что наша обязанность для довершенія сего соучаствовать и способствовать сооруженію проектируемой г. Лессаромъ желѣзной дороги въ Герать. Понятно, что дѣло идетъ объ обсужденіи вопроса въ принципѣ; практически это было-бы преждевременно, такъ какъ мы слишкомъ еще отдалены отъ выполненія проекта.

„Уже найти деньги на подобное предпріятіе будетъ дѣломъ первостепенной трудности; затѣмъ конечно возникнуть усложненія съ Персією и Афганистаномъ, если серьезно будетъ поднятъ вопросъ о проведеніи иностранной желѣзной дороги черезъ ихъ земли; наконецъ, придется имѣть дѣло съ формальнымъ сопротивленіемъ Великобританіи; ибо къ какой партіи ни принадлежало бы въ то время правительство, я не могу допустить, чтобы при настоящемъ положеніи нашемъ на Востокъ націю можно побудить смотрѣть равнодушно, а тѣмъ болѣе сочувственно на мѣропріятіе, при успѣхѣхъ котораго будетъ подорванъ нашъ престижъ во всей Средней Азии и исчезнетъ увѣренность въ спокойствіи и безопасности въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, столь необходимая для благосостоянія Индіи, зависящаго отъ мирнаго развитія промышленныхъ и производительныхъ силъ страны.

„Весьма возможно, что если бы Индія была соединена съ Евро-

¹⁾ Горы называются Борхутъ; перевалъ Хомбоу. (Прим. переводчика).

пою непрерывно желѣзною дорогою, хотя бы пролетающею по русской территории, все же Великобританія, какъ наибольшій производитель странъ въ мірѣ, рано или поздно досталась бы львиная доля торговли, какъ это уже произошло на Суэзскомъ каналѣ. Но и при такомъ результатѣ все еще останется открытымъ вопросъ не будетъ ли простое облегченіе перевозки товаровъ и пассажировъ куплено слишкомъ дорогою цѣною политическихъ невыгодъ. Не надо забывать, что при этихъ обстоятельствахъ мы потеряемъ наше прославленное преимущество не имѣть границы и будемъ принуждены держать Индію въ постоянной готовности къ войнѣ. Условия владѣнія страной совершенно измѣнятся, нельзя сказать, что непременно въ конечномъ результатѣ невыгодно для насъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія эти хотя временно будутъ сопряжены съ неизвѣстностью и отвѣтственностью, которыхъ, понятно, никакое правительство не приметъ на себя охотно*.

Поэтому, признавая прекрасную роль, которую Россія до сихъ поръ играла и которую ей вѣроятно суждено играть и въ будущемъ въ дѣлѣ цивилизаціи Азіи, я все же съ большимъ удовольствіемъ вспоминая политическій принципъ, который это государство столь часто признавало и, я думаю, признаетъ и въ настоящее время, что Афганистанъ (включая, конечно, и Вадхизъ) внѣ сферы его вліянія и дѣйствій; и въ заключеніе, что касается до изслѣдованій г. Лессара, позволю себѣ выразить увѣренность, что его проектъ проведенія желѣзной дороги изъ Асхабада черезъ Серахсъ въ Гератъ не осуществится, по крайней мѣрѣ ранѣе того, какъ мы построимъ желѣзную дорогу къ тому же пункту отъ Сиби черезъ Кветту и Кандагаръ*.

Въ послѣдовавшихъ преніяхъ сэръ Бартль-Фреръ заявилъ: при обсужденіи этого вопроса, будь то русскими или англичанами, всегда разсматривалось время когда желѣзнодорожные изслѣдователи обѣихъ націй встрѣтятся гдѣ-либо близъ предполагаемой великой цѣпи горъ, которая, какъ сообщилъ сэръ Генри, нынѣ оказывается не выше 900 фут. Русскіе неустанно ведутъ свои изслѣдованія по направленію къ Герату; что же дѣлаетъ Англія? Съ тѣхъ поръ, какъ сэръ Ричардъ Темплъ довелъ свою желѣзную дорогу до окрестностей Боланскаго прохода, что совершенно Англію въ этомъ дѣлѣ? Казалось бы, что отряхнувшись, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые оптимисты, отъ всякаго опасенія наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи, или просто въ видахъ развитія торговли, англичанамъ слѣдовало бы продолжать свои желѣзнодорожные изслѣдова-

нія на встрѣчу русскимъ, и вѣроятно чѣмъ скорѣе англійскіе желѣзнодорожные инженеры встрѣтятся съ русскими, тѣмъ позже наступитъ день, когда произойдетъ столкновеніе военныхъ инженеровъ обѣихъ націй.

Сэръ Генри Норманъ сказалъ, что онъ не раздѣляетъ опасеній гг. Роулинсона и Бартль-Фрера относительно приближенія Россіи. Онъ вовсе не желаетъ идти впередъ, чтобы встрѣтить русскихъ въ неизвѣстномъ пунктѣ и, какъ военный, предпочитаетъ держать съ надежной базы. Онъ совершенно увѣдѣнъ, что столкновеніе не произойдетъ въ его время. Онъ предпочелъ бы, чтобы оно случилось въ пунктѣ, гдѣ Англія можетъ воспользоваться всѣми громадными средствами Индіи, а не двигаться къ Серахсу или Герату, 600 миль отъ границы, строя желѣзныя дороги, которыя будутъ стоить громадныхъ денегъ и не приносить дохода. Не слѣдуетъ этого дѣлать для отстраненія воображаемой опасности, съ которою, когда придетъ время, наши наслѣдники по управленію Индію будутъ всегда въ состояніи справиться.

Сэръ Ричардъ Темплъ сказалъ, что хотя необходимо признать, что Россія совершаетъ великое дѣло, но не слѣдуетъ забывать, что народы, также какъ и отдѣльныя лица, дѣйствуютъ на основаніи смѣшанныхъ мотивовъ. Объ этомъ не стоило бы упоминать, если бы многіе изъ его соотечественниковъ, въ увлеченіи заслугами Россіи передъ человѣчествомъ, не забывали о политическихъ опасностяхъ, грозящихъ ихъ собственной странѣ. Онъ слишкомъ довѣряетъ англійской администраціи и англійскому вліянію, чтобы не признавать, что все, что способно серьезно уменьшить англійскій престижъ или власть Англіи въ Азіи, не можетъ быть полезно для человѣчества. Онъ вполне признаетъ, что ужасы захватыванія рабовъ туркменами на персидской границѣ именно таковы, какъ описываетъ сэръ Роулинсонъ, и сожалѣетъ, что Англія не приняла участія въ поддержаніи свободы въ этой мѣстности; конечно, если никто другой не могъ сдѣлать этого дѣла, надобно радоваться, что оно исполнено Россією. Но разъ оно совершено, Россія, на основаніи соглашеній и государственной переписки, имѣющей значеніе международныхъ договоровъ, была обязана остановиться на границѣ Афганистана. Въ этой послѣдней странѣ не было тѣхъ ужасовъ, какъ на туркменско-персидской границѣ. Афганцы не увозились въ рабство (?) и всегда могли сами заботиться о себѣ и слѣдовательно Россія не имѣла права пересгунуть границу. Онъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что сказалъ сэръ Роулинсонъ. Постройка желѣз-

ныхъ дорогъ въ Афганистанѣ сопряжена съ большими затрудненіями; первое будетъ заключаться въ международныхъ договорахъ. Далеѣ есть большія физическія трудности, ибо хотя Паропамизскія горы съ русскаго конца линіи очень низки, напротивъ горы Белуджистана на англійскомъ концѣ ея весьма трудно проходимы; хотя послѣднія изслѣдованія и выяснили возможность сооруженія здѣсь желѣзной дороги, но они же выяснили и фактъ, что это будетъ очень дорого стоить.

Президентъ (Lord Aberdare) замѣтилъ, что сообщеніе г. Лесара было прочитано не въ виду его политическаго значенія, а вслѣдствіе заключающихся въ немъ интересныхъ географическихъ свѣдѣній о мѣстности между Кундомъ и Гери-рудомъ. Въ качествѣ предсѣдателя географическаго общества онъ долженъ держаться космополитическихъ воззрѣній. Здѣсь было заявлено, что возбуждая сопротивленіе со стороны Персін и Афганистана, можно помѣшать постройкѣ дороги къ Герату. Есть обстоятельство, когда мы должны стать выше національныхъ взглядовъ, принять во вниманіе общіе интересы человѣчества, и спросить себя, можно ли поддерживать варварское состояніе этихъ странъ, населенныхъ однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ племенъ земнаго шара, лишь для того чтобы отвратить могущую послѣдовать опасность для Британской имперіи. Какъ президентъ общества, какъ англичанинъ, и какъ человѣкъ, онъ громко протестуетъ противъ такого взгляда, который, по его мнѣнію, противорѣчитъ истиннымъ принципамъ гуманности. Обязанность президента общества не допускать пренія принять слишкомъ политическій характеръ, но съ другой стороны также мало желательно совершенно исключить политическія соображенія, имѣющія столь большое значеніе въ географіи, какъ и соображенія о торговомъ значеніи новѣйшихъ открытій или объ этнографическихъ фактахъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы эти соображенія были въ строгомъ подчиненіи требованіямъ географической науки.

Примѣчанія переводчика:

1) Споръ о принадлежности Атека Персін или туркменамъ въ настоящее время представляетъ только историческій интересъ. О составѣ населенія этой области было сказано выше. Правда, Нисса, Абивердъ и Меана когда-то принадлежали Персін; но ей же принадлежало и много другихъ областей, между прочимъ, Надиръ-шахъ владѣлъ всѣмъ Афганистаномъ и

частью Индіи. Теперь же, когда Персія изъ сильнаго и великаго государства обратилась въ слабое, могущее поддерживать порядокъ даже въ своихъ коренныхъ областяхъ, лишь благодаря своимъ сосѣдямъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что она утратила часть удаленныхъ отъ центра окраинъ. Историческія права только тогда не бываютъ неосновательными притязаніями, когда представляющее ихъ государство можетъ нести и сопряженныя со владѣніемъ обязанности; персидское же правительство уже давно доказало свою полную неспособность совладать съ подчинявшимися ему по временамъ туркменами, и потому, когда настало время кончить съ господствовавшимъ въ краѣ анархіею, то пришлось руководствоваться не воспоминаніями прошлаго, а географическими и этнографическими условіями и присказать такое рѣшеніе вопроса, которое бы гарантировало прочность вводимого порядка. До настоящаго времени это достигалось однимъ только способомъ, именно — подчиненіемъ земель, занятыхъ туркменами, Россіи.

2) Выше уже упомянуто, что Бадахызъ не есть страна между Мургабомъ и Гери-рудомъ, а лишь треугольникъ между рѣками Кашъ и Кунутъ. Это, впрочемъ, видно и изъ приводимаго самимъ Роулинсономъ описанія этой страны и изъ картъ индѣйскаго штаба (Turkestan by Walker, fifth edition). Абботъ, описывая переѣздъ изъ Чеченъ-и-бида въ Кален-моръ, говоритъ: «теперь мы вышли изъ области, называемой Бадахызъ... Далеѣ страна называется Мауръ... и тутъ начинается государство Харазмъ» (См. приложение II).

Приложение II.

Переводъ извлеченія изъ „Narrative of a journey from Herat to Khiva“ by capt. James Abbot. Свѣдѣнія касающіяся юго-западной Туркменіи и Бадахыза. (Капитанъ Абботъ былъ посланъ въ 1839 г. англійскимъ агентомъ d'Arcy Todd въ Хиву для переговоровъ съ Алла-кули-ханомъ по поводу ожидавшагося наступленія генерала Перовскаго).

„24-го декабря 1839 г. и выѣхалъ изъ Герата въ Хиву и послѣ многихъ остановокъ, вызванныхъ паденіемъ вьюковъ, достигъ Парвана, лежащаго въ возвышенной долинѣ, на разстояніи 11-ти миль отъ Герата. Дорога идетъ среди холмовъ незначительной высоты, поднимаясь все время къ Парвану. Это поселеніе постоянно опустошается набѣгами джемшидовъ — народа тюркскаго происхожденія, но платящаго дань Герату. Эти люди, поощряемые потворствомъ визиря Яр-Магоммедъ-хана, постоянно захватываютъ несчастныхъ гератскихъ подданныхъ для продажи ихъ туркменамъ. Здѣсь много кѣризовъ и кое-гдѣ обработанные поля. Населеніе — таджики; они приняли меня очень гостепріимно. Кругомъ поселенія холмы и возвышенныя равнины, покрытыя полянью, служа-

щего кормомъ дикимъ антилопамъ. Гробницы 5 святыхъ, основавшихъ поселение, видны вблизи. Обойдя болѣе прямые и трудные перевалы горнаго хребта Кайту, мы переправились черезъ него безпрепятственно; по дорогѣ нѣтъ ни жилищъ, ни кибитокъ, кромѣ 2-хъ разрушенныхъ робатовъ въ долинѣ; пройдя нѣсколько зеленѣющихъ возвышенностей, мы остановились на ночлегъ близъ углубленія, въ которомъ нашли немного воды. Мы шли по дорогѣ къ Кушкѣ, главному городу джемшидовъ, какъ совѣтовалъ Яр-Магомедъ-ханъ подъ предлогомъ, что начальникъ этого племени увеличить мое прикрытіе еще на 10 всадниковъ. Кушкѣ на 2 перехода въ сторонѣ отъ большой дороги, но все же я рѣшилъ постѣить его, такъ какъ мнѣ приходилось пробѣжать черезъ земли его начальника, который, конечно, знаетъ о моемъ пробѣдѣ, и было важно расположить его къ себѣ всякою вѣжливостью, которая была въ моей власти.

„27 октября.—Ночью небо покрылось облаками. Вся цѣль Кайту была покрыта снѣгомъ отъ вершины до подножія; велика была наша радость, что мы уже перешли эту преграду, гдѣ ежегодно много людей погибаютъ въ снѣгу. Чрезвычайно трудная тропинка, идущая по крутымъ холмамъ, покрытымъ травой, привела насъ къ ручью Кушкѣ, вдоль котораго мы подошли къ поселенію того же имени. Здѣсь долина интересная и живописная. Низкіе холмы, окаймляющие ее, совершенно обнажены, или же покрыты только травой. Деревьевъ нигдѣ нѣтъ. Но видъ черныхъ кибитокъ джемшидовъ, видъ живыхъ существъ представлялъ яркій и пріятный контрастъ съ дикостью только-что пройденной мѣстности. Черныя кибитки, въ которыхъ живутъ джемиды, сдѣланы изъ толстыхъ войлоковъ, покрывающихъ легкій, переносной, деревянный остовъ. Кибитки круглой формы; черныя цвѣтъ происходятъ отъ дыма костровъ, разводимыхъ внутри ихъ, а иногда отъ цвѣта шерсти. Впрочемъ, въ Кушкѣ есть нѣсколько глиняныхъ мазанокъ и укрѣпленіе, похожее на разрушенный глиняный заборъ. Джемшидовъ, по ихъ собственному счету, 15 тыс. семействъ или 75.000 душъ, но эта цифра вѣроятно преувеличена, ибо, пробѣжавъ около 50 миль по ихъ странѣ, я почти нигдѣ не видѣлъ живой души.

„Во время послѣдней осады Герата, Магомедъ-Земинъ-ханъ, начальникъ джемшидовъ, держалъ себя очень не хорошо. Въ это печальное время гератцы напрасно ждали помощи отъ этого дикаго племени, которое, содѣйствуя осажденнымъ, могло нанести

персамъ много вреда. Пока джемшиды, казалось, колебались, персы появились у нихъ въ странѣ. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь благоприятною мѣстностью, безпокоить или уничтожить персовъ, джемшиды удалились безъ сопротивленія въ Меручакъ и оставили въ распоряженіе нападающихъ всю свою страну и значительное количество зерна, зарытаго въ землю. Джемшиды тюркскаго происхожденія, какъ это и видно по ихъ наружности и образу жизни. Они низкаго роста, очень смуглые, черты лица рѣзко татарскія. Гдѣ есть удобный грунтъ и вода, они занимаются земледѣліемъ, но ихъ богатство заключается въ стадахъ овецъ и табунахъ лошадей турменской породы, обыкновенно получаемыхъ въ обмѣнъ на невольниковъ, добываемыхъ изъ Гератской провинціи. Джемшиды извѣстные трусы и, подобно всѣмъ татарскимъ племенамъ, питаютъ къ артиллеріи суевѣрный страхъ.

„Долина рѣчки Кушкѣ имѣетъ въ среднемъ около $1\frac{1}{2}$ мили ширины и ограничена съ обѣихъ сторонъ пологими, зеленѣющими скатами, на которыхъ паслись стада овецъ и козъ. У подножія низкихъ обрывовъ и холмовъ было разбросано значительное число кибитокъ джемшидовъ, а на равнинѣ паслись сотни лошадей. Долина очень плодородна и когда-то была хорошо обработана. На ночлегъ мы остановились у оба (селеніе) и на слѣдующее утро продолжали спускаться по долинѣ рѣки; видъ мѣстности былъ такой-же, какъ и наканунѣ. Мнѣ указали нѣсколько глиняныхъ жилищъ близъ лѣваго края долины, гдѣ когда-то жили 40 узбекскихъ дѣвъ; тутъ же у подножія холмовъ алтарь (или гробница), къ которому онѣ прибѣгли, будучи захвачены войсками какого-то соседняго племени. Въ этомъ критическомъ положеніи дѣвы просили смерти и были мгновенно похищены, но людьми или духами—это не выяснено. Мѣсто называется Чиль-духтеръ, что значитъ „40 дѣвъ“. Очевидно (какъ преданіе такъ и названіе персидскія).

„Кара-тепе (Черный бутуръ) теперь былъ въ виду; это искусственный холмъ, около 150 футовъ высотой; на вершинѣ остатки укрѣпленія; онъ расположенъ въ широкомъ изгибѣ долины, надъ которымъ господствуютъ съ запада возвышенные холмы.

„Близъ укрѣпленія было разбросано много кибитокъ и стояли караваны, шедшіе изъ Мерва съ хлѣбомъ для Кушкѣ.

„Ниже Кара-тепе кибитки уже рѣдки, но еще часто встрѣчаются большія стада овецъ. Въ эту богатую долину приходятъ пастухи даже изъ Мерва. Жители Кара-тепе не признаютъ власти настоя-

чаго правителя Кушка и далѣ этой границы подчиняющіеся ему джемшиды не смѣютъ селиться. Къ вечеру мы пришли къ мѣсту, удобному для расположенія лагеря; около двухъ миль выше Чемеи-и-бидъ. Вблизи стояло стадо около 1.000 овецъ, подъ при-
смотромъ трехъ пастуховъ.

„Выступивъ отсюда на разсвѣтъ, мы снова шли по Кушку. Мѣстность оставалась такою же, какъ и прежде; но поселеній уже не было. Большія стада бѣлыхъ овецъ все еще видѣлись на холмахъ, но холмы эти становились болѣе безплодными и песчаными по мѣрѣ того, какъ мы подвигались. Укрѣпленіе Чемеи-и-бидъ разрушено и никѣмъ не занято. Нѣсколько миль далѣе лежатъ развалины другого укрѣпленія, называемаго Хоуъ-и-ханъ или „истерна хава“. На равнинѣ близъ этихъ развалинъ, нѣсколько хлѣбъ тому назадъ, произошла битва между главою джемшидовъ Дервишъ-ханомъ и хазаре въ союзѣ съ Маммедъ-земинъ-ханомъ. Дервишъ-ханъ былъ убитъ и власть перешла къ Маммедъ-земинъ-хану: это источникъ кровной вражды между послѣднимъ и дѣтьми перваго. Мирза увѣрилъ меня, что въ Кушкѣ онъ видѣлъ въ домѣ хана не менѣе 20 туркменъ, прѣбывавшихъ для покупки рабовъ, захватываемыхъ въ Гератѣ джемшидами. Гератская долина, уже лишившаяся почти всего населенія во время персидскаго нашествія, такимъ образомъ совершенно не въ состояніи поправиться.

„Потворство джемшидамъ Яр-Магоммедъ-хана, визиря гератскаго, объясняется слѣдующими обстоятельствами. Еще до персидскаго нашествія визирь былъ полновластнымъ правителемъ; не прошло бы одного, двухъ мѣсяцевъ онъ, конечно, низложилъ бы Шахъ-Камира и занялъ бы его мѣсто. Эти намѣренія были только приостановлены обстоятельствами и Яр-Магоммедъ-ханъ, родственники котораго занимаютъ всѣ высшіе посты въ государствѣ, опасается сопротивленія только со стороны коченниковъ. Онъ ихъ старается расположить къ себѣ всеми средствами, хотя-бы вредными для государства, и всевозможною щедростію. Рѣдкое оружіе и другіе дорогіе предметы, попадающіеся ему въ руки, онъ даритъ начальникамъ племени и знаетъ, что значительная часть ихъ богатства происходитъ отъ торговли рабами, онъ смотритъ на это сквозь пальцы, хотя и сознаетъ происходящій отъ этого вредъ.

„Теперь мы выѣхали изъ области, называемой Бадхызъ или „страна вѣтра“; имя произносится Бахызъ и въ странѣ, гдѣ сохра-

нилось столько преданій объ Александрѣ Великомъ, первое побужденіе произвести это названіе отъ греческаго бога Бахусъ или Бахызъ индѣйцевъ. Далѣе мѣстность называется Мауръ и здѣсь лежатъ развалины укрѣпленія Кале-и-моръ; въ настоящее время сохранилась лишь одна комнатка, гдѣ можетъ пріютиться путешественникъ. Большой кѣриъ, посреди долины, свидѣтельствуетъ о высокой степени ея обработки въ прежнія времена и заставляетъ думать, что тогда воды рѣчки расходовались на орошеніе выше, а не доходили до Кале-и-моръ; пылъ долина никѣмъ не занята. Мы встрѣтили не менѣе 6 или 7 каравановъ съ зерномъ изъ Мерва. У этой укрѣпленія начинается *исударство Харезма*... Далѣе дорога идетъ по Кушку до слиянія его съ Муртъ-абомъ или Абъ-и-моръ. По этой послѣдней рѣкѣ мы дошли до самаго большаго селенія Пянджъ-дехъ, пройдя мимо брошенныхъ виноградниковъ и полей, когда-то населеннаго и обработаннаго края. Въ поселеніи около 200 киботокъ туркменъ-юмудовъ (Yuhmoot Turkmens) были расположены въ видѣ двухъ пустыхъ квадратовъ. Мы были окружены толпою любознательныхъ; черты лицъ ихъ рѣзко татарскія; впрочемъ, не всѣ безобразные.

„1-го января 1840 года. Путь мой лежалъ по лѣвому берегу рѣки, и я переправился по мосту черезъ сухое русло Кушка, близъ впаденія его въ Муртъ-абъ, который здѣсь имѣетъ ширину около 60 футъ и течетъ въ руслѣ глубиною 30 футъ, вырытомъ въ глинистомъ грунтѣ долины. Берега обрывистые, окаймленные гребенчикомъ и камышами. Долина, шириною у Пянджъ-дехъ около 9 миль, суживается далѣе на сѣверъ до трехъ четвертей мили. Восточный берегъ ограниченъ пологими песчаными холмами, возвышающимися около 600 футъ надъ долиною. На западъ отъ рѣки лежитъ пустыня — возвышенная, песчаная равнина, поросшая низкими кустарникомъ и колючкою, и простиравшаяся до возвышенностей персидскихъ предѣловъ. Долина Муртъ-аба была прежде хорошо обработана, но въ настоящее время отъ Пянджъ-дехъ до Иоль-отана она ни кѣмъ не занята, вслѣдствіе тревожнаго состоянія края и только отъ времени до времени видны здѣсь развалины. Караваны, съ грузомъ пшеницы и ячменя изъ Мерва, встрѣчались каждыя двѣ три мили. Обрато везутъ, главнымъ образомъ, рабовъ обою пола, преимущественно изъ Герата.

„Приближаясь къ Иоль-отану, видны слѣды недавнихъ посявовъ, затѣмъ глиняныя стѣны, между которыми расположены киботки; дорога постоянно пересѣкаетъ арыки; поселенія (оба) встрѣчаются

таще. Самая долина, постепенно упираясь въ обѣ стороны, обращается въ обширную равнину, ограниченную песками. Двигаясь по ней, мы прибыли къ полудню, близъ укрѣпленія Мервъ, къ мѣсту пребыванія правителя оазиса—узбека Магомметъ-Эминъ-бека, родственника хивинскаго хана⁴.

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ЗАСЛУГАХЪ ГРАФА А. С. УВАРОВА.

(Читано въ годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 9-го января 1885 года).

Мн. гг.! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ русскомъ ученомъ, въ концѣ котораго отечественная наука понесла на дняхъ горестную утрату. Я разумно спонсавшаго 29-го декабря минувшаго года предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Графъ Уваровъ былъ по преимуществу археологъ; но онъ понималъ изученіе древностей въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ изученіе всей прошлой жизни человѣчества: тѣмъ самымъ онъ во многихъ отношеніяхъ соприкасался своими учеными интересами съ кругомъ занятій нашего Общества, въ которомъ и былъ однимъ изъ старѣйшихъ по времени избранія (1848 г.) действительныхъ членовъ. Притомъ же, какъ своими собственными трудами, такъ и счастливымъ даромъ инициативы, онъ оказалъ столь крупныя услуги русской наукѣ и распространенію знаний въ нашемъ отечествѣ, что помянуть съ благодарностью его дѣятельность теперь, у свѣжей еще могилы, должно быть для насъ нравственною обязанностью.

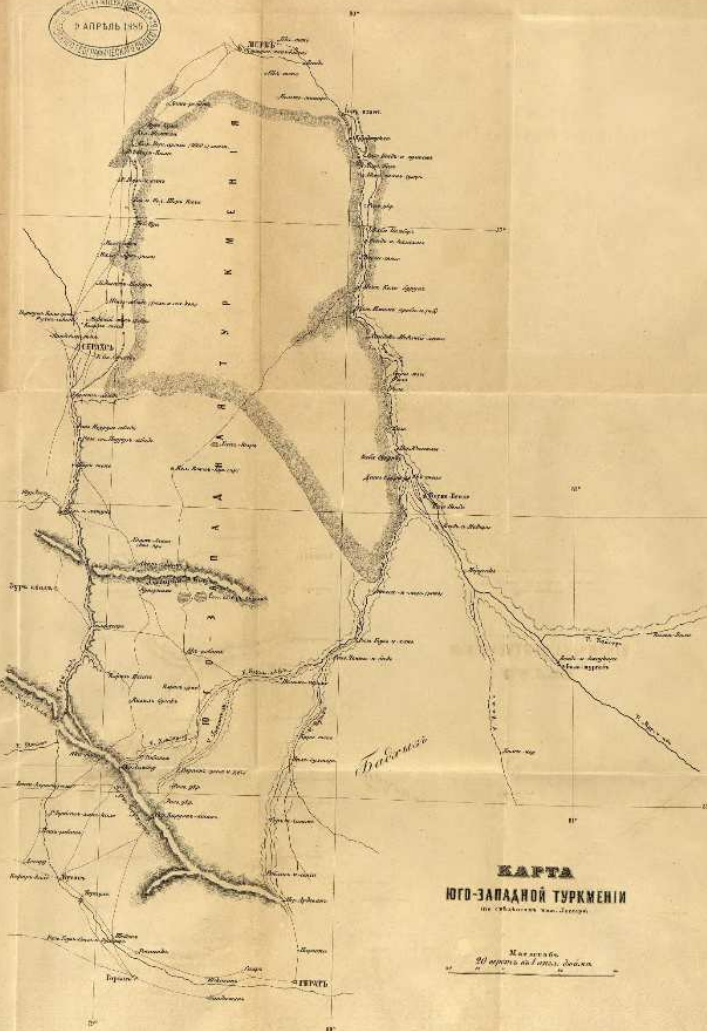
Сынъ знаменитаго министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, питомецъ С.-Петербургскаго университета по историко-филологическому факультету, графъ Алексѣй Сергѣевичъ только въ молодые годы несъ болѣе или менѣе дѣятельную государственную службу. За то наукой онъ сталъ заниматься еще на университетской скамьѣ, а по окончаніи курса въ 1844 году, отдался ей съ тою горячностью, которая уже никогда болѣе не покидала его. Сперва это увлеченіе проявлялось въ собирательствѣ: графъ началъ

составлять коллекцію древнихъ вещей и рукописей, но онъ никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ чудачковъ-собрателей, которые умножаютъ свои коллекціи, не вникая въ значеніе и достоинство приобретаемыхъ ими рѣдкостей. Гр. Уваровъ покупалъ вещи съ выборомъ и изучалъ приобретенное; поэтому-то прекрасный, имъ составленный музей древностей доисторическихъ, классическихъ, византийскихъ и русскихъ, находящійся въ его имѣніи, с. Порѣчьи (Можайскаго уѣзда Московской губерніи) есть действительно драгоценное собраніе, содержащее въ себѣ типическіе образцы по части древняго искусства и техники.

Въ 1846 г. мы видимъ графа Алексѣя Сергѣевича уже въ числѣ членовъ-учредителей образованнаго тогда въ Петербургѣ Археологическо-нумизматическаго общества и въ изданіяхъ послѣдняго находимъ первые печатные труды его, посвященные нумизматикѣ. Въ этомъ же обществѣ проявилъ онъ впервые и свою заветную мысль—дать широкое движеніе разработкѣ русскихъ древностей. Въ 1849 г. онъ предлагаетъ въ его распоряженіе нѣкоторую сумму для объявленія преміи на тему: «О металлургическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII столѣтія», и еще прежде того совершаетъ, по порученію Общества, на свои средства, археологическую поѣздку въ южную Россію.

Какъ извѣстно, обладаніе сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря даетъ нашему отечеству возможность и даже налагаетъ на него обязанность принимать самостоятельное участіе въ разработкѣ классическихъ древностей. Въ отдаленныя времена здѣсь существовали греческія колоніи, посѣщенныя и описанныя еще «отцомъ исторіи» Геродотомъ; эллино-римская, а потомъ византийская цивилизація соприкасалась здѣсь съ жизнью варварскихъ племенъ, которыя мы знаемъ по именамъ, но народность которыхъ остается заманчивою загадкой для науки; здѣсь же было поприще многихъ событий начальной русской исторіи, и отсюда проникли на Русь первые лучи христіанскаго просвѣщенія. Край, столь богатый предметами изученія, представлялъ завидное поприще для изысканій молодого археолога, и гр. Уваровъ съ жаромъ принялся за этотъ трудъ.

Въ 1851 г. онъ напечаталъ первые результаты своихъ работъ подъ заглавіемъ «Исслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря», а въ 1854 г. дополнилъ ихъ особою статьёю, помѣщенной въ «Проилеяхъ» П. М. Леонтьева (т. IV). Исслѣдованіями своими онъ усильно разрѣшаетъ многіе вопросы

КАРТА
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ
по сведениям в. в. Давидова

Масштаб
20 верст в 1 дюйм, двойн.